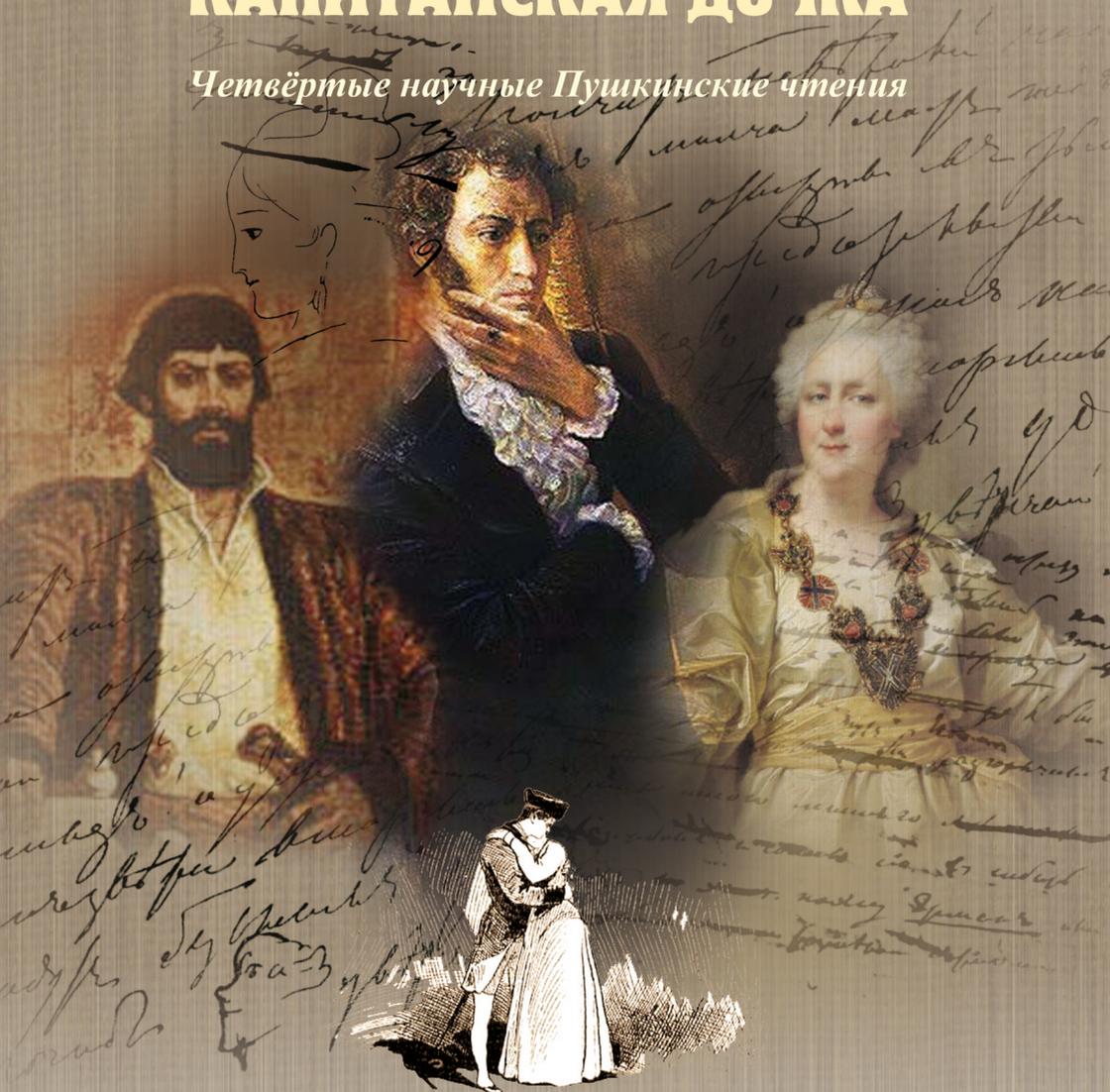

Портретная галерея повести А.С. Пушкина «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Четвёртые научные Пушкинские чтения

Оренбургский государственный аграрный университет

Научно-исследовательский центр
истории и культуры народов Южного Урала

Историко-литературный музей «Капитанская дочка»

ПОРТРЕТНАЯ ГАЛЕРЕЯ
ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА
«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

ЧЕТВЕРТЫЕ НАУЧНЫЕ ПУШКИНСКИЕ ЧТЕНИЯ

Оренбург, июнь 2012 г.

Оренбург
Издательский центр ОГАУ
2013

УДК 80/84
ББК 80/84: 63.3 (2)
П 42

Рекомендовано к изданию редакционно-издательским советом Оренбургского государственного аграрного университета (председатель – доктор сельскохозяйственных наук, профессор В. В. Каракулев)

Редакционная коллегия:

Федорова Алла Владимировна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, академик Петровской академии наук и искусств

Панина Лидия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка Оренбургского государственного педагогического университета, председатель секции языкознания Центра истории и культуры народов Южного Урала

Бобылева Анна Александровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Ответственный за выпуск – Бобылева А.А., кандидат педагогических наук

П 42 Портретная галерея повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»: Четвертые научные Пушкинские чтения: сб. статей / под ред. А. В. Федоровой. – Оренбург: Издательский центр ОГАУ, 2013. – 240 с.

ISBN 978-5-88838-797-9

Сборник включает материалы Четвертых научных Пушкинских чтений «Портретная галерея повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Статьи посвящены теоретическим, краеведческим, литературоведческим, историко-культурным и другим аспектам повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка».

Материалы могут быть полезны и интересны как историкам, филологам, краеведам, учителям, музейным работникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся литературным творчеством А.С. Пушкина, историей и культурой Южного Урала.

УДК 80/84
ББК 80/84: 63.3 (2)

ISBN 978-5-88838-797-9

© Издательский центр ОГАУ, 2013

МУЗЕЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

А. В. Федорова,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Прошлое Оренбургского края связано со многими событиями истории России и ее великими именами. Среди них особое место занимает крестьянское восстание под предводительством Емельяна Пугачёва. Пугачёвский бунт, «безжалостный и беспощадный», прогремевший на всей территории России в середине XVIII века, не мог не привлечь внимание А. С. Пушкина. Задумав написать исторический очерк и роман о Пугачёве, автор отправился в «восточные провинции», чтобы лично побывать в тех местах, где происходили события Пугачёвского восстания.

Дата приезда Пушкина в Оренбург известна по его письму Н. Н. Пушкиной, посланному 19 сентября 1833 г. из Оренбурга. Останавливался поэт у военного губернатора В. А. Перовского, знакомого ему по Петербургу. Сохранилось свидетельство самого Перовского, которому пришлось отвечать на официальное уведомление об учреждении за Пушкиным полицейского надзора.

Оренбургские достопримечательности Пушкин осматривал вместе с В. И. Далем, лексикографом, писателем, учёным, врачом, с июля 1833 г. чиновником особых поручений, состоящим при губернаторе Перовском. 18 сентября Даль только что вернулся из служебной поездки по Оренбургскому краю и, очевидно, встретился с Пушкиным у Перовского.

Главным событием для Пушкина в Оренбурге была поездка в Бёрды. В Бёрдскую слободу поэт ездил утром 19 сентября с В. И. Далем. Сотник Оренбургского казачьего войска и бывший наказной атаман станицы И. В. Гребенщиков, видимо, предупреждённый Перовским, собрал в Бёрдах старожилов, в числе которых была И. А. Бунтова, родом из Нижнеозёрной. Бунтова упоминается (без указания фамилии) и поэтом в письме к жене, и Далем в воспоминаниях [1]. При беседе Пушкина с Бунтовой присутствовал родственник И. В. Гребенщикова, приехавший из Москвы 16-летний Н. А. Кайдалов, оставивший впоследствии воспоминания об этом событии.

Чтобы осмотреть места, где начиналось Пугачёвское восстание, Пушкин выехал 20 сентября из Оренбурга в Уральск (бывшую Яицкую крепость Оренбургской губернии) [2]. Поэт отправился по правому берегу Урала через крепости Чернореченскую, Татищеву, Нижнеозёрную, Рассыпную, Илецкий городок. Меловые горы, которые Пушкин видел по дороге из Оренбурга в Уральск (возле Татищевой), дали название

Белогорской крепости в «Капитанской дочке». В Уральске поэт пробыл с 21 по 23 сентября, осматривая пугачёвские места и расспрашивая старожилов.

Наблюдения, сделанные поэтом во время поездки в Оренбургскую губернию, «оренбургские записи», которые он вёл в дороге, впоследствии были использованы в «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочке».

В культурной жизни Оренбуржья имя А. С. Пушкина и его произведение «Капитанская дочка» занимают особое место. 3 апреля 1996 г. правительством Оренбургской области и Союзом писателей России была учреждена литературная премия «Капитанская дочка». В разное время лауреатами литературной премии становились писатели Леонид Бородин и Пётр Краснов, поэты Надежда Емельянова, Ольга Мялова, Михаил Кильдяшов и др. Памятник повести «Капитанская дочка» открыт в 2005 г. в г. Сорочинске, а на Красной горе, близ Саракташа, на месте съёмок художественного фильма «Русский бунт», посвящённого событиям Пугачёвского восстания, в июне 2009 г. состоялось торжественное открытие университетского историко-литературного музея одного произведения «Капитанская дочка», приуроченное к празднованию 210-летия со дня рождения А. С. Пушкина.

По всем законам логики и справедливости музей «Капитанская дочка» не мог не возникнуть на оренбургской земле. Творчество писателя, его разносторонне развитая личность по-прежнему будоражат умы. Повесть «Капитанская дочка» — одно из драгоценнейших достояний российской литературы, не утративших актуальности до наших дней, — одинаково привлекательна для взрослых и детей.

Предложение об открытии историко-литературного музея «Капитанская дочка» поступило от ректора Оренбургского государственного аграрного университета С. А. Соловьева. Осуществление оригинального проекта легло на плечи А. В. Фёдоровой, автора данной статьи, заведующей кафедрой истории Отечества, доктора исторических наук, профессора.

Особенностью музея является то, что он создан при активнейшем участии студентов университета. Следует отметить, что наибольший вклад в это благородное дело внесли и продолжают вносить воспитанники экономического факультета. Именно они подготовили большинство имеющихся экспонатов.

Организаторы историко-литературного музея под Саракташом при выборе общей концепции руководствовались многочисленными свидетельствами о поездке А. С. Пушкина в Оренбургскую губернию, целью которой был сбор информации о Пугачёвском восстании [3].

Место под музей организаторами выбрано не случайно [4]. Известно, что Белогорская крепость, изображённая в романе, являлась вымыслом писателя. Существует несколько мнений относительно реального места расположения прототипа Белогорской крепости, описанной Пушкиным в романе. Это – Татищево, Рассыпная и Нижнеозёрная крепости. Однако известный ученый, профессор Реджинальд Овчинников считает, что прототипом Белогорской крепости является крепость Рассыпная, где писатель был проездом, собирая материал о Пугачёвском восстании 1773 – 1775 годов [5]. Исследователь пишет: «Изображая в «Капитанской дочке» события, происходившие в Белогорской крепости, Пушкин опирался на документальные свидетельства о боевых действиях Пугачёва у приицких крепостей (Татищевой, Нижне-Озёрной, Ильинской), прежде всего у Рассыпной крепости, мастерски ввёл эти реальные исторические свидетельства в ткань художественного повествования, придав ему жизненную достоверность».

В действительности, на саракташской Красной горе никакой крепости не было. Здесь, на Красной горе, известный российский кинорежиссер Александр Прошкин снимал фильм «Русский бунт» по мотивам повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Лучшего места для съёмок фильма о пугачёвских временах, чем Красная гора под Саракташом на берегу реки Сакмары, пожалуй, не найти. С неё открывается великолепный вид на всю округу. Построенная там «крепость» не имела мощных укреплений, грозных бастионов и башен. Фактически это была деревушка, окруженная деревенским частоколом, в которой обитали и несли службу несколько десятков солдат во главе с комендантом и офицерами. Созданные декораторами с максимальной исторической достоверностью деревянные дома, церковь, ветряная мельница и другие сооружения органично вписались в местный пейзаж. Работу творческий коллектив выполнил успешно – фильм получил должное признание у зрителей. А на горе под Саракташом остались открытые всем ветрам деревянные строения Белогорской крепости, срубленные мастерами по велению режиссёра.

«Капитанская дочка» в Оренбургской области – ещё один музей литературных героев. Первый музей подобной тематики создан в 1972 г. в селе Выра Ленинградской области и назван «Домик станционного смотрителя» [6].

Музей «Капитанская дочка» состоит из нескольких залов. Центральный зал музея передает атмосферу рождения исторического произведения «Капитанская дочка». Значительная часть экспозиции посвящена бесценным пушкинским документам, рассказывающим

о глубинных связях А. С. Пушкина с Оренбуржьем. Открывают выставку портрет и бюст великого поэта. Бюст А. С. Пушкина был получен в подарок от учителя средней школы села Изобильное Соль-Илецкого района Раисы Михайловны Александровой — матери Героя Советского Союза Вячеслава Александровича Александрова.

Здесь представлены копии автографов писателя, среди которых — автограф, оставленный на первоначальном плане повести. Все пушкинские автографы, а также большая часть документов экспозиции, даны в фотовоспроизведениях.

Музей «Капитанская дочка» — это переплетение материалов, связанных с историческими сюжетами Пугачёвщины и литературными героями повести А. С. Пушкина. Центральное место в экспозициях отводится персонажам произведения: Емельяну Пугачёву, Петру Гринёву, Маше Мироновой, капитану Миронову, Алексею Швабрину, Савельичу.

«Капитанская дочка» Александра Сергеевича Пушкина, её непростые героини переносят читателей в глубь веков, раскрывают перед ними колорит эпохи, сложные чувства простых обывателей. Не случайно судьба русского дворянства, волею обстоятельств перешедшего на сторону повстанческого движения, оказавшегося в водовороте тяжелейших событий русской истории конца XVIII в., до сих пор оставляет неизгладимый след в умах читателей.

Посетители музея узнают от экскурсоводов о прототипах художественных персонажей — реально живших людях. Так, например, капитан Миронов в чём-то похож на Андрея Прохоровича Крылова — отца известного баснописца Ивана Андреевича Крылова, Алексей Швабрин — на Михаила Шванвича, именно его судьба легла в основу сюжета о Швабрине. Одним из прообразов Марии Мироновой, возможно, была Прасковья Луполова.

Выставленные в зале экспонаты знакомят с изображениями людей, добровольно помогавших А. С. Пушкину в сборе материала для повести: историка Д. Н. Бантыш-Каменского, баснописца И. А. Крылова, краеведа Симбирской губернии П. М. Языкова, писателя И. И. Лажечникова и др. Это далеко не полный перечень портретов. В частности, можно отметить портрет Лео Виардо — переводчика «Пропущенной главы» на французский язык. Перед нами проходит ряд лиц, галерея иконографических реалий ушедшей, но вечно живой для нас эпохи. Среди них — друзья А. С. Пушкина, исторические деятели, художники, актеры.

Особое внимание привлекают отзывы известных писателей на «Капитанскую дочку» — Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, А. П. Чехова,

А. И. Куприна, А. М. Горького, М. И. Цветаевой. Так, Н. В. Гоголь пишет о «Капитанской дочке»: ...это «решительно лучшее русское произведение в повествовательном роде. Сравнительно с «Капитанскою дочкою» все наши романы и повести кажутся приторною размазней».

В музее собраны издания «Капитанской дочки» на различных языках — азербайджанском, армянском, грузинском, башкирском, казахском, татарском, украинском, узбекском, английском, греческом, испанском, итальянском, китайском, немецком, польском, французском, эстонском, японском.

Иллюстрации российских художников М. В. Нестерова, А. А. Платова, С. В. Герасимова, П. П. Соколова изображают сцены из жизни пушкинских героев. Русский живописец С. В. Герасимов первые акварели к «Капитанской дочке» сделал в 1909 г. В 40-е гг. XIX в. он познакомился с пугачёвскими местами Оренбуржья. Его картина «Восстание Пугачёва» репродуцировалась неоднократно. Вызывает интерес копия пугачёвского знамени.

Не менее интересными для гостей являются фотографии фрагментов фильма «Русский бунт» режиссера Александра Прошкина, автора сценария фильма Станислава Говорухина, артистов — Сергея Маковецкого, Владимира Машкова и других. Завершают экспозицию материалы о лауреатах Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка».

Во втором зале воссоздана атмосфера путешествия Пушкина по оренбургским степям, где представлены карты пушкинского маршрута, история крепостей того времени — Рассыпной, Нижнеозёрной, Татишевой, Бёрдской и других.

Экспозицию зала составляют предметы дома оренбургского казака конца XVIII в. — ступа, прялка, самовар, рубель, коромысло, лоскутное одеяло, рушник. Здесь выставлены костюм уральской казачки, копия рисунка Нижнеозёрной крепости, выполненного Пушкиным, и др. На фотографиях потомков уральских и оренбургских казаков запечатлены очертания лиц «вольных» людей конца XVIII в. На снимках казаки станиц — Илекской, Рассыпной, Татишевой, Чернореченской и др. Внимание посетителей привлекают старообрядческие иконы.

Экспозиция музея как бы обступает посетителя, погружая его в атмосферу Пугачёвского времени, поэтому зал изобилует экспонатами.

Экспозиция, посвященная литературному персонажу Петру Гринёву, раскрывает мир пушкинских героев — простых людей, оказавшихся в водовороте бурных событий Пугачёвской войны. Карта Симбирской губернии, откуда выехал Гринёв, бумажный змей имеют прямое отношение к детству героя. В зале есть даже знаменитый заячий

тулупчик – подобие того, какой пожаловал Петруша Гринёв невесть откуда взяшемуся в бурной степи «вожатому», спасшему юного дворянина от верной смерти. Среди иллюстраций особенно интересны сцены встреч Петра Гринёва и Маши Мироновой. Посетители могут познакомиться и с текстом письма Петра Маше, приговором по делу лиц, привлечённых к следствию и суду в Москве вместе с Пугачёвым и его ближайшими сподвижниками, реестром «что крадено у надворного советника Буткевича при хуторе в пригороде Заинске». О верном слуге Гринёва Савельиче есть несколько иллюстраций известных художников, в том числе – копия рисунка П. П. Соколова «Савельич останавливает дуэль».

Экспозиция «Степные народы» даёт возможность познакомиться с жизнью и бытом «полулудских» степных народов: башкир, казахов и калмыков. Невозможно оторвать взгляд от нарядных национальных костюмов. Здесь можно увидеть макет юрты – идеального жилища кочевника, камчу (плетку), башкирский национальный музыкальный инструмент – курай, женские украшения и многое другое.

В фильмотеке музея подобраны диски с фильмами, снятыми по мотивам повести в разные годы, имеются материалы об актёрах и режиссёрах, участвовавших в их создании.

Фильмы «Капитанская дочка» (1928 г., режиссёр Ю.Тарич; 1958 г., режиссёр В.Каплуновский), «Русский бунт» (1999 г., режиссёр А. Прошкин), «Прасковья Луполова» (прототип «Капитанской дочки», 2008 г.) демонстрируются в видеогостиной музея. Экранизация фильма «Капитанская дочка» 1958 г., в котором снялись Олег Стриженов, Вячеслав Шалевич, Ия Арепина, получила приз «Золотой парус» на XII Международном фестивале в Локарно (Швейцария) в 1959 г., дипломы на III и IV Международных кинофестивалях в Ванкувере и Монреале. Посетителям будет предложен документальный фильм о съёмках «Капитанской дочки», полученный из Российского государственного архива кинофотодокументов. Фильм «Русский бунт» 1999 г. (режиссер А.Прошкин) был удостоен приза за лучшую мужскую роль, приза М.Таривердиева за лучшую музыку к фильму [7].

«Капитанская дочка» – это один из Всероссийских Пушкинских литературных конкурсов. Премию в первой номинации (среди профессиональных писателей) присудили москвичу А. П. Торопцеву за серию книг по истории России, «написанных в духе пушкинской исторической традиции», в частности, за книги «Победители: история Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.» и «Двенадцать подвигов России». В 2012 г. были подведены итоги шестнадцатого тура.

Всего в 2011 г. на конкурс поступило 870 творческих работ со всех концов Оренбуржья. Были представлены жанры — очерк, зарисовка, стихотворение, эссе, рассказ, повесть, интервью, репортаж. Рецензенты конкурса выделили оригинальные стихи Виктории Мироновой, учащейся физико-математического лицея, стихотворение «Верблюд» шестиклассницы Марии Любичкой, рассказы о животных Данила Шевракова, семейную летопись Снежаны Начковой и другие работы [8].

В последние годы в конкурсе «Капитанская дочка» участвует около тысячи авторов, излучших произведений которых родились прекрасные коллективные сборники «По тебе, Яик, слава добрая!», «Оренбургская заря», «Песня воздушного шарика», «Любовь. Россия. До востребования», «Шкатулка счастья», «Каждый день благодаря», «Там, где я живу» и другие. Об уникальном явлении — детском литературном творчестве в Оренбуржье — писали известные российские литераторы Владислав Бахревский, Иван Уханов, Александр Неверов, Геннадий Красников, Леонид Бородин, Валерий Ганичев, Валентин Курбатов.

Историко-литературный музей «Капитанская дочка» — это многофункциональный культурный центр для разнообразной научной, экспозиционной, концертной и педагогической работы, который вызывает несомненный интерес его посетителей. В первую очередь он предназначен для школьников и студентов Саракташского, Оренбургского, Кувандыкского, Беляевского и других районов. В музее молодежь получает прекрасную возможность прикоснуться к творчеству величайшего русского поэта.

6 июня 2011 г. состоялось открытие филиала историко-литературного музея в старинном казачьем селе Татищево, расположенном в Переволоцком районе. Задумка об открытии филиала историко-литературного музея «Капитанская дочка» в Татищево возникла практически одновременно с идеей создания «головного» музея. Из историко-этнографического музея университета в Татищево было передано немало экспонатов, составивших основу будущей музейной экспозиции. В итоге коллективных усилий в здании местной школы был открыт филиал историко-литературного музея. «У «Капитанской дочки» появилась сестренка», — так образно написала об этом областная газета «Южный Урал» [9]. Открытие филиала музея прошло в красочной и торжественной обстановке, в присутствии многочисленных гостей и участников события. Студенческий театр «Живая история» показал несколько сенок по пушкинской повести. Там же прошел тематический «круглый стол» [10]. Всех участников и гостей праздничного мероприятия порадовал своим искусством фольклорный ансамбль «Перегода».

16 сентября 2011 г., в очередную годовщину приезда великого поэта в наш край, состоялся второй выезд преподавателей и студентов аграрного университета в Татишево. Гости приехали не с пустыми руками: они привезли с собой новые экспонаты для филиала музея и солидную культурную программу. В частности, там был организован показ большой коллекции старинного платья, состоялась межвузовская научная студенческая конференция «Оренбургские истоки повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», на которой прозвучали доклады, посвященные творчеству великого поэта. Помимо студентов и преподавателей аграрного университета, в ней приняли участие их коллеги из педагогического университета, а также педагоги и ученики местной школы. Следует отметить, что доцент Оренбургского государственного педагогического университета Л. С. Панина со своими студентами-филологами на протяжении последних лет являлась непременным участником практически всех научных мероприятий аграрного университета. Доцент Л. В. Иванова выступила с содержательным докладом «Образность речи жителей села Татишево».

Конференция прошло живо, на одном дыхании. Участники выразили уверенность в том, что она станет, несомненно, значимым событием в культурной жизни Переволоцкого района, будет способствовать приобщению молодежи к наследию Пушкина.

Наряду с Татишево А. С. Пушкин во время своей поездки дважды посетил и Чернореченскую станицу. Именно поэтому у сотрудников музея появилась идея расширить географию Пушкинских чтений и проводить межвузовские студенческие конференции в Татишево и в Черноречье.

Важной составной частью работы историко-литературного музея «Капитанская дочка» стали ежегодные международные научные Пушкинские чтения, традиционно проводимые в день рождения А. С. Пушкина – 6 июня, в которых принимают участие преподаватели высших учебных заведений Оренбурга, ученые из университетов Белоруссии, Украины, Германии, Афганистана, Вьетнама, Индии, Китая, Японии и молодые исследователи африканских стран. На секциях участники озвучивают доклады, посвященные изучению различных аспектов повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». По итогам Пушкинских чтений выпущены сборники статей «Пушкинские чтения, посвященные открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка» (2009 г.), «Пушкинские чтения «Русский бунт на страницах повести «Капитанская дочка» (2010 г.), «Третьи научные Пушкинские чтения «Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко-литературном контексте» (2011 г.). В сборниках опубли-

ликованы статьи российских ученых, а также работы Тоёкава Коити (Япония), Стива Тинсли (США), Ву ле Куен (г. Ханой, Вьетнам), Алока Копура (Индия), Мохаммеда Али Касим Мохаммеда (г. Багдад, Ирак), Ализады Мозаммада Шаха (г. Кабул, Афганистан) и др.

Историко-литературный музей «Капитанская дочка» является многофункциональным культурным центром разнообразной научной, экспозиционной, концертной и педагогической работы.

Музей обладает солидной коллекцией костюмов XVIII в., активно используемых в работе. Среди них, в частности, имеются костюмы оренбургских и уральских казаков и казачек, а также форма и головные уборы солдат и офицеров царского войска.

Прекрасные старинные женские наряды, часто демонстрируемые во время различных мероприятий, неизменно привлекают всеобщее внимание. Здесь есть подлинные вещи и изготовленные студентами по описаниям искусствоведов. Богатая костюмерная база позволяет устраивать как в самом музее, так и на прилегающей территории красочные театрализованные представления.

В музее сформировались разнообразные направления и формы работы. Основными из них стали научная, научно-фондовая, экспозиционно-выставочная и культурнообразовательная деятельность. Это сохранение и популяризация пушкинского наследия; организация и участие в проведении исследований, конференций и семинаров с привлечением не только ученых, но и студентов; пропаганда и использование предметов и коллекций музея в учебном процессе и научных исследованиях; организация художественных экспозиций и выставок.

Параллельно с работой по комплектованию музейного собрания в музее идёт напряженная исследовательская работа. Ректор Оренбургского государственного аграрного университета профессор В. В. Каракулев предоставил наиболее благоприятные условия для развития научной деятельности музея.

Организаторы стремятся привлечь внимание молодежи к повести «Капитанская дочка». Эпизоды Пугачёвского восстания, образы героев, сцены повести – все эти темы нашли отражение в работах студентов, включенных в отдельную выставку. Посетители выставки могут увидеть лучшие работы, выполненные в самых разных техниках: графика и живопись, роспись по дереву, бумажная пластика, тряпичные куклы и бисероплетение. Мастерски выполнен портрет Александра Пушкина, автором которого является студентка Нина Демченко, выпускница сельской школы в Александровском районе. Приятно, что некоторые студенты творческие работы выполняют вместе со своими родителями, например, Иван Гусак и Анна Безбородова.

Первоначальными шагами в сфере научно-просветительной работы стали регулярные временные выставки, полностью сформированные из фондов музея. Это привлекло внимание потенциальной аудитории и позволило музею заявить о себе. Выставки, сменяющие друг друга, были разнообразными по тематике.

Неординарные, яркие музейные выставки служат своеобразной формой презентации самого музея и привлекают в музейные залы порой даже тех, кто прежде остался равнодушным к традиционно решенным постоянным экспозициям.

В декабре 2010 г. с большим интересом была принята выставка, организованная в Оренбургском государственном педагогическом университете, а в 2011 г. — в аудиториях экономического факультета и факультета информационных технологий аграрного университета, в неполной средней школе села Татищево Переволоцкого района.

Главная особенность музея в ситуации информатизации общества — это публичность всех его действий, поскольку та деятельность, о результатах которой широкой публике ничего не известно, в рамках информационного общества не существует.

На протяжении пятилетия опубликованы десятки статей и заметок об акциях музея. Это и всероссийский журнал «Мир музея», ведущие оренбургские областные газеты, ряд статей вышло на страницах районной печати.

С первых дней существования музей сотрудничает с журналом Оренбургского государственного аграрного университета «Университетский меридиан», где даются анонсы, освещаются главные события, действует постоянная рубрика «Интересный экспонат», в которой рассказывается о предметах, попавших в наши коллекции.

О значимости существования историко-литературного музея «Капитанская дочка» свидетельствует следующий факт. С 30 сентября по 3 октября 2010 г. в Оренбурге работал авторитетный форум — Международный съезд пушкинских музеев. В его работе приняли участие 11 музеев России и ближнего зарубежья. Среди них — Государственный музей А. С. Пушкина (г. Москва), Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина (Вязёмы-Захарово), Государственный мемориальный и природный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское», Литературный музей А. С. Пушкина в Вильнюсе (Литва), Литературно-мемориальный музей А. С. Пушкина в Одессе (Украина) и др.

На базе музея работает Пушкинское научное общество студентов, которое объединяет научно-исследовательское общество, гостиную, семинар, студию и другие творческие коллективы университета.

Результаты исследований студенты представляют на ежегодной университетской научной конференции, а также на Пушкинских чтениях в Татишево. Так, в июне 2009 г. в университете состоялась межвузовская научная студенческая конференция «Перечитывая повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка», посвященная 210-летию со дня рождения великого писателя. Прекрасно подготовленные доклады прозвучали на студенческой научной конференции в апреле 2010 г., к которой была приурочена специальная выставка студенческих работ, среди которых — гравюры, картины, написанные маслом и акварелью.

В музее студенты получают навыки научно-исследовательской работы, изучая музейные предметы. Музейный предмет как объект исследования позволяет погрузиться в атмосферу екатерининского времени и полнее раскрыть страницы Крестьянской войны.

Поиски новых форм просветительной работы привели к созданию театра исторической миниатюры. Основу его коллектива составили студенты экономического факультета. Театр ставил своей задачей популяризацию знаний об А. С. Пушкине и его повести «Капитанская дочка». Погрузившись в атмосферу XVIII в., зрители увидели сцены знакомства Петра Гринёва с Емельяном Пугачёвым на заснеженной дороге, дуэль между Гринёвым и Швабриным, спасающую своего жениха от несправедливого наказания Машу Миронову. В постановке принимали участие студенты экономического факультета: Артем Скрылёв предстал в роли Емельяна Пугачёва, Виктор Бурбыга — Петра Гринёва, Кристина Вострикова — Маши Мироновой и Алексей Басов — А. С. Пушкина.

«Капитанская дочка» прочно прижилась на Оренбургской земле. Огромной популярностью пользуется Всероссийская литературная премия, известен памятник в г. Сорочинске, а теперь появился и музей. Музей «Капитанская дочка» пока носит статус университетского историко-литературного музея. Думается, в будущем музей приобретет новое, более значительное положение.

Гости оставляют записи в музейной книге отзывов. Немало добрых слов сказано и в адрес руководства аграрного университета, проявившего широту взгляда и поддержавшего энтузиастов. Обобщенное мнение, с выражением чувств благодарности, было высказано самым авторитетным из гостей — директором Московского государственного музея А. С. Пушкина в Пречистенке Е. А. Богатыревым, посетившем музей 1 октября 2010 г. в рамках работы съезда пушкинских музеев. Представители пушкинских музеев не только не скупилась на похвалы, но и дали немало ценных советов и рекомендаций своим оренбургским коллегам.

Примечания

1. Овчинников Р. В. Над «Пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981. С. 60–70.
2. Славянский Ю. А. Поездка А. С. Пушкина в Поволжье и на Урал. Казань, 1980.
3. Петрушина Н. Н. К творческой истории «Капитанской дочки» // Русская литература. 1970. №2. С. 79–92.
4. Соколова В. Ректор заставил меня искать бриллианты и изумруды // Южный Урал. 2009. 23 июня. С. 3.
5. Федорова А. В. Крепость, покоровившаяся Емельяну Пугачёву // Русский бунт на страницах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Оренбург, 2011. С. 3–12.
6. Грановская Н. Домик станционного смотрителя // Литературная газета. 1972. 18 октября.
7. Федорова А. В. «Капитанская дочка» – повесть и музей // Пушкинские чтения, посвященные открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка» в Оренбургском государственном аграрном университете (к 210-летию со дня рождения А. С. Пушкина): сб. статей / под ред. А. В. Федоровой. Оренбург, 2010. С. 3–14.
8. Бубликова Т. «Капитанская дочка» // Оренбуржье. 2011. 20 октября. – С. 4.
9. Надршин Ф. У «Капитанской дочки» появилась младшая сестренка // Южный Урал. 2011. 22 июня. С. 3.
10. Музей «Капитанской дочки» в с. Татищево // Светлый путь. 2011. 9 июня. С. 1.

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД НА ЛИЧНОСТЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Е. ПУГАЧЁВА

А. Г. Палкин,

*Институт степи Уральского отделения Российской академии наук,
г. Оренбург*

Первым в ряду создателей образа смело можно поставить Пушкина с его персонажем, который им самим был назван «славным мятежником». Облик Пугачёва в литературе постоянно уточнялся – от книги к книге, от автора к автору, – достигнув пика где-то в 60-х годах. Описаниям свойственен высокий стиль; вот несколько примеров: «Полная нужды и забот, тяжелого труда и испытаний, обид и тревог жизнь... Испытания ...оторвали его [Пугачёва] от чисто казацкой среды, бросили в пучину народного горя... воочию, на себе познав всю тяжесть

гнёта крепостнической системы в целом»; «Простой донской казак из бедной казачьей семьи, Пугачёв испил до дна всю горькую чашу обид, горя и бед, которая была уготована царизмом для множества таких, как он»; «Пугачёв понимал, что народ стоит у порога восстания страшной силы и весь вопрос в том, кто и где его начнет» (В. Мавродин) [1]; Пугачёв был харизматической личностью, понявшей, что «уйти от этого мира гнета и нищеты некуда, и единственный способ добиться воли — это бороться с этим миром и ниспровергнуть его» (В. Мавродин) [2]; «Ловкость, отвага, смелость, кипучая энергия и вольнолюбие — характерные черты Пугачёва», «умный, сильный духом, волевой и решительный вожак» (А. Андрущенко) [3]; «натура бесстрашная и бесшабашная, удаль и молодечество» (В. Буганов) [4]; «острым воинским глазом он подмечал и цепким крестьянским умом он учитывал» рост недовольства народа (И. Гвоздикова) [5]; «Выдвинутый волею обстоятельств в лидеры движения, взяв на себя исключительно сложную роль новоявленного «Петра Третьего» и мастерски исполняя ее, Пугачёв вырос в выдающегося вожака восставшего народа. Ему присущи были редкостная энергия, неукротимая воля и смелость, великодушие, верность избранному пути, сострадание к угнетенному народу» (Р. В. Овчинников) [6] и т.д. и т.п.

Пугачёвский бунт характеризовался грандиозным всплеском насилия, длившегося больше года и затронувшего сотни тысяч человек на нескольких тысячах квадратных миль. В Европе XVIII столетия Пугачёвщина до 1789 г. была самым длительным, самым масштабным и самым разрушительным выступлением против основ старого порядка. Это обстоятельство ставит Пугачёвский бунт в один ряд с революциями, охватившими Европу и Америку в последние десятилетия XVIII века. В 1767 г. Екатерина II с гордостью провозгласила Россию европейским государством. Грандиозное восстание, потрясшее ее трон шесть лет спустя, по-своему подтвердило правоту этого утверждения императрицы. Россия действительно вошла в эпоху революционных выступлений нового времени.

На первый взгляд Пугачёв выглядит белой вороной в ряду благородных вождей «века демократических революций» в других странах. Он больше похож на разбойника, чем на Вашингтона, Джефферсона, Берка, Вольтера или Иосифа II. В то время как пресса Западной Европы и Северной Америки считала русского повстанца дворянином, Екатерина II откровенно насмеялась над «маркизом де Пугачёвым». Сравнение бунта на восточных окраинах западной цивилизации с началом другого народного выступления на противоположной части европейского мира — Американской революции — может показаться бес-

смысленным. Их движущие силы, состав, организация, руководство, программа, продолжительность и итоги абсолютно несопоставимы. Но Американская революция и восстание Пугачёва обладают удивительным сходством: оба эти движения нанесли мощные удары по старому режиму с его представлениями об общественном устройстве, основанном на привилегиях дворян. Хотя Пугачёв потерпел поражение, он с удивительной силой обнажил ограниченность и изъяны «просвещенной» общественной программы Екатерины Великой.

На основе классификации революций Крейна Бринтона в его сочинении «Анатомия революции» [7] Пугачёвщину следует считать неудавшейся революцией с элементами территориально-национального восстания. Восстание Пугачёва было региональным, ограниченным в основном российской юго-восточной границей и примыкавшими к ней землями; оно никогда не было общенациональным движением. Ни казаки, ни башкиры не составляли гражданскую нацию в современном смысле этого слова. Они боролись за свою автономию в составе Российской империи, а не за национальную независимость.

Недавно Роберт Форстер и Джек Р. Грин, опираясь на Марка Раеффа, определили Пугачёвщину как «крупное региональное восстание с ограниченными возможностями, не переросшее в революцию», хотя сам Раефф отмечает его пограничный и казачий характер [8], [9].

Опираясь на теорию Чалмерса Джонсона [10], попытаемся выяснить, каковы были цели восстания, возглавляемого Пугачёвым. Первоначально казаки хотели изгнать царскую администрацию из Яицкого городка и восстановить свой автономный статус в составе Российской империи. Поскольку первая их атака на Яицкий городок потерпела неудачу, они обратили свои взоры на Оренбург, олицетворявший царскую власть в регионе. Затем восстание перекинулось на Урал и соседние регионы, где имелись дополнительные силы и оружие для осады Оренбурга. После присоединения к восстанию башкир целью повстанцев стало уничтожение царской власти и ее сторонников в регионе. Однако основной целью движения оставалась власть, которую Джонсон определяет как «политические и административные институты, порождающие и исполняющие волю общества». Только в самом финале, летом 1774 г. в Поволжье, восстание сфокусировалось на истреблении, или власти, то есть «на государстве, на основе основ, на фундаментальных принципах». Затем повстанцы призвали к массовому истреблению дворянства. Этот период характеризовался также множеством жертв как среди повстанцев, так и среди их противников. Не стоит воспринимать всерьез туманные угрозы Пугачёва идти на Москву или на Санкт-Петербург — это никогда не было целью

восстания. Не была целью пугачёвцев и Казань. Повстанцы оказались у ее стен случайно, застав город врасплох. Поскольку Пугачёвщина, не считая ее кровавого финала в Поволжье, в основном была направлена против правительства, она соответствует первому критерию Джонсона для крестьянского восстания.

Кем были пугачёвцы? Зачинщики восстания и его руководители являлись простыми казаками. Их этническая принадлежность и социальное происхождение отличаются чрезвычайной пестротой. По религии – старообрядчеству – и укладу жизни они отличались и от соседних кочевников, и от жившего севернее русского населения. Однако их территория, экономика и тесные отношения с империей связывали их с тюркскими кочевниками и калмыками, православными и мусульманскими крестьянами. Эти связи были как бы кузнечными мехами, с помощью которых казаки могли раздуть свой маленький повстанческий костер в огромный региональный пожар. Они успешно привлекали на свою сторону местное население, хотя, очевидно, неосознанно. Ясно, что восстание Пугачёва было массовым стихийным движением. Как правило, его лидерами являлись крестьяне в широком смысле этого слова, тогда как казаки (и староверы) вдобавок в чем-то напоминали сельские тайные общества. Короче говоря, такие отличительные черты данного восстания как массовость и стихийность удовлетворяют теории Джонсона.

Яицкие казаки вошли в состав Российской империи недавно и не полностью и, подобно жившим севернее башкирам, еще помнили о своей былой независимости. Их отношения с казаками и пример калмыков, ушедших в 1771 г. в Китай, лишний раз свидетельствовали о политической нестабильности на степной границе. Но как только казачьи повстанцы отважились двинуться вглубь страны, их воинский дух и боеспособность ослабли. Случайный успех Пугачёва в Казани не должен заслонять тот факт, что действия повстанцев на севере практически всегда были неудачными. Если их последний марш в Поволжье воспринимался властями и русским дворянством как нашествие, то для самих мятежников он был бегством. В этом походе казаков сначала покинули их временные спасители – башкиры, а в финале – и поволжские крестьяне. У казаков всегда были исключительно локальные цели, и они не помышляли о всеобщем восстании.

Один из ведущих советских специалистов по данной проблеме, профессор В. В. Мавродин, полагает, что отказ Пугачёва осенью 1773 г. идти в глубь страны и его стремление захватить Оренбург не были ошибкой, поскольку именно в этот период восстание превратилось в региональное движение, а повстанцы создали для себя территориаль-

ную базу. Кроме того, согласно Мавродину, у Пугачёва тогда не было выбора. Казаки хотели сокрушить Оренбург как бастион царизма в своей среде, что характерно для «крестьянской войны». Вероятно, поэтому они воевали против Яицкого городка и отказались идти на Москву после захвата Казани [11], [12].

Обращения повстанцев учитывали состав населения и поэтому их призывы к казакам, туземцам, крестьянам, горожанам, староверам и т.д. не были одинаковыми. Также в этих призывах звучали эсхатологические мотивы. Таким образом, знаменитый манифест конца июля 1774 г. после призыва к истреблению дворянства — по Джонсону, «чистки местных элит массами» — обещал, что «по истреблении которых противников злодеев-дворян всякой может возмущать тишину и спокойную жизнь, коя до века продолжатца будет». Пугачёв в своих публичных заявлениях иногда изображал из себя пророка, обещая восстановить старую веру и избавить страну от засилья иностранных порядков.

Пугачёвский бунт разом разрушил столь тщательно создаваемый Екатериной II образ просвещенной, процветающей, прогрессивной России. Разграбленные дворянские усадьбы и повешенные на воротах их владельцы опровергли неуклюжие заверения властей о дружбе между помещиком и крестьянином. Восстание сорвало с имперского правительства маску, и оно предстало перед миром в качестве лицемера, громко трубившего о согласии и равенстве прав всех граждан, а на практике установившего над большинством собственного населения тиранию дворян и дворянской военщины.

Институты, способствовавшие формированию у различных социальных классов чувства политического единства, в стране отсутствовали. «Между крестьянской Россией и правительством страны не было никакого диалога и не существовало основ и механизмов для политического компромисса»[13]. Поэтому страна оставалась политически нестабильной, ее эволюция была проблематична, а будущее — неясным. В царской империи самодержавный деспотизм и народная анархия были странными, но взаимодополняющими друг друга партнерами.

Содержание концепции региональной идентичности писателя и философа А. В. Иванова в следующем: на каждой территории есть свой наиболее эффективный способ хозяйствования. Он образует свой социум, который в свою очередь формируется вокруг какой-то одной или двух ценностей. И всю Россию можно рассматривать не как цельный организм, деградирующий от центра к окраинам, а как систему из разных идентичностей. Есть, например, южно-уральская идентичность, казачья. На Южном Урале самый эффективный способ построе-

ния территорий — казачьи поселения, потому что там есть сельское хозяйство и свобода от крепостной зависимости. Потому что там вечная вражеская угроза и крестьянские войны. И казачья идентичность формируется вокруг главной ценности — свободы и равенства.

Различные идентичности — это не разные миры, это не разные страны, это разные варианты одного и того же русского мира. Если говорить в философском смысле, то для каждой идентичности есть своя главная ценность, то, что их объединяет. Ценности у всех разные: у рабочих — труд, у казаков — справедливость, у сибиряков или северян — предприимчивость, у националистов — традиция.

Главное, что объединяет русское пространство, — это то, что для всех свобода является ценностью номер два. Вот на этом и базировалась всегда Российская империя — на поспрании идей свободы, поскольку региональная идентичность не ставит свободу во главу угла, как ставит европейский социум. Поэтому империя жизнеспособна.

Поэтому понятно, почему, например, весь юг России — красный пояс и почему там красные губернаторы против всех реформ. Да потому что главная ценность там — справедливость и равенство, ценность, которая больше соответствует Советскому Союзу.

Пугачёвщину никто так и не осмыслил. Даже Екатерина сказала: «Предадим забвению». И реку Яик переименовали в Урал. А Пушкин вспомнил и подал эту историю как борьбу черни против знати. Действительно, Пугачёв хотел казаков сделать новой элитой России — сформировать казачью Россию. Для советских историков это была война угнетенных и угнетателей, то есть классовая война. На нынешнем этапе, уже в XXI веке, можно говорить о Пугачёвщине как о войне идентичности. Когда каждый социум воевал за собственную идентичность — за право жить так, как он хочет. Например, уральские заводы Пугачёва не поддержали. Они выступили против него. На заводе, разумеется, работали рабочие, но было огромное количество черной работы, в которой использовать рабочих было экономически невыгодно. То есть рубить лес, возить грузы, копать руду. И действовала система приписки. Это когда огромное количество деревень было приписано каждому заводу и крестьяне занимались этими работами. И в итоге крестьяне восстали и пошли разрушать те самые заводы. А рабочие сами, без войск, без начальства обороняли свои заводы, потому что это был их хлеб. Это была война идентичностей. И если нам в школе говорят, что Пугачёв нес свободу, — ничего подобного. Половина мятежников были башкирами и калмыками, которые были свободны, оставшиеся были казаками, которые были лично свободны.

Для России единственный способ выживания – это возвращение к политическим свободам, которые за собой потянут экономические. Экономические свободы потянут за собой восстановление идентичности. И только восстановленная идентичность сделает Россию привлекательной для мира.

Но у Пугачёва были и наследники. Его имя и дела сохранялись в фольклоре, о нем шептались в семьях дворян, громко кричали грабители и разбойники [14]. Произведения Пушкина на эту тему, санкционированные самим Николаем I, получили широкую известность у читающей публики начиная с 1830-х гг. С 1840-х гг. радикальная интеллигенция рассматривала это восстание как свидетельство исконности русского радикализма. Радикалы типа Михаила Бакунина (1814–1876) считали восстание Пугачёва доказательством того, что крестьянство может стать источником революции в России. Народники 1860-х и 1870-х гг., вдохновленные этими идеями, организовали что-то вроде «Пугачёвщины наоборот», идя в деревни поднимать крестьян на борьбу с царизмом. Их наследники, социалисты-революционеры начала XX века, продолжали верить в революционный потенциал крестьянства. Это же мнение разделяли различные анархистские группы 1890-х гг. Нестор Махно, яркий представитель украинских крестьян-анархистов периода Гражданской войны в России, имел столько же прав на идейное наследие Пугачёва, сколько последователи Ленина. То же можно сказать и об антисоветских крестьянских повстанцах Тамбовской губернии в 1920 г. и тех, кто поднял Кронштадтское восстание в 1921 г. Даже Мао Цзэдун, вероятно, может претендовать на часть целей Пугачёва. Поэтому наследие Пугачёва не может целиком принадлежать какой-то одной группе.

И народ этот, сочувствовавший Пугачёву и его делу, ждавший его с надеждой по всем городам и весям Российской империи, вынужденный молчать и подчиняться, когда в первопрестольной казнили их заступников, не забыл, прославил его в песнях и легендах, пронес память о нем через долгие годы страданий и борьбы, вспоминая имя и дела его в трудные моменты своей жизни и в годы бесстрашной борьбы с угнетателями.

Пугачёв, при всей своей безграмотности, темноте, будучи человеком острого ума, «проворным» и проницательным, несомненно, понимал значение и смысл того дела, на которое он поднял огромные массы людей, пошедших за ним. Не мог он не думать о том, что его выступление, несмотря на поражение, не было одиноким в жизни русского народа, истинным сыном которого он был. Он, конечно, как и все его современники, хорошо знал о Разине, его атаманах и казаках, слышал

предания о нем, пел, может быть, песни об удалом сыне Дона. Он действовал в тех местах, где за сто лет до этого воевали с царскими войсками Разин и разинцы. Пугачёв, собственно говоря, продолжил дело Разина, Болотникова, Булавина и других борцов за народную долю. Не мог он думать и о том, что простой народ, с восторгом встречавший пугачёвцев, их манифесты, на его стороне и сейчас, и в будущем. Недаром он столько раз и недвусмысленно говорил о российской «черни», что она, конечно, пойдет за ним, поскольку терпит великие обиды и отягощения, стремится избавиться от барской неволи.

И простой народ, и его лучшие представители не только не забыли Пугачёва, героические деяния повстанцев последней в истории России Крестьянской войны. Они прославили имя народного заступника, которое снова и снова звало их к борьбе с гнётом, несправедливостью. В середине XIX века грозный призрак «Пугачёвщины», витавший над российским дворянством, несомненно, ускорило падение крепостного права. Ещё в начале XX века, как отмечал В. И. Ленин, русским помещикам мерещились вилы и топоры повстанцев Разина и Пугачёва. Их далёкие потомки в новых исторических условиях и на качественно ином, гораздо более высоком уровне организации и идейной оформленности довели до конца борьбу с эксплуататорами в октябре 1917 г. Многие люди воздают должное высокому подвигу Пугачёва и пугачёвцев. В 1985 г. в Саранске был построен единственный в мире памятник Е. И. Пугачёву. Пора и на территории города Оренбурга увековечить славное имя Пугачёва. Имя и дела его стали одной из самых выдающихся страниц истории Отечества, деяний наших великих предков.

Примечания

1. Мавродин В. В. Крестьянская война в России в 1773–1775 гг. Восстание Пугачёва. Т. II. Л., 1966. С. 67, 68, 90.
2. Мавродин В. В. Под знаменем Крестьянской войны. М., 1974. С. 23.
3. Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг. на Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969. С. 20, 18.
4. Буганов В. И. Пугачёв. М., 1984. С. 127.
5. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачёва. Уфа, 1999. С. 271.
6. Емельян Пугачёв на следствии: сб. док-тов и мат-лов / отв. исполнитель Р. В. Овчинников. М., 1997. С. 24.
7. Brinton C. The Anatomy of Revolution. New York, 1938 (пересмотренное изд. 1952). P. 22–25.
8. Robert Forster and Jack P. Greene (eds.). Preconditions of Revolution in Early Modern Europe. Baltimore; London, 1970. P. 12, 194.

9. Preconditions of Revolution in Early Modern Europe // Pugachev's Rebellion. Baltimore; London, 1970. P. 161 – 202.
10. Johnson Ch. Revolution and the Social System. Stanford, 1964.
11. Крестьянская война в России в 1773 – 1775 гг.: восстание Е. И. Пугачёва. Т. II.
12. Пронштейн А. П. Решенные и нерешенные вопросы истории крестьянских войн в России // Вопросы истории. 1967. №7. С. 161.
13. Emmons T. The Peasant and the Emancipation // The Peasant in Nineteenth-Century Russia. Stanford, 1968. P. 69.
14. Песни и сказания о Разине и Пугачёве. Л., 1935.

А. С. ПУШКИН – ИСТОРИК

Бу Ле Куен,
г. Ханой, Вьетнам

В числе произведений А. С. Пушкина нас привлекает до сих пор повесть «Капитанская дочка», написанная писателем в 1833 г. По мнению многих исследователей, это произведение оригинальное и спорное: с одной стороны, историческая повесть, с другой – семейная хроника рода Гринёвых и захватывающая история любви двух молодых сердец. Произведение можно причислить также к жанру романа-притчи, так как судьбы главных героев являются прямым подтверждением народной мудрости, вынесенной в эпиграф.

Повесть «Капитанская дочка» не случайно относят к историческим произведениям. В ней представлены не просто исторически значимые лица, но и само действие имеет документальную основу – приказы, выписки, письма, которые с такой тщательностью А. С. Пушкин разыскивал в архивах.

Описываемые в повести события происходят на протяжении нескольких лет – с 1772 по 1775 годы. Как отмечает известный исследователь языка А. С. Пушкина Г. О. Винокура, вся повесть написана от первого лица, повествование ведется от имени Петра Гринёва, потомственного дворянина, искренне преданного императрице Екатерине II и своей Родине. Воспоминания Петруши Гринёва (повесть представляет собой мемуары главного героя) связаны с одним из самых страшных событий российской истории – крестьянским восстанием под руководством Е. И. Пугачёва. Народный руководитель восстания, бунтарь – это яркая и сложная историческая личность – в центре произведения, вокруг Пугачёва выстроены все основные сюжетные линии, с ним взаимодействуют практически все герои произведения.

Пушкинский Пугачёв «соткан» из фольклора. Не случайно его появление во время бурана — символического предвозвестника бунта. А Гринёв не только свидетель, но и участник происходящих исторических событий. Становление характера стойкого и прямолинейного молодого дворянина связано с постоянным испытанием чести и совести. После отъезда из дома молодой барин постоянно попадает в ситуации сложного нравственного выбора. В выборе между предательством и долгом он руководствуется заветом отца: «береги честь смолоду».

Весь нравственный потенциал главного героя повести окончательно раскрывается во время народного бунта. За один только день, проведённый в Белогорской крепости, Гринёву приходится несколько раз выбирать между жизнью и смертью. Молодой неопытный дворянин ни разу не идет на предательство во имя спасения собственной жизни, в отличие от некоторых, не столь чистых духовно, как он, героев. Но увидев «русский бунт», «бессмысленный и беспощадный», Гринёв серьёзно задумался о судьбе русского дворянства. Молодой офицер приходит к мысли, что во многом его судьба зависит от отношения к «чёрному люду», от умения принять этот люд если не как равный, то не лишённый самобытности и человеческого достоинства. Согласно точке зрения главного героя, уберечь, спасти Россию от кризиса способно только мирное и гуманное сосуществование сословий. А это первый толчок к расшатыванию идеального образа монархии и самодержавия. Символичен в связи с этим и сон Гринёва. В нем Пугачёв предстает в образе отца Гринёва, в котором «страшный мужик, весело поглядывая, приглашает его под свое благословение». Самое главное, решающее и судьбоносное нравственное испытание, на наш взгляд, настигает героя уже в Оренбурге. Получив от Маши письмо, Пётр должен сделать выбор между долгом и честью — спасти любимую из осаждённого города, где она оказалась в руках негодяя Швабрина, или остаться в Оренбурге и выполнять долг солдата, зная, что невинную девушку мучают и никто не сможет прийти ей на помощь. Отчаянный призыв Маши: «Вы один у меня покровитель; заступитесь за меня бедную» — стал решающим. Гринёв-человек победил Гринёва-солдата, дававшего присягу императрице. Он решился уехать из Оренбурга, а затем воспользоваться помощью Пугачёва.

Таким образом, судьбы героев «Капитанской дочки» во многом трагичны, однако финал повести — счастливое воссоединение Маши и Петра — светел и радостен. Императрица Екатерина II пришла на помощь влюблённым, снизошла до «предателя» и пожалела «сиротку». Только благодаря императрице и безрассудной смелости Маши, пришедшей к императрице во имя спасения своей любви, история имеет счастливый финал.

Историческое произведение А. С. Пушкина начинается с эпиграфа, известной русской пословицы: «Береги честь смолоду, а платье снову». Что же хотел сказать писатель – историк, вынесший народную мудрость в заглавие своей повести? Наверное, то, что уже многократно замечено и народом, и великими людьми: человек, который хотя бы один раз запятнал свою честь, поступившийся совестью, никогда не сможет избавиться от позора. Безусловно, А. С. Пушкин убеждён и хочет убедить читателей в том, что следует слушать голос сердца, но при этом полагаться на собственную мудрость и холодный ум, ведь каждый человек, совершив выбор между честью и долгом, может сохранить либо запятнать навеки свою честь.

Следовал ли Гринёв совету отца? Конечно, да. Обвинения в предательстве оказались мнимыми. Первое знакомство Гринёва с Пугачёвым имело под собой вполне обыденное человеческое желание обогреть ближнего своего, делящего с тобой дорогу и помогающего тебе в непогоду. Впоследствии, желая спасти Машу, Гринёв не мог сделать другой выбор, зная, что несчастная, безвинная жертва в руках предателя, и нет спасения, никто не поможет ей. Честь в романе, таким образом, – то мерило человечности и порядочности героев, их нравственности и душевной чистоты. Именно поэтому разница в отношении к чести и долгу развела на противоположные стороны барьера Гринёва и Швабрина. В любой истории можно открыть качества характера, ранее неизвестные. Подлые и низкие поступки делают любого человека законченным негодяем. У каждого есть шанс даже в самых тяжелых испытаниях найти выход, не замарав чести.

Повесть «Капитанская дочка» занимает особое место в творчестве А. С. Пушкина. Она относит нас в XVIII век, во времена правления Екатерины Великой, когда разгорелась Крестьянская война под предводительством Емельяна Пугачёва. Все, кто когда-то читал произведения А. С. Пушкина, не могут остаться равнодушными к истории России, которую так хорошо знал великий русский писатель.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ А.С.ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

М. С. Гладилин,

*Государственный историко-литературный музей-заповедник А. С. Пушкина
«Захарово-Вязёмы»*

«Не приведи бог видеть русский бунт», — эти слова часто произносятся сегодня. И если в советское время «крестьянская война» рассматривалась как явление положительное, то сегодня нередко «Пугачёвский бунт» порицают и осуждают. Но чтобы оправдать или осудить русский бунт, поэту не надо было совершать поездку по Оренбургскому краю. Важнее другое: понять, а что есть бунт, почему бунты происходят на Руси? Есть в романе другие слова, которые дополняют уже приведённые: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Попробуем ответить на эти два вопроса, обратившись к избранной нами теме: почему происходят бунты и как «улучшить нравы» людей.

И начнём мы с темы военной, ведь пушкинский роман — в большей своей части о людях военных. На примере государевой и государственной службы, ее чинах и обязанностях, ее тяготах и ее мужественности, а также на примере военной присяги и офицерской чести Пушкин строит свое повествование о жизни отдельного человека, отдельных сословий, отождествляя нашу мирную жизнь с экстремальными реалиями военной жизни.

О старшем Гринёве, Андрее Петровиче, мы узнаем, что он «в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17.. году». Андрей Петрович характера твёрдого и решительного, и его военная карьера не должна была закончиться столь рано, — на это указывают некоторые детали в повествовании. Премьер-майор — это первый майор, он является первым заместителем полковника и командира полка. И странно уходить в отставку довольно молодым, когда тебя ждёт полковничья должность. Сам Андрей Петрович переживает и раздражается тем, что его бывшие товарищи продвигаются в чинах и, следовательно, он не доволен своей отставкой. Интересно, что Пушкин указал дату увольнения, но только условную, будто в сокрытых двух цифрах и кроется причина его увольнения. О причине мы догадываемся, зная историю отстранения от власти и ссылки графа Миниха. В 30-е годы при Минихе старший Гринёв дослужился до премьер-майора, но при дворцовом перевороте и воцарении Елизаветы Петровны Миних был устранин и отправлен в ссылку. Пётр III вернул

через двадцать лет Миниха из ссылки; он оказался верен императору при переходе власти к Екатерине, но все же был прощен ею, и ей присягнул. Следуя своему правилу «служить верно кому присягнул», старший Гринёв, как можно понять, при перевороте также остался верен законному императору, хоть и был прощён новой императрицей, вынужден был уволиться и поселиться «в своей симбирской деревне, где и женился на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина». Таким образом, он живёт в деревне с начала 40-х годов и к описываемым событиям, к 1773 г., ему было уже больше шестидесяти лет. У Гринёва-старшего «было девять человек детей» и «все ... умерли во младенчестве», — сообщает рассказчик. Этот факт указывает, что Андрей Петрович уже долго живёт в деревне, что сын Пётр — его единственная надежда. Интересное косвенное свидетельство нашим выводам дают черновые записи Пушкина. В одной из них он указывает точную дату отставки: 1762 год. То есть Пушкин предполагал отставку отца Гринёва увязать с захватом власти Екатериной. Но возраст, который был у младшего Гринёва, не позволял этого сделать, и у Пушкина есть арифметический подсчет года рождения Петруши: $1773 - 18 = 1755$. Поэтому отставка увязывается автором с 1741 годом. Получается, что старший Гринёв «при Минихе» быстро продвигался по службе, а это было возможно, если он служил в одном из старейших и привилегированных полков в Петербурге. К тому же мы знаем, что его «близким родственником» и «майором гвардии» Семёновского полка был «князь Б.», «по милости» которого его сын был записан в этот полк. Все эти сведения дают нам основание считать род Гринёвых принадлежащим к высшей дворянской знати. Это подтверждается и словами старшего Гринёва: «пращур мой умер на лобном месте; отец мой пострадал вместе с Волынским и Хрущёвым». Появляется несколько фактов из истории рода Гринёвых: те были участниками внутривластной борьбы разных дворянских группировок, а также внутривластных переворотов. Пугачёвский бунт, т.е. народный бунт против власти дворян, и борьба между дворянами за политическую власть в государстве оказываются одним единым явлением борьбы и соперничества в обществе. Сюда же входит и соперничество между отдельными людьми: например, поединок (так называется глава в романе) между Гринёвым и Швабриным. Но здесь же своей слепой враждой к человеку обращена природа. Будь это метель, сама зима, бескрайние пустые пространства, весенняя распутица или разлившаяся бурная река. И герой, преодолевая стихию природы, также принужден преодолевать и побеждать стихию и вражду социальной жизни. Но в конце романа мы узнаём, будто бы со слов издателя, что потомство Петра Андреевича и Марьи Ивановны «благо-

денствует в Симбирской губернии. В тридцати верстах от *** находится село, принадлежащее десятерым помещикам». Можно понять, что дети и внуки в правление Александра и Николая не выслужили себе никаких новых владений. Появляется неожиданная закономерность в судьбе рода Гринёвых: пращур героя был казнен, дед пострадал от власти, отец вынужден был уволиться, сам Гринёв побывал в ссылке, и его дети и внуки ничем не отмечены. Что-то в наставлениях и правилах старшего Гринёва, полученных им от своего отца и, в свою очередь, переданных сыну, не устраивало существующую политическую власть: «Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову, а честь с молодуду».

Любопытно, что старший Гринёв повторяет в точности биографический факт деда Пушкина, Льва Александровича. Поэт высказал его в стихотворении «Моя родословная»:

Мой дед, когда мятеж поднялся
Средь петергофского двора,
Как Миних, верен оставался
Паденью третьего Петра.
Попали в честь тогда Орловы,
А дед мой в крепость, в карантин,
И присмирел наш род суровый,
И я родился мещанин.

Обнаруживается неприметная связь рода Гринёвых с родом Пушкина, и, значит, есть какая-то тесная и личная зависимость героя романа от самого автора.

Армия, как мы видим из романа, с одной стороны, участвует во внутривосточной борьбе за власть, она подавляет бунт Пугачёва, защищая интересы дворян, с другой, она ведёт войны с иными странами, выражая интересы, прежде всего, господствующей элиты. То, что это так, мы можем судить по различным деталям. Например, первым повстречавшимся на пути Петра Гринёва офицером был гвардии ротмистр (т.е. капитан) Иван Иванович Зурин, который находился в трактире для набора рекрутов, ведь в это время идёт очередная русско-турецкая война (1768—1774 гг.). Из повествования мы узнаем, что Емельян Пугачёв был участником Семилетней войны (1756—1763 гг.), где отличился и получил чин хорунжия, а также участником происходившей в это время русско-турецкой войны, но по болезни был отправлен домой. И по разным и неожиданным обстоятельствам он стал скрываться от властей. Однако нежелание возвращаться в действующую армию побудило его к бегству.

Кроме того, Пушкин довольно детально характеризует гарнизон Белогорской крепости. Так, первым в крепости Гринёв увидел «старого инвалида», который «нашивал синюю заплату на локоть зеленого мундира». В одном комментарии к роману говорится: «Инвалид — нестроевой солдат, не обязательно увечный; синяя заплата — от старого мундира иного рода войск, у гарнизонной пехоты цвет мундира был зеленым; этому солдату вид мундира уже не важен» [1]. Но, на наш взгляд, «синяя заплата» на зеленом мундире говорит нам об очень скромном и даже бедном довольствии «старого инвалида». Следующим военным был «кривой старичок», одноглазый поручик Иван Игнатьевич, которого Гринёв принял за капитана. Его ошибка указывает на то, что Гринёв, новоиспеченный офицер (приказ на него пришел уже в крепость), не знает знаков отличия на мундире. Но он не знает и многого другого, что положено знать офицеру, и вряд ли этому когда-нибудь научится, потому что жизнь военная в гарнизоне идет, по словам супруги капитана, так, что ни солдатам «служба не даётся», ни сам он в ней толку не ведаёт. На следующий день по прибытии в крепость Гринёв видит уже «человек двадцать стареньких инвалидов с длинными косами и в треугольных шляпах». А перед ними стоит «комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и в китайчатом халате». И инвалидная команда, и ее командир вид имеют весьма забавный и лубочный. Но за этой лубочностью мы видим и простую тяжелую армейскую судьбу солдата-ветерана, которого продолжают «использовать» на службе.

Военная тема в романе очень неоднозначна. Армия, война предстают в нем с разных точек зрения: власти, государства, народа, командира, отдельного солдата, а также отдельного человека: супруги военного, его детей, родственников. Отметим, что в Белогорской крепости кроме гарнизона из ста тридцати солдат проживало местное население. Условия проживания, как можно понять, были очень скромные. Например, Василиса Егоровна разместила Гринёва не у своего кума, как предложил урядник Максимыч, где «и так тесно», а в избе казака Семена Кузова. Гринёв занял половину избы казака, которая «состояла из одной горницы..., разделенной надвое перегородкой». Это доказывает, что казак был семейный, и значит, такая же половина осталась на всю семью самого казака.

Быт и хозяйство жителей крепости очень скудны. За узеньким окошком своего жилища Гринёв видит «печальную степь» и «несколько избушек; по улице бродило несколько куриц. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней...». Сама крепость оказалась «деревушкой, окруженной бревенчатым забором. С одной стороны стояли три или четыре скирда сена, полузанесенные снегом; с другой — скривившая-

ся мельница, с лубочными крыльями, лениво опущенными». В самой крепости «улицы были тесны и кривы; избы низки и большею частью покрыты соломою». Пушкин указал на то, что у коменданта и у отца Герасима были коровы, а значит и свое подсобное хозяйство, но у других жителей, возможно, коров не было, так как на зиму было заготовлено в поле всего «три или четыре скирда сена».

Героический поступок капитана Миронова и его поручика, Ивана Игнатьевича, сказавших принародно Пугачёву, что он «вор и самозванец», как-то заслоняет другой, никак не героический факт, что весь гарнизон и все жители с лёгкостью присягнули новому императору, а жители вынесли ему хлеб-соль. Условия жизни, условия службы этому тоже немало способствовали. То, что народный бунт «объясняется» условиями жизни и службы людей, Пушкин указал и в своем возражении на одну критическую рецензию: «Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачёвского бунта...».

Приведем еще два характерных эпизода из тогдашних армейских правил: комендант собрал офицеров, чтобы сообщить о Пугачёве: «он запер двери, всех усадил, кроме урядника, который стоял у дверей...». Урядник – это унтер-офицер, т.е. младший офицер в казачьих войсках, и ему, командиру казачьего отряда, было обидно стоять, когда все сидят. И тут же капитан Миронов ему говорит, что на казаков «плоха надежда», на что «урядник усмехнулся». А вскоре все казаки переметнулись к Пугачёву. Другой пример, юмористический: Гринёв и Маша попадают в отряд Зурина, и вахмистр, доложив о них начальнику, возвращается со следующей речью: «Не могу знать, ваше благородие. Только его высокоблагородие приказал ваше благородие отвести в острог, а ее благородие приказано привести к его высокоблагородию, ваше благородие». Тут есть и юмор, и сатира. Пугачёв тоже, как и в первый раз на постоялом дворе, постоянно называет Гринёва, с улыбочкой и издевочкой, «вашим благородием».

Заметим, как много разных воинских чинов присутствует в романе (высших, средних, низших) и насколько «высшие» вознесены вверх, а «низшие» опущены вниз. Мы, конечно же, не забудем образ генерала-немца, коменданта Оренбурга. Андрей Карлович, по характеру педантичный и суховатый, в чужой стране оказался одинок, без родственников и, следовательно, без необходимости кому-то помогать и за кого-то переживать. Пугачёвщина, война гражданская захватывает близких и дальних родственников её непосредственных участников, но немец-генерал остается душой своей в стороне от неё. Гринёв видит генерала ухаживающим за садом, с лицом, изображавшим «спокойствие,

здоровье и добродушие». Хотя только что Гринёв видел «толпу колодников с обритыми головами, с лицами, обезображенными шипцами палача. Они работали около укреплений под надзором гарнизонных инвалидов». Этот контраст показывает, как ловко власть прячется от бунтовщиков за высокие каменные стены и защищает себя с помощью арестантов и инвалидов.

В образе немца-генерала заложена еще одна, политическая мысль. Гринёв-старший нанял для сына в воспитатели француза Бопре, на что Савельич недовольно ворчит: «как будто и своих людей не стало». Вспомним, как капитан Миронов назначил казакам в командиры крещёного калмыка Юлая, — и вскоре голова калмыка была брошена к ногам бывшего начальника. Вспомним, что Пугачёв поставил в коменданты крепости дворянина Швабрина. И Хлопуша его упрекает: «Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники; не пугай же дворян, казня их по первому наговору». И военным начальником в Оренбург, для удержания «полудиких народов» в повиновении, назначен немец. Но чужая собака больней кусает. Нужно просвещать народы, «улучшать нравы», распространять «правила человеколюбия», а не держать народы «в повиновении». Когда Маша Миронова встретила в саду императрицу, то «белая собачка английской породы залаяла и побежала ей навстречу. Марья Ивановна испугалась...». И здесь мы видим намек на те же политические обстоятельства: каков хозяин, таков и его пес.

Помимо военных чинов, в романе присутствуют различные социальные группы и сословия: императрица и придворные, дворяне-помещики, их слуги и крепостные, чиновники, вольный казак, хозяин постоянного двора, священник — представитель духовенства, ссыльный, лишенный всякого социального статуса. Но автор особенно подчёркивает разделение людей в обществе на две категории: господ и холопов. Капитан Миронов был выходцем из солдат, но для его единственной прислуги, крепостной Палашки, он является «барином». Молодой Гринёв, чтобы добиться от Савельича выплаты своего долга, говорит фразу, которую он уяснил еще с детства в имении отца: «Я твой господин, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе приказывают». К чести Петра Гринёва, он извинился за свои поступки и обещался впредь самовольно не распоряжаться деньгами. Но Савельич снова стал возмущаться: зачем отдавать заячий тулупчик проходимцу и пьянице?! А Пугачёв ему вновь напомнил: «его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твоё холопье дело не спорить и слушаться».

Дело не только в том, что люди юридически, по государственным законам, разделены на сословия, но люди определенных групп и сословий взяли на себя моральное и божеское право, подтверждённое и освященное Церковью, быть господами над другими людьми, превратив их в своих холопов. Старший Гринёв, возмущаясь участием сына «в замыслах Пугачёва», говорит: «Но дворянину изменить своей присяге, соединиться с разбойниками, с убийцами, с беглыми холопьями!.. Стыд и срам нашему роду!..» Помимо морального осуждения, отец упрекает сына за измену дворянскому сословию. И с кем?! С «беглыми холопьями»!

Младший Гринёв так объясняет свою невозможность служить Пугачёву. Первое объяснение — личное, этическое: «признать бродягу государем был я не в состоянии: это казалось мне малодушием непростительным». А второе произносит уже дворянин и офицер: «Я природный дворянин; я присягал государыне императрице: тебе служить не могу». В одном комментарии к этим словам говорится: «Врождённое благородство не позволяло Петруше предать свои идеалы и нарушить офицерский долг и дворянскую честь». Но за этим ответом дворянина-офицера слышится и другое объяснение: природный дворянин не может служить беглому казаку, и не только из-за дворянской чести, но и дворянского честолюбия, дворянской солидарности, которая укрепляет их власть, их могущество в государстве. Неправильно говорить о «врождённом благородстве» кого-либо, но именно этим фактом кто-либо хочет доказать свое превосходство перед другими и узаконить свое господство. Почему-то «врождённое благородство» вкупе с «офицерским долгом» и «дворянской честью» не помешали многим дворянам осуществлять заговоры против законных правителей и присягать новым и самоназванным.

Обратимся теперь к образу священника в романе, отцу Герасиму, как представителю Церкви и духовного сословия в государстве. Отметим сразу, что образ этот для Пушкина является отрицательным, что соответствует и другим аналогичным персонажам в его произведениях. Но, как мы представляем, именно на священника была возложена обществом и государством в те времена задача «улучшения нравов». Когда Пугачёв взял приступом крепость, то «отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы». Понятно, что никого он не умолял, он просто испугался и прикрывлся крестом, выставив его перед собой. Все его последующие действия подтверждают это. Когда жители крепости присягали, они «подходили один за другим, целуя распятие и потом кланяясь самозванцу». Но в чьих руках находилось распятие? Пугачёв избрал дом священника для своего пира, наверное, чтобы показать на-

роду благословенность своей власти. И отец Герасим прислуживал разбойникам за столом. Ритуал установления царской власти Пугачёвым над «подданными», сходный с тем, который существует в Петербурге, показывает, как слитно существует светская власть и церковная, что Церковь подчинена политической власти в государстве и является её неотъемлемой частью. Поэтому в Белогорской крепости автор располагает домик коменданта «на высоком месте, близ деревянной же церкви», а близ самой церкви и домик отца Герасима. Из письма Маши Мироновой известно, что Швабрин «принудил отца Герасима выдать меня ему, застрашав Пугачёвым». Но совершенно другое поведение отличает супругу «отца» Герасима, Акулину Памфиловну. Она спрятала Машу и назвала ее перед «злодеями» своей племянницей. Сословное поведение, как и семейное, никак не отрицают личного достоинства в человеке, его личного благородного и милосердного отношения к людям другой группы или другой «крови».

Говоря о «господстве и холопстве» в людях, интересно сравнить, казалось бы, двух очень разных народных представителей: Пугачёва и Савельича. С первой встречи у них завязывается свой отдельный диалог. Савельич (его настоящее имя Архип Савельев) — человек верный и надежный, опытный в жизни и по-хозяйски рачительный. Он служит усердно и безропотно господам и молодому барину, не жалея жизни своей и по совести своей. Потому по заслугам отец доверил ему единственного сына. Но и Савельича обижает прозвание его «старым псом» в письме старшего Гринёва. И отвечает он «государю» своему, «отцу милостивому», что он «не старый пёс, а верный слуга, господских приказаний слушаюсь и усердно всегда служил и дожил до седых волос». И заканчивает он свое письмо словами: «За сим кланяюсь рабски. Верный холоп ваш Архип Савельев».

Но никак не может с подобными выражениями и унижениями жить и служить Емельян Пугачёв. На одном народном «представителе» держатся мирные, но несправедливые устои крепостной жизни, а на другом утверждаются бунтарские, но кровавые устои свободной жизни. Один честно служит, терпя неправду и унижения, другой гневается и наказует обидчиков.

Вопрос не в том, на чьей стороне Пушкин и кого он порицает за холопство или бунтарство. Вопрос в том, почему в жизни есть господа или холопы, а есть бунтари. Они есть в разные времена и эпохи, а значит, для чего-то нужны в жизни. Может, для того нужны бунтари, чтобы не унизилась правда человеческая, правда божеская о человеке, поправная господством одних и холопством других, их повсеместной ложью и трусостью.

Примечания

1. Пушкин А. С. Капитанская дочка. Подробный комментарий. Учебный материал. Интерпретации. М., 2006. С. 22.
2. Там же. С. 60.

ПЕТР III, ПУГАЧЁВ, САМОЗВАНЦЫ

Т. С. Панина,

*Центр документации новейшей истории Оренбургской области,
г. Оренбург*

Император всероссийский Пётр III Фёдорович до принятия православия носил имя Карл-Петер-Ульрих. Сын герцога голштейн-готторпского Карла-Фридриха и цесаревны Анны Петровны (дочери Петра I), он являлся внуком Петра I, племянником действующей императрицы Елизаветы Петровны и внучатым племянником короля Швеции Карла XII. Родился в г. Киле, столице Голштинии. Ему было всего 3 недели от роду, когда умерла мать. В 11 лет он потерял и отца.

Воспитателем и наставником Карла-Петера с 3-летнего возраста был выдающийся ученый – теолог и математик, пастор Хосманн (впоследствии ректор Кильского университета). Его стараниями юный герцог получил приличное образование: читал и писал на немецком, французском и латыни, был успешен в точных науках, географии, увлекался архитектурой, музыкой, любил читать. Его личная библиотека насчитывала около 1000 томов, причем все с пометками, сделанными его рукой. Одновременно отец готовил Карла-Петера к будущим войнам: к 12 годам юноша имел чин лейтенанта, был членом гильдии стрелков, знал фортификацию, готовился служить своему Отечеству.

После смерти отца пастор Хосманн получил отставку, а воспитанием Карла-Петера стал заниматься двоюродный дядя по отцовской линии епископ Адольф Эйтенский (впоследствии – король Швеции Адольф Фредерик). Новые воспитатели О. Ф. Брюммер и Ф. В. Берхгольц жестоко наказывали ребёнка: секли, ставили коленями на горох. Оба воспитателя прибыли в Россию вместе с Карлом-Петером.

Бездетная действующая императрица Елизавета Петровна хотела, чтобы престол наследовал потомок Петра I, с этой целью она привезла своего племянника Карла-Петра-Ульриха в Россию. Он принял православие и под именем Петра Фёдоровича был объявлен великим князем, наследником престола. В 1745 г. Елизавета Петровна женила наследника на Софии-Фридерике-Августе (в будущем Екатерине II), дочери

обедневшего немецкого князя. После смерти Елизаветы в 1761 г. Пётр Федорович беспрепятственно вступил на российский престол и стал 7-м российским императором под именем Петра III. Все историки отмечали его нелюбовь к России, нежелание овладеть русским языком, знать русскую культуру и традиции.

Вступив на престол, Пётр короноваться не спешил. Поэтому в глазах русского народа он был как бы ненастоящим царем. Это обстоятельство сыграло свою роль в появлении большого количества самозванцев.

Положение Екатерины при дворе в этот период оказалось крайне непрочным. Пётр III открыто говорил, что собирается развестись с супругой и жениться на фаворитке Елизавете Воронцовой. Вожде ленный престол мог бы уйти от молодой немецкой авантюристки, чего она никак не могла допустить. После полугодового царствования Пётр III стал жертвой дворцового переворота, возведшего на престол его жену Екатерину II, и вскоре был убит гвардейцами. Обстоятельства смерти Петра III до сих пор окончательно не выяснены, что породило множество слухов о том, что император чудом спасся от гибели.

Первоначально Петра III Федоровича похоронили безо всяких почестей в Александро-Невской лавре, так как в Петропавловском соборе хоронили только коронованных особ. В 1796 г., сразу после смерти Екатерины, по приказу Павла I, останки Петра Федоровича перенесли сначала в домовую церковь Зимнего дворца, а затем в Петропавловский собор. Петра III перезахоронили одновременно с погребением Екатерины II; император Павел при этом сам лично произвёл обряд коронации праха своего отца [1].

В оценках деятельности Петра III обычно сталкиваются два различных подхода: традиционный базируется на абсолютизации его пороков и слепом доверии к образу, который создали мемуаристы – организаторы переворота (Екатерина II, Е. Р. Дашкова). Его характеризуют как инфантильного, невежественного, слабоумного, пьяницу. Например, В. О. Ключевский писал: «... на серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа». Акцентируется его нелюбовь к России. Однако можно предположить, что заговорщики вряд ли могли быть объективны в оценке человека, которого они предали и убили. Чем же иначе можно было оправдать свое злодеяние?

Стронники второго подхода, рассматривая личность и деятельность Петра III, отмечали, что он энергично занимался государственными делами, и его политика носила вполне последовательный характер. Законодательная активность правительства Петра III была необы-

чайной, за время его недолгого царствования было принято 192 документа: манифесты, именные и сенатские указы, резолюции и т. п.

Молодой император осуществил ряд реформ, соблюдая при этом осторожность. Важнейший документ царствования Петра Фёдоровича — «Манифест о вольности дворянства», благодаря которому дворянство стало исключительным привилегированным сословием Российской империи. Не случайно Манифест о вольности был принят в первую очередь — так Пётр III как бы подкупал дворянство и заручался поддержкой Сената на будущее.

Несомненно, либеральным шагом со стороны Петра была ликвидация Тайной розыскных дел канцелярии. Пётр III стремился ослабить политическое влияние церкви в государстве через ослабление ее финансовой базы. Примечательна его тактика в вопросе крепостного права: как бы невзначай освободив церковных крестьян в результате секуляризации, он в то же время поспешил уверить страну, что крепостное право незыблемо. Ввел наказания для помещиков за жестокое обращение с крепостными, но и жестоко подавлял крестьянские выступления. Пётр отменил обременительную соляную пошлину.

Важнейшим делом молодого императора было поощрение торгово-промышленной деятельности путём создания Государственного банка и выпуска ассигнаций. Пётр принял указ о свободе внешней торговли. Среди других мер исследователи отмечают указ, который разрешал организовывать фабрики по производству парусного полотна. Пётр прекратил преследование старообрядцев и других иноверцев. Политика веротерпимости снискала ему имя доброго царя, но восстановила против него духовенство. Вступив на престол, Екатерина II отменила почти все нововведения ненавистного мужа.

Пётр внес вклад в распространение музыкальной культуры. Император, сам игравший на скрипке, создал в Ораниенбауме музыкальный театр, к работе над репертуаром которого привлек итальянских композиторов и либреттистов. При театре действовал симфонический оркестр профессионального уровня. Петром была открыта музыкальная школа для талантливых детей представителей низших сословий. В качестве директора Шляхетского корпуса он оказывал поддержку наукам и учёным. Заметен вклад Петра и в картографию России. Организованные им экспедиции учёных географов и этнографов в отдалённые регионы России легли в основу страноведения.

Реформы Петра III пользовались популярностью, характеризовали его как просвещенного правителя и надолго опередили свое время. Могли их автор, мечтавший об утверждении принципов свободы и гражданского достоинства, быть «духовным ничтожеством, голштинским солдафоном, страдавшим слабоумием»? [2]

Биография Петра как российского императора коротка и трагична. Фактически Пётр III правил всего 186 дней. Невыясненность обстоятельств его смерти явилась поводом к появлению многочисленных легенд и слухов о чудесном спасении императора. В России известны лже-цари и лже-царевичи Смутного времени, но среди всех отечественных правителей и членов их семейств Пётр III является абсолютным лидером по количеству самозванцев, пытавшихся занять место безвременно умершего царя. Пушкин знал о пятерых самозванцах, по новейшим данным, в одной только России насчитывалось около сорока лже-Петров III. Чаще всего самозванцами и «разглашателями» слухов о его здравии и нахождении в самых разных местах обширной Российской империи становились представители угнетенного народа, а движение, как правило, носило черты социального протеста.

В 1764 г. в роли лже-Петра выступили Антон Асланбеков, разорившийся армянский купец; беглый рекрут Иван Евдокимов, пытавшийся поднять восстание среди крестьян Нижегородской губернии; украинец Николай Колченко на Черниговщине. В 1765 г. в Воронежской губернии объявился самозванец, оказавшийся рядовым ландмилицийского Орловского полка Гаврилой Кремневым, за короткое время собравшим отряд в полтысячи человек. На Слободской Украине, в Изюмском уезде тоже появился самозванец — Чернышёв Пётр Фёдорович, беглый солдат Брянского полка. «Умный и речистый», даже будучи схваченным и сосланным в Нерчинск, он распространял слухи о том, что «батюшка-император», инкогнито инспектировавший солдатские полки, был по ошибке схвачен и бит плетьюми. В Исетской провинции казак Каменьщиков, ранее судимый за многие преступления, был приговорён к вырыванию ноздрей и вечной ссылке на работы в Нерчинск за распространение слухов о том, что император жив, но заточён в Троицкой крепости. В 1768 г. содержащийся в Шлиссельбургской крепости подпоручик армейского Ширванского полка Иосафат Батурич в разговорах с дежурными солдатами уверял, что «Пётр Фёдорович жив, но находится на чужбине», и даже с одним из сторожей пытался передать письмо для монарха. Под Астраханью в 1769 г. был схвачен беглый солдат Мамыкин, говоривший, что император пока скрывается, но скоро объявится, «примет опять царство и будет льготить крестьян». Беглый крепостной крестьянин Федот Богомолов, примкнув к волжским казакам под фамилией Казин, сам не выдавал себя за бывшего императора, но в марте—июне 1772 г. его сослуживцы по причине явного ума и сообразительности беглеца признали в нем императора. В 1773 г. попытался выдать себя за императора бежавший с Нерчинской каторги разбойничий атаман Георгий Рябов. Не обошлось без своего «императора»

и Оренбуржье — им пытался объявить себя капитан одного из расквартированных в Оренбурге батальонов Николай Кретов.

Самым известным из самозванцев был Емельян Пугачёв, предводитель Крестьянской войны 1773—1775 гг., который умело обратил историю о чудом спасшемся императоре в свою пользу, уверяя, что «исчезнувшим из Царицына императором» был он сам — и этим привлёк на свою сторону многих.

Е. И. Пугачёв родился в станице Зимовейской на Дону. Участвовал в 7-летней (1756—1763) и русско-турецкой (1768—1770) войнах. В 1770 г. Пугачёв был произведён в хорунжие. В конце 1771 г. бежал на Северный Кавказ, записался в Терское казачье войско; в феврале 1772 г. пойман в Моздоке, но вскоре бежал. Весной и летом 1772 г. жил среди старообрядцев под Черниговом и Гомелем. Осенью 1772 г. поселился у старообрядцев на реке Иргиз, был снова арестован и доставлен в Казань, в январе 1773 г. был приговорён к ссылке в Сибирь на каторжные работы. В мае 1773 г. Пугачёв бежал из Казанской тюрьмы, в августе он появился в казачьих селениях на Яике. Объявив себя спасшимся императором Петром III, Пугачёв поднял казачество на восстание. К яицким казакам присоединились крестьяне, рабочие люди, татары, башкиры, калмыки, движение охватило огромную территорию: Оренбургский край, Урал, Приуралье, среднее и нижнее Поволжье.

Пугачёв был талантлив от природы, человеком, наделённым неукротимой энергией, отвагой, незаурядными военными способностями, административной хваткой. Его представления о цели восстания были традиционными для такого рода движения. Идеал виделся в казацко-крестьянском, «вольном» государстве со своим мужицким царём. В своих многочисленных указах и воззваниях Пугачёв обещал сделать всех вечными казаками, пожаловать землю, волю, земельные, лесные, сенные, рыбные угодья, пожаловать всех крестом и бородой, освободить от рекрутских наборов и поборов, казнить дворян, помещиков и неправедных судей. Таковы были положения пугачёвских манифестов. Социальная утопия сочеталась с решительными и беспощадными действиями восставших против правительства и помещиков.

С сентября 1773 г. по сентябрь 1774 г. Пугачёв как руководитель движения пережил радости побед, опьянение успехами и горечь поражений, особенно после неудачного штурма Казани в июле 1774 г., предательство сподвижников. Следствие над Пугачёвым проходило в Яицком городке, Симбирске и Москве, где состоялся суд над «бунтарём и самозванцем» в декабре 1774 г. По приговору Сената, утверждённому Екатериной II, Емельян Пугачёв и четверо его сподвижников были казнены 10 января 1775 г., в Москве на Болотной площади.

Интересно, что после поимки и казни Е. Пугачёва число самозванцев и распространителей слухов не только не уменьшилось, а напротив, увеличилось. В 1774 г., когда шло следствие над лже-Петром, на Узеньях, где начиналось крестьянское восстание и куда по этой причине особенно часто отправлялись военные команды для «искоренения злодеев», поймали около 20 беглых казаков и 7 солдат из стоявшего в Уральске Свяжского батальона — разглашателей слухов о находящемся на Черном море царе. В это же время изловили беглого донского казака Жупанова, уверявшего, что Пётр III жив, а впоследствии выдавшего себя за самодержца. В том же году объявились ещё кандидаты в императоры: некий Метёлка (Метла, Заметайло, Заметаев) и Фома Мосягин, которые были арестованы и сосланы в Нерчинск, вслед за остальными императорами-самозванцами [3].

Крестьянскую войну нельзя было забыть сразу. Распространение слухов о том, что Пугачёв и Пётр III одно и то же лицо, и он жив, приходится главным образом на 1775—1788 годы. Особенно упорными были слухи в Башкирии, среди рабочих людей горных заводов и башкир. Народная молва «оживляла» вместе с Пугачёвым и других активных участников народных движений и Крестьянской войны: яицкого казака Овчинникова, башкирского старшину К. Арсланова, предводителя «воровской партии» Игната Заметаева, Ф.Слудникова. Слухи о том, что Пугачёв избежал казни и собрал новую армию, носились повсюду. «Разглашателей» было так много, что оренбургский губернатор Рейнсдорп, боясь нового бунта, приказал, чтоб «таких зловредных умыслителей» ловили, заковывали в ручные и ножные кандалы и, вложив в рот кляп, «за крепким конвоем отправляли в Оренбургскую губернскую канцелярию, смотря, чтоб в пути они ни с кем не общались, не имели острых предметов и не учинили утечки» [4]. Появление каждого нового «разглашателя» вызывало тревогу. Екатерина II писала Г. Потёмкину: «...такие слухи общему покою противны...и злодейству подобны и буде за сим, кто в народе слух такой разсеять будет и в том доказан будет...то жестоко на теле наказан будет» [5].

Разговоры о Пугачёве-императоре велись везде: на хуторах, на ярмарках, на рыбной ловле, на сенокосении, при заводских работах, на свадьбах, в пути. Иногда слухи проникали издалека. Так, в ноябре 1775 г. о том, что Пугачёв жив, заговорили в Уральске. Этот слух пришел из Прибалтики, места ссылки казаков-предателей Творогова, Чумакова, Федульева и др. Передавший письма суздальский крестьянин Венедикт Журавлёв слышал от казаков, что Пугачёв сейчас жив. Журавлёв, придя в Уральский городок и поведав эту тайну казакам, вскоре был схвачен. Его подвергли допросам и пыткам в Уральске, Оренбурге, Суздале,

потом отправили к самому генерал-прокурору Сената А.Вяземскому, а затем в Москву [6]. В ноябре же слух о Пугачёве распространился в Исецкой провинции. Разглашателем его оказался казак-раскольник Герасим Завьялов. Известно, что казаки Исецкой провинции были активными участниками восстания. Завьялов говорил, что Пугачёв был только посланником от государя Петра III, а сам государь «находился у теплого моря с 12 тыс. донских казаков, 12 тыс. калмыков и других людей, что сейчас он направляется к Петербургу, а вскоре и к Оренбургу будет». Сибирский губернатор Чичерин видел особую опасность в том, что казак об этом говорит не тайно, а публично, в результате чего может вспыхнуть новое возмущение. Дело Завьялова для «лучшего изыскания истины» рассматривалось в Челябинске, Верхнеуральске, Тобольске и Оренбурге.

В 1780 г. Оренбургская администрация и чиновные лица Уральского войска были встревожены известием о появлении нового самозванца. Им оказался беглый донской казак Максим Ханин, бывавший в 1777 г. на Узеньях и назвавшийся тогда Никитой Жупановым. Взятый воинской командой Ханин бежал из Уральского городка и объявился на Волге под именем Петра III. Число его сторонников начало быстро расти, среди них были крестьяне и сельские священники. Впрочем, на реке Иловле претендент был схвачен и доставлен в Царицын. Специально приехавший вести следствие астраханский генерал-губернатор И. В. Якоби подверг арестанта допросу и пытке, во время которой Ханин сознался, что ещё в 1778 г. встречался в Царицыне со своим приятелем по фамилии Оружейников и этот приятель убедил его, что Ханин «точь-в-точь» похож на Пугачёва — «Петра». Самозванец был закован в кандалы и отправлен в Саратовскую тюрьму [7].

«Пропавший император» не раз появлялся и за границей — в Черногории, Албании, и пользовался там значительным успехом. Последний заграничный самозванец, появившись в 1773 г., исколесил всю Европу, переписывался с монархами, поддерживал связь с Вольтером и Руссо. В 1785 г. в Амстердаме, наконец, мошенник был арестован и вскрыл себе вены. Последний российский «Пётр III» был арестован в 1797 г., после чего призрак Петра III окончательно сошел с исторической сцены [8].

Как правило, самозванцы приговаривались к телесным наказаниям, к вырыванию ноздрей, клеймению и вечной ссылке, погибали от пыток, по дороге в Сибирь, на каторге. Следствие над разглашателями слухов обычно заходило в тупик, поскольку они упорно отказывались от того, в чем их обвиняли, и даже под пристрастным допросом не меняли своих показаний. И хотя ни один из слухов не привёл и не мог

привести к «новому замешательству», местная администрация с чрезвычайной жестокостью наказывала «разглашателей сих зловредных мыслей». Для солдат наказанием были шпицрутены, для остальных — кнут и плети.

В Оренбургской губернии после Крестьянской войны в лесах по Уралу и Сакмаре, на многочисленных хуторах, вблизи заводов действовали «разбойничьи партии» из рабочих людей, казаков, солдат, беглых крестьян, как правило, хорошо вооруженных. Так, «воровская шайка» из рабочих людей действовала в районе Бугуруслана [9]. Отдельные очаги вооруженной борьбы в Оренбургской губернии были ликвидированы лишь летом 1775 г.

Как самозванчество, так и разглашение слухов, «разбойничьи партии» были стихийными формами борьбы простого народа, обострившейся в связи с ухудшением общих условий жизни, вызванным угнетением, ростом податей и налогов, повинностей, неурожаями, произволом чиновников.

Примечания

1. Ключевский В. О. Исторические портреты. М., 1990; Соловьев С. М. Кн. XII. История России с древнейших времен. М., 1993.

2. Кулюгин А. И. Император Петр. Романовы. Исторические портреты. М., 1997; Мыльников А. С. Пётр III. Повествование в документах и версиях. 2-е изд. М., 2009; Наумов В. П. Удивительный самодержец: загадки его жизни и царствования. М., 1993; Записки княгини Е. Р. Дашковой. М., 1990.

3. Государственный архив Оренбургской области. Далее ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 198. Л. 14, 67; Мыльников А. С. Искушение чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991.; Сивков К. В. Самозванчество в России в последней трети XVIII века. Исторические записки. 1950. №31.

4. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 148. Л. 37; Сивков К. В. Указ. соч.

5. Сборник Русского исторического общества (РИО). Т. 27. С. 17—18.

6. Российский государственный архив древних актов. РГАДА. Госархив. Разряд VI. Д. 524. Л. 1, 66—70.

7. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 198. Л. 2, 15, 33, 45; Д. 158. Л. 3.

8. Мыльников А. С. Искушение чудом. «Русский принц» и самозванцы. Л., 1991.; Сивков К. В. Указ. соч.

9. РГАДА. Ф. 1100. Оп. 1. ч. 2. Д. 9. Л. 300.

УЧАСТНИКИ СРАЖЕНИЯ ПОД ТАТИЩЕВОЙ КРЕПОСТЬЮ

*Тоёкава Коути,
университет «Мейдзи», Токио*

В ходе Пугачёвского бунта происходило множество различных военных столкновений повстанцев с правительственными войсками. Они отличались размахом, соотношением сил, тактикой ведения боевых действий, своими последствиями. Одним из важнейших сражений этого периода, оказавшего решающее воздействие на весь дальнейший ход восстания, явилось сражение под Татищевой крепостью. Помимо прочего, оно интересно нам составом его участников.

После неудачной вылазки гарнизона осаждённого Оренбурга 13 января 1774 г. генерал-губернатор Рейнсдорп понял, что «без особой помощи» он не может и мечтать о снятии осады. Кроме того, он опасался «колебания» в Оренбурге «по причине голода». Губернатор имел все основания бояться не только бунта голодающих горожан, среди солдат тоже наблюдалось «великое роптание».

В свою очередь, и Пугачёв твёрдо решил усилить блокаду Оренбурга и вынудить его гарнизон сдать. Не отказывался он и от идеи штурма города, которую предполагал осуществить в последнюю неделю февраля. Однако трудности, связанные с осадой, испытывали не только гарнизон и жители города. По мере истощения местных запасов, продовольственное положение в повстанческой армии быстро ухудшалось. Повстанцы испытывали также острый недостаток в оружии, одежде, фураже и прочем. Перебежчики на допросе в Оренбурге 13 февраля 1774 г. заявили, что в Бёрде «в пропитании... многие... чувствуют нужду и терпят недостаток, ...запаснаго ничего нет, а что откуда привезут, тем и питаются...». Голод мог оказать пагубное влияние на повстанцев, часть из них могла покинуть Бёрды. Чтобы воспрепятствовать этому, «Военная коллегия» оказалась вынужденной заняться распределением продовольствия, ввести нормативные цены на хлеб. С той же целью была организована раздача повстанцам жалованья. «Военная коллегия» учредила специальную должность комиссара по продовольствию, назначив на нее сначала Афанасия Чулкова, затем И. Я. Почиталина. Денежное жалование выдавалось через атаманов и нерегулярно, «а тогда, как привезут откуда деньги», причем служащие в коннице получали по шесть, а в пехоте по пять рублей. Между тем, потеря некоторых районов Заволжья и Приуралья, доставлявших хлеб в Бёрды, побудила Пугачёва направить отряд Соколова-Хлопуши к Илецкой Защите, где хранилось много хлеба, продовольствия и пороха.

Пугачёвцы усилили артиллерийский обстрел Оренбурга. В течение пяти дней, с 22 по 27 февраля, они не раз «немалой партией подбежали к городу», но неудачно. 2 марта по приказу Рейнсдорпа осаждённые также предпринимали очередную вылазку, закончившуюся поражением правительственных войск. После этой вылазки, вплоть до снятия осады Оренбурга, обе стороны не отличались активностью. Силы обеих сражающихся сторон для решительных боевых действий накапливались не под Оренбургом.

К концу февраля 1774 г. правительство сконцентрировало в районе Бугуруслана и Бугульмы многочисленные войска, предназначенные для удара по Большому войску Пугачёва, под командованием генерал-майора А. Л. Ларионова, полковника Ю. Бибикова, генерал-майора П. Д. Мансурова и генерал-майора П. М. Голицына, возглавившего действия против восставших.

Форпостами пугачёвцев явились занятые ими Сорочинская и Тоцкая крепости и деревня Пронькино. О продвижении войск Голицына к Оренбургу Пугачёв узнал из письма Максима Шигаева, отправленного им из Бёрды в Яицкий городок. Пугачёв поспешил в Оренбург, где узнал, что Голицын только выступил из Казани. Посчитав, что непосредственная опасность не угрожает главному войску, он отдал приказ Илье Арапову и «всем своим командирам» следить за противником, рапортовать в Бёрды о передвижениях правительственных войск и «в походе к Оренбургу препятствовать».

Возложив командование большим войском на Максима Шигаева, Пугачёв вернулся в Яицкий городок. Но вскоре рапорт И. Арапова, сообщившего о продвижении Голицына к Сорочинской крепости, побудил его выступить в Бёрды во главе отряда в 500 яицких казаков. Взяв в Бёрдах еще 1000 человек и 10 орудий, Пугачёв поспешил к Сорочинской крепости, куда еще раньше им был послан отряд казаков под командованием А. Овчинникова, калмыка Ф. Дербетева и отряд И. Арапова.

28 февраля П. М. Голицын выступил из Бугуруслана в направлении деревни Пронькино и далее на Сорочинскую крепость, а Мансуров получил от него приказ занять крепость Тоцкую. 6 марта отряд майора Елагина вошел без боя в упомянутую деревню. На соединение с ним к этому месту поспешил отряд полковника Хорвата. Правительственные войска насчитывали батальон пехоты, две роты гренадеров, две егерские команды, по одной роте карабинеров, гусар и чугуевских казаков, три роты изюмских гусар, эскадрон архангелогородских городских карабинеров, более 50 человек лыжников и 7 орудий. Как это бывало неоднократно и ранее, и позднее, ни Елагин, ни Хорват не имели никако-

го представления о месте расположения восставших и их силе. Потому, утомленные тяжелым переходом в мороз и метель, они не приняли мер предосторожности и расположились на отдых.

Совсем по-другому было в лагере восставших. Крестьяне деревни Пронькино немедленно сообщили о продвижении правительственных войск Пугачёву, и он смог принять экстренные меры. Овчинников направил туда отряды казаков Речкина, Арапова и Дербетева. За ними шел Пугачёв. Численность восставших, двигавшихся к Пронькино, доходила до 2300 человек («с лишком две тысячи»). Прodelав за одну морозную выюжную ночь 37 верст, Пугачёвцы обрушились на отряд майора Елагина, заняли деревню и захватили два орудия.

Однако правительственные войска быстро оправились от неожиданного удара, перешли в наступление, отбили пушки и вынудили пугачёвцев к отступлению. Когда Хорват, стоявший в восьми верстах от Пронькино, подошел к месту боя, сражение уже закончилось.

Но в первой половине марта пришло подтверждение о доставлении провианта в Оренбург. Пугачёв приказал Овчинникову, в случае, если главные силы противника вступят в Пронькино, отойти из Сорочинской крепости, где он оставил приведённые из Бёрды отряды, в Илецкую крепость, так как «не знал, куда князь Голицын поедет: на Яике ли или в Оренбурх». Сам Пугачёв отошел в Новосергиевскую крепость, откуда вернулся в Бёрды. Вскоре пугачёвцы, присоединив к себе жителей, оставили Сорочинскую и Тоцкую крепости. 11 марта Голицын занял Сорочинскую крепость, где встретился с войсками генерал-майора Мансурова. На Новосергиевскую крепость двинулся генерал-майор Ф. Ю. Фрейман с двухтысячным отрядом, а 17 марта в Новосергиевской уже находился и Голицын.

Пугачёв решил дать бой Голицыну у Татишевой крепости. Расположенная на левом берегу реки Камыш-Самары, у впадения ее в Яик, Татишева крепость прикрывала пути на Оренбург, Яицкий городок и Илецкую крепость. Естественно, что Пугачёв придавал Татишевой крепости очень большое значение. Поэтому, оставив в Бёрдах Максима Шигаева, Пугачёв с 5 тысячами человек при 20 орудиях двинулся к Татишевой крепости. Туда же должен был прийти из Илецкой крепости Овчинников. К Татишевой подошли ставропольские православные калмыки во главе с их атаманом полковником Федором Ивановичем Дербетевым. Вскоре войска восставших численностью в 8—9 тысяч человек сосредоточились в Татишевой крепости. Помимо оренбургских казаков, в их составе было 1800 заводских крестьян, 2300 башкир, татар, калмыков, казахов и 2000 «пехотных», т. е. крестьян и солдат, перешедших на сторону восставших. В показаниях, данных 16 сентября

1774 г., Пугачёв говорит, что он вышел из Бёрды в Татишеву крепость с 1500 человек при 15 орудиях. На допросе в Москве 4 ноября 1774 г. Пугачёв назвал другие цифры — «с небольшим три тысяч» человек «да двадцать пушек». Максим Шигаев в показании 8 мая 1774 г. говорит о пяти тысячном отряде, брошенном Пугачёвым из-под Оренбурга к Татишевой крепости. Отряд, приведенный в Татишеву из Илецкой крепости Овчинниковым и Араповым, насчитывал 2000 человек при 10 орудиях. Численность своего войска в Татишевой точно определить не мог и сам Пугачёв — «людей сколько, точно сказать не могу, только число не малое». Пушек он насчитал у себя только 20. А. И. Бибилов доносил Екатерине II о взятии в Татишевой крепости 36 больших пушек, составявших артиллерию осажденных, целиком захваченную правительственными войсками. Видимо, эта цифра включает 20 пушек, привезенных с собой Пугачёвым из Бёрды, и 10 пушек, взятых из Илецкой крепости Овчинниковым и Араповым. Не надо забывать, что Пугачёв вспоминал, а Голицын, рапортовавший Бибилову, подсчитывал трофеи по горячим следам боя. Цифры, приведенные в рапорте Голицына, по понятным обстоятельствам можно считать несколько завышенными.

Пугачёв тщательно готовился к обороне. Так как «в той крепости никакой огорожи не было», то он приказал насыпать для пушек снежный вал («оную крепость завалили вместо стен снегом»). Для того, чтобы затруднить штурм, вал облили водой, тут же, на морозе превратившейся в лед. Великолепный артиллерист, Пугачёв сам отдавал распоряжения, как и где устанавливать орудия на снеговом валу («при пушек же, как расставляли, был он, Емелька, сам»). У орудий поставили самых верных, надежных и искусных людей («а приставлены были к оним для заряду и пальбы взятые из верных войск канонеры и солдаты»). Как говорил на следствии Иван Почиталин, «канонеры» Пугачёвым «выбраны были заблаговременно в ту должность», «как самые проворные люди, а правильно показывал стрелять сам Пугачёв». С целью повышения эффективности огня своей артиллерии Пугачёв «размерил дистанцию, сколь далеко его пушки». Закончив приготовления к бою, Пугачёв обратился к своему войску с призывом, «чтоб послужили с храбростью», а потом отдал приказ: «тот день, как князю Голицыну придти должно, чтобы была совершенная в городе тишина и чтоб люди всячески скрылись, дабы не видно было никою, и до тех пор к пушкам и каждому к своей должности не приступать, покуда князя Голицына корпус не подойдет на пушечный выстрел ядром».

Расчет Пугачёва заключался в том, чтобы открыть артиллерийский огонь по ничего не подозревающему противнику, внести в его ряды

панику и довершить разгром вылазкой из Татишевой крепости. План Пугачёва казался тем более реальным, что когда рано утром 21 марта Голицын самолично произвел рекогносцировку Татишевой крепости, его разведки не обнаружили и признаков Пугачёвцев. Через сутки, 22 марта, в 4 часа утра в направлении Татишевой крепости вышел авангард под командованием полковника Ю. Бибикова в составе батальона гренадер, батальона егерей, трех эскадронов кавалерии и 200 лыжников. Через час в том же направлении двинулись основные силы отряда Голицына. Не дойдя четырех верст до Татишевой, Ю. Бибиков выслал разведку из трех чугуевских казаков. Навстречу им из крепости выслали женщину, которой поручили заверить чугуевцев, что «хотя и были (пугачёвцы. — авт.), да уехали» и что «в крепости никого нет». Казаки, поверив ей, стали подъезжать к воротам крепости и вдруг увидели за ними множество вооруженных людей. Чугуевцы пришпорили коней. Двум удалось ускакать, но одного казака бросившийся за ним Пугачёв сбил с седла. Допрошенный Пугачёвым раненый чугуевец сказал, что у Голицына «пехоты тысяч до пяти и артиллерии пушек с семидесят».

Прискакавшие к А. И. Бибикову чугуевцы донесли о том, что Татишево будет защищаться. План Пугачёва срывался, но все же он был убежден в необходимости придерживаться своего первоначального решения, «наждать на себя» противника и «не терять напрасно ядер». Поэтому крепость молчала даже тогда, когда двумя колоннами к ней подошли войска Голицына и стали занимать окрестные высоты. Укрыв пехоту и конницу в ложине так, чтобы «злодейские пушки не вредили», Голицын открыл орудийный огонь по крепости. Пугачёвцы ответили огнём своих пушек. Артиллерийская дуэль продолжалась четыре часа. Видя ее безрезультатность, Голицын решился на штурм и приказал войскам Фреймана двинуться на крепость. В ответ восставшие предприняли вылазку, поддержанную семью пушками, открывшими огонь с пригорка по наступающим войскам. Батальоны Филисова и Долгорукова заколебались. На помощь им поспешили гренадёры, но из Татишевой пришло подкрепление и к пугачёвцам. Бой разгорался. Тогда Голицын решил ввести в бой все свои войска и «с примкнутым штыком атаковать» крепость, а чугуевцам и бахмутцам приказал перерезать дороги, ведущие из Татишевой в Оренбург и Илецкую крепость. Победа стала склоняться на сторону правительственных войск. Видя это, Овчинников сказал Пугачёву: «Уезжай, батюшка, штоб тебя не захватили, а дорога свободна и войсками не занята». «Хорошо, я (Пугачёв. — авт.) поеду, но и вы смотрите ж, кали можно будет стоять, так постойте, а кали горячо будут войска приступать, так и вы бегите, чтоб не попасся в руки».

И Пугачёв поскакал в Бёрды. С ним вместе уходили от преследовавших их чугуевских казаков Иван Почиталин, Григорий Бородин, Егор Кузнецов, брат Устины Кузнецовой, и Василий Коновалов. Три версты гнались чугуевские казаки, но «как у него и у его товарищей кони были самые хорошие, то чугуевцы догнать его не могли и отстали».

Правительственные войска ворвались в крепость. Бой шел в самой Татищевой, на Илецкой дороге. Голицын писал в рапорте А. И. Бибикову о сражении под Татищевой крепостью: «дело столь важно было, что и не ожидал такой дерзости и распоряжения в таковых непросвещенных людях в военном ремесле, как есть сии побежденные бунтовщики». Шестичасовой бой кончился тяжелым поражением восставших. В Татищевой погибло 1315 пугачёвцев, на дорогах, в лесу и сугробах впоследствии нашли еще 1180 убитых, в плен попало 4000 восставших, в том числе много раненых. Правительственные войска потеряли убитыми 141 и ранеными 516 человек. Цифры несоизмеримы – сказывалось огромное преимущество правительственных войск в вооружении, тактике, опыте, военной организации.

Поздним вечером 22 марта Пугачёв «сам пять» прибыл в Бёрду. Здесь еще не знали о сражении под Татищевой крепостью. Опасаясь появления войска Голицына или вылазки из Оренбурга, Пугачёв произвел замену караулов – крестьян и солдат сменили яицкие казаки. Кое-где илецкие и яицкие казаки укладывали на возы свои вещи. Тревожные слухи поползли по Бёрде, но никто не знал никаких подробностей: «что это за чудо, что сменят с караулу не во время и гонят почти палками в Бёрду?» Они требовали у своих командиров выяснить причину столь странного распоряжения. В дежурном помещении явившемуся туда за объяснением Хлопуше писарь Васильев грубо ответил, чтоб тот не вмешивался не в свое дело: «знал бы свое дело и лежал на месте». На недоуменный вопрос Хлопуши, куда собираются укладывающие свои пожитки на возы яицкие казаки, Творогов ответил, что это те казаки, которые приезжали «из своих мест» за хлебом, а теперь возвращаются домой, и приказал Хлопуше распустить «свою команду по квартирам».

Поутру у Пугачёва собрались Шигаев, Творогов, Витошнов, Коновалов, Чумаков, Хлопуша и Падуров. Пугачёв сообщил им о тяжёлом поражении войска под Татищевой и поставил перед собравшимися вопрос: «Куда же нам теперь деватца?» Кто предлагал идти под Уфу, кто – через Переволоцкую или Сорочинскую крепости на Яицкий городок, на Гурьев. Решили идти на Сорочинскую крепость. Ни Хлопуша, ни Падуров, чьи хутора лежали на пути их следования Общим Сыртом, дороги не знали. Взялся вести пугачёвцев казак Репин.

Пугачёв понимал, что после победы под Татищевой крепостью правительственные войска попытаются замкнуть кольцо вокруг Бёрды.

Надо было спешить. Однако увести сразу все свое большое войско из-под Оренбурга он не мог. Поражение под Татишевой кое-кто в лагере восставших принял за начало конца. Племянник Мартемьяна Бородина, войскового старшины яицкого казачества, Григорий Бородин, бежавший вместе с Пугачёвым из-под Татишевой в Бёрду, стал подговаривать выдать Пугачёва, «а чрез то-де мы себе легче сделаем».

Когда Пугачёв «сам пять» сумел ускользнуть от преследовавших его чугуевцев, в то время как под Татишевой полегло «без числа» его воинства, кое-кому из яицких казаков пришла в голову мысль о своей собственной судьбе. Считая, что им теперь «не устоять», Григорий Бородин обратился к Максиму Шигаеву с предложением «связать его (Пугачёва — авт.)... и отвести в Оренбург». Шигаев не отверг этого предложения. Он только сказал: «Как-де нам это одним делать можно! Хорошо, естли бы много нас согласилось». И когда Бородин сказал, что он уже посвятил в свои планы четырех человек, Шигаев ему заметил: «Так поезжай... и уговаривай других». На этот раз заговор раскрыли скоро: хорунжий Трофим Горлов, а затем и старшины донесли на Григория Бородина. Пугачёв хотел его повесить, но Бородин бежал в Оренбург. Так у некоторых яицких казаков возникла мысль о выдаче Пугачёва. Колебались и примкнувшие к Пугачёву татары Сеитовской слободы (Каргалы). После сражения под Татишевой «тутошние» татары арестовали и посадили в погреба своих земляков, татар-пугачёвцев, которых затем, придя в Каргалу, Пугачёв освободил.

Изменники рано хоронили восстание. Узнав о бегстве Григория Бородина, Пугачёв приказал расставить караулы. «И тут кто вознамерился бежать, и множество переколото». Видимо, кара постигла не кое-как вооруженных «мужиков», которые были обузой для Пугачёва, а тех, кто являлся «доброконным», рассматривался как боевая единица, кто был близок Пугачёву и мог принести ему вред, оказавшись в лагере противника. Их Пугачёв готов был либо гнать с собой насильно, либо обезвреживать.

Крупнейшее сражение периода Пугачёвского бунта ожесточённо длилось более шести часов. Несмотря на свою отчаянную храбрость, повстанцы потерпели сокрушительное поражение. Вождь восставших потерял всю артиллерию, фактически лишился почти всего своего войска. Особенно болезненным была для него потеря таких дельных соратников и советников, как М. Шигаев, И. Почиталин, Т. Подуров, Т. Соколов-Хлопуша и др. С оставшимися несколькими сотнями своих сподвижников Пугачёв ушёл на уральские заводы. Многомесячная осада Оренбурга была окончательно снята.

СУДЬБА АФАНАСИЯ СОКОЛОВА И ОБРАЗ ХЛОПУШИ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

А. Н. Потапова,

*Оренбургский государственный аграрный университет,
г. Оренбург*

Ах, давно, знать, забыли в этой стране
Про отчаянного негодяя и жулика Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные разведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонетчик.
Но всегда ведь, всегда ведь, рано или поздно ли,
Расставляет расплата капкан терний.
Заковали в колодки и вырвали ноздри
Сыну крестьянина Тверской губернии...

С. Есенин. «Пугачёв»

Афанасий Тимофеевич Соколов (1714–1774 гг.) – известный пугачёвский атаман. История его жизни необыкновенна: крепостной крестьянин, батрак, рабочий уральских заводов, ссыльный, затем атаман и походный «полковник» над всеми фабрично-заводскими крестьянами, принимавшими участие в событиях 1773–1775 гг. Родился в с. Мошковичи (по некоторым документам «Машкович», как, например, в «Протоколе показаний А. Т. Соколова-Хлопуши на допросе в Оренбургской секретной комиссии») Тверской губернии, в вотчине архиерея Митрофана (территория современной Калининской области). До пятнадцати лет Афанасий крестьянствовал с родителями, а затем был переведен на оброк и уехал в Москву [1].

Вначале Афанасий помогал одному из односельчан, который занимался извозом, позже сам купил лошадь, нарядную сбрую и вскоре прослыл лихим ездоком. По неопытности оказался замешанным в деле об ограблении. Его услугами часто пользовались сержант и капрал Коломенского полка, любившие погулять властью и прокатиться с ветерком. Но однажды их уличили в краже казённого имущества, которое они пытались увезти на дрожках Соколова. Извозчика заподозрили в соучастии. На допросе он заявил (по «научению» сержанта и капрала), что является беглым солдатом Черниговского полка, за что получил шесть тысяч шпицрутенгов (его прогнали шесть раз сквозь

строй из тысячи человек) и был отдан в солдаты. Сержант и капрал, разжалованные в рядовые, помогли ему осуществить побег: «вызвали его с собою на базар, купили ему русскую рубашку, серой кафтан, пару лошадей и велели бежать в дом, что он и исполнил» [2]. После побега Соколов прожил дома около трёх лет. Доносить на него не спешили: беглый человек оказался выгоден в вотчине, выполняя здесь самую тяжёлую работу.

Будущий сподвижник Е. Пугачёва больше известен не по фамилии, а по прозвищу – Хлопуша. Столь необычное второе имя Афанасий Тимофеевич мог приобрести как на Урале, так и раньше, находясь еще в Центральной России. По версии В. Б. Шкловского, произошло прозвище, возможно, от дубового железом окованного песта, которым толкли руду на уральских заводах [3]. Среди других возможных объяснений – производные от слов «хлопать» – по роду крестьянских или извозчичьих занятий, например, сильного хлопанья кнутом; «хлопуша» – «хвастун, враль», так могли отзываются сообщники или свидетели лживых показаний Хлопуши на суде; «холоп» – по холопьюму происхождению; «хлал» – карта, по картежной игре. Примечательно, что написание «*Хлануша*» зафиксировано в следственных материалах по Пугачёвскому восстанию [4].

Так или иначе, Соколов немало доставлял хлопот властям. Вскоре последовало новое обвинение в краже лошади. И после донесения из конторы архиерея Митрофана в провинциальную канцелярию о том, что «Хлопуша, человек худаго состояния и всегда находится в пьянстве, почему его в жительство обыватели и принять уже не желают», Тверская провинциальная канцелярия определила: «Ево, Хлопушу, за вымен краденой лошади и что в жительство обыватели принять его не пожелали, высечь кнутом и послать на житье в Оренбург» [5]. Так будущего атамана отправили по этапу в Оренбургскую губернию и определили на поселение в Бёрдскую слободу. Здесь он жил около 15 лет, выезжая для работы по найму в помещичьи имения и уральские заводы.

В 1761 г. ссыльный Афанасий Соколов женился и вскоре обзавелся своим домом. Его женой стала уроженка Бёрд – Анна Ивановна Соколова (1735 – 1775 гг.). В 1763 г. у них родился сын Иван. Соколов ходил на работу в с. Никольское к надворному советнику Тимашеву. Через несколько лет Афанасий попал на Покровский рудник медного завода, который принадлежал графу А. И. Шувалову, где сблизился с работным людом и ссыльнопоселенцами, не раз принимал участие в рудничных беспорядках [6].

Многие рабочие, недовольные условиями и обращением, расправлялись с заводской администрацией и уходили в беглые ватаги,

становились «добрыми» разбойниками. По всей вероятности, к ним и примкнул Соколов. В 1768 г. он с двумя подговоренными им крестьянами ограбил возвращавшихся с Ирбитской ярмарки четверых татар, у которых они забрали «денег двадцать восемь рублей, шесть халатов бумажных, двенадцать мерлушек бухарских и шесть лошадей» [7]. Наказание последовало тяжелое: по определению Екатеринбургской канцелярии Соколова—Хлопушу наказали кнутом «с вырыванием ноздрей и поставлением на лице знаков» и отправили на каторжные работы в Тобольск. Оттуда он бежал с намерением пробраться к жене в Бёрдскую слободу, но в Сакмаре был пойман, в третий раз высечен кнутом и отправлен в Омскую крепость, а после нового побега его «в четвёртый раз били кнутом, заковали в железа в Оренбургской тюрьме и оставили здесь в городской работе вечно» [8].

Вскоре после ареста Афанасия Тимофеевича в 1768 г., Анна Соколова вступила во второй брак, с Гаврилой Шлыковым, посадским человеком, жителем Илецкой защиты, и уехала к нему с Иваном. Соколова и ее сын упоминаются в «Истории Пугачёва». Сведения о них имеются в опубликованной Пушкиным «Летописи» П. И. Рычкова и пушкинском конспекте этого источника. Однако Рычков и Пушкин не указали полных имен, их установили позднее по данным духовной росписи прихожан церкви в Илецкой защите за 1773 г., хранящейся в Государственном архиве Оренбургской области [9]. Возможно, Хлопуша так никогда больше и не увиделся с членами своей семьи, если бы не события 1773—1775 гг.

Осенью 1773 г. Хлопуша содержался в остроге. По предложению Тимашева оренбургский военный губернатор И. А. Рейнсдорп 30 сентября 1773 г., когда Пугачёв с войсками стал подходить к Оренбургу, приказал доставить к нему беглого каторжника. Позже, во время допроса, Соколов признавался: «...призвал господин губернатор пред себя в дом Тимашова и говорил: “Слушай, Хлопуша, я посылаю тебя на службу, возьми ты у меня четыре указа и поезжай в толпу Пугачёва”. Ис которых один приказывал отдать яицким казакам, другой илецким, третий оренбургским, а четвертый самому Пугачёву и, при случае, уговаривать ис толпы Пугачёва людей, чтоб отстали, рассказывая всем, что он не государь, а самозванец и “если ты поберешь партию, то не можно ли свести Пугачёва в город Оренбург”. На что он, Хлопуша, и согласился» [10]. За успешное исполнение поручения губернатор посулил арестанту освобождение от каторги и немалое денежное вознаграждение. В ночь на 5 октября 1773 г. Афанасий Тимофеевич покинул Оренбург, а утром следующего дня явился в повстанческий лагерь, находившийся у Сакмарского городка.

В «Истории Пугачёва» А. С. Пушкин приводит описание первой встречи Е. Пугачёва и А. Соколова: «...явился прямо к Пугачёву и вручил ему самому все губернаторские бумаги. “Знаю, братец, что тут написано”, – сказал безграмотный Пугачёв и подарил ему полтину денег и платье недавно повешенного киргизца. Хорошо зная край, на который так долго наводил ужас своими разбоями, Хлопуша сделался ему необходим» [11].

Пугачёв не сразу проникся доверием к посланцу губернатора, Хлопушу допрашивали, И. А. Творогов грозил виселицей. Спасло бесстрашие Соколова и «поручительство» Максима Григорьевича Шигаева, с которыми они вместе сидели в Оренбургской тюрьме по делу о восстании яицких казаков 1772 г. Е. Пугачёв приказал первое время следить за Хлопушей, но потом стал относиться к нему с большим доверием и вскоре поручил поехать на Авзяно-Петровские заводы доставить орудия и боеприпасы.

Выполняя указания «императора Петра III», Хлопуша, с одной стороны, зарекомендовал себя как энергичный организатор и умелый командир (собрал пушки, провиант, деньги, сформировал отряд из мастеровых людей и заводских крестьян), а с другой стороны, в его действиях усматривается и проявление мародерства. Свидетельство этому – его показания во время допроса об изъятом на Авзяно-Петровских заводах: «...сто двадцать лошадей со всеми приборами, а в конторе сем тысяч денег, в том числе по скаскам заводских крестьян было две тысячи рублей подушных, кои расходчик тут же раздал крестьянам. Еще взято: триста баранов, семдесят сем быков, посуды серебряной пуда два, столовые часы, медную и ловажную посуду, пороху два пуда и всякой господской одежды множество...» [12]. И «по zabrании всего оногo» в начале ноября Хлопуша вернулся в Бёрды во главе отряда в 500 человек – с пушками, полным боезапасом, взятыми силой у войсковой охраны завода. П. И. Рычков, характеризуя Хлопушу, в «Летописи» отмечал: «К усилению предводитель злодеев был он, Хлопуша, всегда главным орудием; ибо ездя по заводам, привозил к ним пушки, ядра, порох и великое число денег, высылал хлеб и множество разных пожитков, а сверх того вылил и переслал к нему, Пугачёву, мортир и бомб и немалое число башкирцев. За что и дан ему был у него чин полковника» [13]. Примечательно, что за такой короткий срок, чуть больше месяца, неграмотный беглый каторжник совершил такую головокружительную «военную карьеру».

Для пополнения военных припасов и провианта Пугачёв в середине ноября 1773 г. направил отряды атамана А. Соколова–Хлопуши и яицкого казака А. Бородина вверх по Уралу. В «Истории Пугачёва»

Пушкин писал: «...послал Хлопушу с пятьюстами человек и шестью пушками взять крепости Ильинскую и Верхнеозерную». Отряды вместе выступили из Бёрдской слободы вверх по реке Сакмаре, а в пути разделились: Бородин с полученными от Пугачёва указами поехал за башкирами на реку Ик, а Хлопуша — в Жёлтый редут (современное село Жёлтое Саркташского района), чтобы привлечь в отряд ногайцев, и уже отсюда отправился под крепость Ильинскую, приказав ногайцам Кондуровской слободы идти под Верхнеозерную крепость. 22 ноября Хлопуша занял Ильинскую, при этом «...на приступе заколов коменданта, поручика Лопатина; но пощадил офицеров и не разорил даже крепости» [14].

На рассвете 23 ноября отряд Хлопуши подступил под Верхнеозерную, гарнизон которой представлял значительную боевую силу: в течение октября — начала ноября в крепость прибывали военные отряды из Сибири. Один из прибывших офицеров, поручик А. Поспелов, оставил ценные записи, среди которых численный состав Верхнеозерной накануне штурма. «Регулярных», то есть солдат (в том числе и поляков, участвовавших в движении конфедератов в 1771 — 1772 гг.), насчитывалось 369 человек, «нерегулярных» — 332 человека (казаков — 73, ставропольских калмыков — 170, башкир — 53 и мешеряков — 14 и др.). Крепость имела 16 пушек разного калибра, в том числе две пушки без лафетов, поставленные «на обруб». В состав гарнизона входили две роты из Сибири, из Звериноголовского батальона [15]. Поэтому не удивительно, что повстанцы, несколько раз предпринимавшие штурм крепости, были отбиты.

О военном поражении А. Бородин известил Пугачёва, который сразу выступил на помощь осаждавшим. С ним находились видные участники восстания — И. Почиталин и И. Творогов. 26 ноября соединенные силы повстанцев во главе с Емельяном Ивановичем возобновили штурм, но и он оказался безуспешным. Пугачёв настойчиво стремился взять Верхнеозерную еще и потому, что здесь находилась жена бригадира А. Корфа, которую он грозился повесить, озлобившись на действия ее мужа. Не добившись успеха, пугачёвцы все же оставили крепость и вернулись в Бёрдскую слободу.

После неудачи под Верхнеозерной Хлопуша очень легко взял Илецкую защиту. Это произошло во время осады Оренбурга, один из руководителей которой, Максим Шигаев, отправил Соколова для занятия крепости. 16 февраля 1774 г. Афанасий Тимофеевич выступил из Бёрд с четырьмя сотнями заводских крестьян, несколькими казаками и двумя пушками. Подойдя к крепости, он окружил её. После нескольких выстрелов 130 оренбургских и сакмарских казаков, бывших

в укреплении, перешли на сторону повстанцев. Пугачёвцы ворвались в крепость, ранили смертельно капитана Варачева и подпоручика Исаева, выпустили всех арестантов и захватили все промысловое имущество и деньги. Пушкин в «Истории Пугачёва» отмечал: «Казенное имущество было разграблено; офицеры перебиты, кроме одного, пощаженного по просьбе работников; колодники присоединены к шайке мятежников. Пугачёв, возвратясь в Бёрду, негодовал на своеволие смелого каторжника и укорял его за разорение Защиты, как за ущерб государственной казне» [16].

Здесь же, в Илецкой защите, происходит интересный поворот в личной жизни Хлопуши: он разыскал свою бывшую жену и их сына, хотел казнить «изменщицу» и второго ее мужа, но сын вступился за них и вымолил прощение. Покидая Илецкую защиту со своим отрядом, в который влились служившие в крепостном гарнизоне солдаты и казаки, а также 87 каторжников, работавших здесь на соляных копях, атаман увез с собой семью, которую снова поселил в мятежной Бёрдской слободе.

В повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкин представляет галерею сподвижников Пугачёва. В главе 11 «Мятежная слобода» Хлопуша предстает перед читателями в сцене встречи и беседы Петра Гринёва и Пугачёва, происходившей в его присутствии и «фельдмаршала» И. Н. Белобородова. Пушкин детализирует портрет Хлопуши: *«Он был высокого росту, дороден и широкоплеч, и показался мне лет сорока пяти (фактически ему в 1774 г. было 60. — А.П.). Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах, ...ссылный преступник, три раза бежавший из сибирских рудников»* [17].

Характерны главные детали, которые повторяются почти во всех портретных описаниях Пугачёва и «портретах разбойников»: «густая борода», «сверкающие», «блистающие», «горящие» глаза, «басурманское» облачение, подчеркивающие их нерусскость. Акцентирует внимание Пушкин на жестокости Хлопуши: *«...и эта рука повинна в пролитой христианской крови»*. В то же время Хлопуша, беглый каторжник, опровергает идею оправдания любой жестокости, всякого произвола. Признав, что и он «грешен», Хлопуша заявляет: *«Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепуты да в темном лесу, не дома, сидя за печью; кистенем и обухом, а не бабьим наговором»*. В этом ответе раскрывается образ Хлопуши, с его суровой и дикою храбростью, с его неприятным коварства, наущничества, изворотливости, со своеобразными понятиями о разбойничьем благородстве. В сцене финала спора, когда

Белобородов вновь настаивает на казни Гринёва, Хлопуша не соглашается с мнением народного «фельдмаршала»: *«Тебе бы всё душить да резать»*. На что Белобородов отвечает: *«Да ты что за угодник?.. У тебя-то откуда жалость взялась?»* [18].

В повстанческой среде Хлопуша пользовался авторитетом, и Пугачёв прислушивался к его мнению. *«Ты уж оскорбил казаков, посадив дворянина им в начальники, не пугай же дворян, казня их по первому наговору»*. Советы, которые дает Пугачёву бывший каторжник, соответствуют истинному облику этого незаурядного человека, который показал себя умным и осмотрительным начальником, с пониманием относившимся к местному населению. К примеру, овладев крепостью Илецкая защита, «по просьбе жителей» он повесил хорунжего Уключенинова за то, что тот «не выдавал им провианта», и помиловал капитана Лопатина, так как жители сказали о нем, «что он человек добрый». Получив задание от Пугачёва забрать в крепости весь хлеб и пушки, Хлопуша по просьбе жителей оставил им часть хлеба и две пушки «для защиты от набегов киргизов» (за что навлёк на себя недовольство Пугачёва). За свое полугодовое пребывание в армии Пугачёва Соколов не был замечен в обидах и грабительстве. Чиновники немало были удивлены, не обнаружив после ареста и обыска у жены Хлопуши ни имущества, ни денег [19].

Обратимся вновь к исторической канве событий. 23 марта Пугачёв, потерпевший накануне поражение в битве у Татищевой крепости, решил оставить Бёрдскую слободу и стал выводить отсюда свои конные отряды, намереваясь прорваться с ними к Яицкому городку. Получив разрешение у Пугачёва, Хлопуша с женой и сыном отправился в Сакмарский городок, надеясь укрыть их там у надежных людей. Но доехали беглецы только до Каргалинской слободы, где их схватили верные властям татары во главе со старшиной Абдрафиком Абдулиным. Семью связали и посадили в погреб под караул. Татарские старшины Сеитовой слободы доложили Рейнсдорпу: «злодеев Хлопушу, трех яицких казаков, в том числе и палача, в ночное время поймав, заковали и к вашему высокопревосходительству при сем отправили, а что касается до жены, сына и имения его, Хлопуши... то мы по рассветании дня, освидетельствовав, за пристойным конвоем отправить имеем». День спустя, 24 марта, захваченных отконвоировали в Оренбург и заключили в тюремный острог [20].

На допросе в Оренбургской секретной комиссии, производившемся 10 мая, Хлопуша дал подробные показания о себе и своем пребывании в лагере Пугачёва. Протокол его показаний, написанный писарской рукой и хорошо сохранившийся, был опубликован в 1935 г. в журнале «Красный архив» и представляет собой ценный источник как для

изучения событий 1773—1775 гг., так и личности пугачёвского атамана. Приговор о казни А. Т. Соколова—Хлопуши комиссия вынесла 9 июля 1774 г. (текст документа хранится в РГАДА): Соколова—Хлопушу казнить «здесь, в Оренбурге, как в таком месте, где он зделал измену». Приговором предписывалось «одеть на него погребальный саван, вести в оном к эшафоту на городской площади, там отсечь голову, взоткнуть ее на кол и оставить на возвышенном месте... на народное зрелище на всякое время» [21]. По приговору Оренбургской следственной комиссии Хлопушу казнили 10 июля 1774 г., его отрубленную голову после казни установили на шесте на центральной площади Оренбурга; жену и сына тогда же из тюрьмы освободили, но последующая их судьба неизвестна.

И в заключение хочется привести слова А. С. Пушкина из 3 главы «Истории Пугачёва», очень емко характеризующие Афанасия Тимофеевича Соколова: «Разбойник Хлопуша, из-под кнута клеймённый рукою палача, с ноздрями, вырванными до хрящей, был один из любимцев Пугачёва. Стыдясь своего безобразия, он носил на лице сетку или закрывался рукавом, как бы защищаясь от мороза. Вот какие люди колебали государство!» [22].

Примечания

1. Овчинников Р.В., Большаков Л. Н. Оренбургская пушкинская энциклопедия. Оренбург: Печат. Дом «Димур», 1997. С. 389.
2. Жижка М. В. Допрос пугачёвского атамана А. Хлопуши // Красный архив. 1935. №1 (68) [Электронный ресурс]. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVIII/1760-1780/Pugachev/Dopros_chlopusi/text.htm (дата обращения: 12.05.2012).
3. Шкловский В.Б. И сегодня сегодняшний // В мире Есенина. М., 1986. С. 635—636.
4. Пугачёв (примечания) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.museum-esenin.ru/tvorchestvo/437> (дата обращения: 10.05.2012).
5. Жижка М. В. Указ соч.
6. Овчинников Р.В., Большаков Л. Н. Указ. соч. С. 392.
7. Жижка М. В. Указ соч.
8. Гиллельсон М.И., Мушина И. Б. Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Примечания к главе 11 [Электронный ресурс]. URL: <http://pushkin.niv.ru/pushkin/articles/gillelson-kapitanskaya-dochka/primechaniya-11.htm> (дата обращения: 10.05.2012).
9. Овчинников Р.В., Большаков Л. Н. Указ. соч. С. 392.
10. Жижка М. В. Указ соч.
11. Пушкин А. С. История Пугачёва. Капитанская дочка. Повести Белкина. Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1987. С. 22.

12. Жижка М. В. Указ соч.
13. Там же.
14. Пушкин А. С. Указ соч. История Пугачёва. Глава 4. С. 33.
15. Серeda Н. А. Пугачёвский бунт по запискам современника и очевидца // Справочная книжка Оренбургской губернии на 1870 г. Оренбург: Изд. Оренбургского губернского статистического комитета. Отд. IV. С. 79–120 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kazachiy-krug.ru/stati/est-takoe-mnenie/pod-znamenami-pugacheva> (дата обращения: 12.04.2012).
16. Пушкин А. С. Указ. соч. История Пугачёва. Гл. 5. С. 46.
17. Пушкин А. С. Указ. соч. Капитанская дочка. С. 209.
18. Пушкин А. С. Указ. соч. Капитанская дочка. С. 211.
19. Жижка М. В. Указ. соч.
20. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панях В.М. Пугачёв и пугачёвцы. Л., 1977. С. 138–151.
21. Жижка М. В. Указ соч.
22. Пушкин А. С. Указ. соч. История Пугачёва. Гл. 3. С. 27.

В РЯДАХ ПОВСТАНЦЕВ

О.А. Дорошева,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Иван Никифорович Зарубин (Чика) происходил из бедных яицких казаков. К моменту Крестьянской войны 1773–1775 годов ему исполнилось 36 лет. Он прошел трудную жизненную школу, участвовал в столкновениях с царской администрацией, испытал многие лишения: арест, тюремное заключение. В 1772 г. участвовал в восстании против старшинской верхушки, которая при поддержке царской администрации стремилась утвердить свою власть на Яике, устранить старинные основы казачьего самоуправления и своекорыстно захватить в свои руки распределение войсковых доходов.

После поражения этого восстания Зарубин бежал из Яицкого городка и в течение нескольких месяцев скрывался на глухих степных хуторах. С начала сентября 1773 г. он входил в группу казаков-заговорщиков (М. Г. Шигаев, Т. Г. Мясников, Д. К. Караваев, М. А. Кожевников и др.), обсуждавших с Пугачёвым, самозванно принявшим на себя титул «императора Петра Третьего», планы нового вооружённого выступления на Яике.

С первых дней восстания, начавшегося 17 сентября 1773 г., Зарубин находился в числе наиболее близких советников Пугачёва, входил в его «Тайную думу», занимал командные посты в повстанческой войске,

участвовал во взятии крепости Нижнеозерной, Илецкого городка, крепости Татишево. Вместе с атаманом А.А. Овчинниковым он возглавлял пугачёвские отряды, которые в боях 7—9 ноября у д. Юзеевой под Оренбургом нанесли поражение карательному корпусу генерала В.А. Кара.

Зарубин упоминается А.С. Пушкиным в архивных заготовках к «Истории Пугачёва», тексте самой «Истории» и черновых фрагментах ее рукописи. По мнению автора, это человек «хитрый и свирепый», ближайший советник и наставник («пестун») у Пугачёва [1].

В начале декабря 1773 г. Пугачёв произвел его в сан «графа Чернышева» и отправил под Уфу для руководства находившимися там отрядами восставших. Чика пользовался у яицких казаков и самозванца полным доверием, поэтому Военная коллегия повстанцев наделила его чрезвычайными полномочиями, а именно правом издавать указы и использовать собственную печать, присваивать воинские звания, награждать, заготавливать провиант и военное снаряжение, отправлять правосудие и направлять отряды в другие места. Штаб-квартира Чики в селе Чесноковке, традиционном месте сбора башкир в нескольких милях от Уфы, стала, в сущности, второй Бёрдой, откуда «граф Чернышев» руководил всем северным фронтом восстания. Чике во многом удалось объединить силы повстанцев, пресечь разбои, обуздать бесчинства войсковых башкир и распространить бунт на новые территории [2].

Под руководством Чики повстанцы 23 декабря 1773 г. в 7 часов утра начали штурм Уфы. Восьмичасовой артобстрел, сопровождавшийся неоднократными атаками повстанцев, не принес результатов. Пугачёвцам пришлось вернуться в Чесноковку и целый месяц готовиться к новому штурму. Все это время они призывали горожан сдаться и не позволяли им заготавливать продовольствие, топливо и фураж. Из-за сильного холода и отсутствия дисциплины осаждавшие не могли постоянно следить за городом, что ослабляло его блокаду. Повстанцам не удавалось пресечь вылазки и они несли большие потери от действий горожан и артиллерии. Тем не менее, Пугачёвцы продолжали обстреливать Уфу, а 10 января разгромили ее окрестности.

Увеличив численность войска и артиллерии, 25 января 1774 г. Чика решился на новый штурм. Чтобы поддержать свою пехоту и атаки конницы, осаждающие установили пушки в 500 ярдах от городских стен. Они по очереди атаковали Уфу с четырех сторон. Чика лично руководил заключительным штурмом. Однако защитники отразили все атаки нападавших и даже подстрелили лошадь под «графом Иваном Чернышевым». После этого Чика отступил в Чесноковку, решив, подобно Пугачёву под Оренбургом, уморить уфимцев голодом. 24 марта

подошедший к Уфе со стороны Казани корпус И. И. Михельсона атаковал у села Чесноковки отряды Зарубина и в битве, продолжавшейся около четырех часов, наголову разбил их, в тот же день вступил в Уфу [3]. Более четырех часов повстанцы отчаянно оборонялись, не раз бросались в контратаки, но не смогли устоять против фронтального и фланговых ударов, а затем ретировались, оставив на поле боя до 500 чел. убитыми, все пушки и потеряв до 7 тыс. чел. пленными [4].

Попытка взять Уфу провалилась. Кроме того, поскольку основные силы повстанцев были скованы этой бесплодной осадой, они упустили шанс поднять восстание в других местах. Причина их поражения ясна. Пугачёвцы были плохо вооружены и не владели искусством осады. У них было слишком мало пушек, особенно тяжелых осадных орудий, не хватало опытных артиллеристов, пороха и зарядов. Огнестрельное оружие было далеко не у всех пугачёвцев, у многих вообще не было ничего, а конница в данном случае была бесполезна. Кроме того, у Зарубина отсутствовал опытный и дисциплинированный армейский костяк наподобие яицких казаков и пленных солдат при осаде Оренбурга. Под Уфой пугачёвцы не смогли пресечь вылазки горожан и полностью блокировать город. Трудности сплочения башкир, крестьян, работных людей и казаков в дисциплинированную армию не позволили Чике упорядочить и подчинить единому командованию восстание в Башкирии.

Зарубин со своими приближенными (И. И. Ульяновым, И. В. Губановым, С. П. Толкачевым) и 20 казаками бежал к Табынску. Здесь 26 марта они были схвачены и переданы карателям. Зарубин содержался в тюремном заключении в Уфе, оттуда его доставили в Казань, где в течение нескольких дней допрашивали в Секретной комиссии. На допросах он держался с несгибаемым упорством и мужеством. Производивший дознание генерал П. С. Потемкин доносил Екатерине II, что несмотря на все увещания и пытки, ему не удалось склонить Зарубина к раскаянию и добиться от него откровенных показаний. На требование Потемкина, чтобы Зарубин признал тяжесть своей вины, тот «дерзновенно» заявил, что все его помыслы и деяния «есть истинное служение Отечеству», направленное на защиту «несчастливого государства» (т.е. Пугачёва) [5].

В ноябре 1774 г. Зарубин был отконвоирован в Москву, где производилось «генеральное» следствие над Пугачёвым и ближайшими его сподвижниками. По приговору от 9 января 1775 г. он вместе с Е. И. Пугачёвым, А. П. Перфильевым, М. Г. Шигаевым, Т. И. Подуровым и В. И. Торновым был осужден на смертную казнь. Из Москвы Зарубина отконвоировали в Уфу, где и казнили 24 января 1775 г. Казнили Ивана Зарубина-Чичу за Белой, на месте, где он как ру-

ководитель Чесноковского лагеря вел штурм Уфы. На берегу реки, напротив города, каратели построили специальный эшафот. После оглашения приговора Зарубин был обезглавлен. Окровавленную голову его укрепили на высоком столбе; эшафот же вместе с телом сожгли [6].

О выдающемся организаторе и полководце Крестьянской войны Иване Зарубине, которому Пугачёв присвоил звание «граф Чернышев», напоминаетobelisk. Он установлен неподалеку от Чесноковки, по дороге из Уфы в аэропорт. На нем надпись: «В д. Чесноковке находился один из центров Крестьянской войны...».

Примечания

1. Пушкин А. С. История Пугачёва. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том IX. Электронный ресурс: <http://knigo.com/p/PUSHKIN/history/pug2.htm>.
2. История Оренбуржья. Библиотека. Энциклопедии. Оренбургская Пушкинская энциклопедия. Электронный ресурс: <http://kraeved.opck.org/bi>.
3. Гвоздикова И. М. Несколько страниц из «Краткого описания губернского города Уфы» // Башкирский край: сб. статей. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 14 – 29.
4. Лимонов Ю.А., Мавродин В.В., Панеях В.М. Пугачёв и пугачёвцы. Л., 1974. С. 47 – 73.
5. Пушкин А. С. История Пугачёва. Полное собрание сочинений в 10 томах. Том IX. Электронный ресурс: <http://knigo.com/p/PUSHKIN/history/pug2.htm>.
6. Гвоздикова И. М. Несколько страниц из «Краткого описания губернского города Уфы» // Башкирский край: сб. статей. Уфа, 1991. Вып. 1. С. 14 – 29.

«О БАШКИРЕ-ПЕВЦЕ И БЕССТРАШНОМ БОЙЦЕ...» (О ЛИЧНОСТИ САЛАВАТА ЮЛАЕВА)

Ф. М. Надршин,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Из всех многочисленных персонажей бессмертной повести великого русского поэта А. С. Пушкина читателю надолго врезается в память образ безымянного старого башкира-бунтаря, которому палачи отрезали язык и уши. Они обезобразили и изуродовали его за участие в прежних восстаниях, но не смогли уничтожить у него стремление к свободе и ненависть к своим угнетателям. По замыслу гения этот персонаж олицетворяет «вечно бунтующий», свободолюбивый башкирский народ, принявший самое активное участие в восстании Емельяна Пугачёва.

Указанное восстание, охватившее обширную территорию на юго-востоке страны, явилось крупнейшим антикрепостническим движением в феодальной России. Регионом, где разворачивались его основные события, стал Южный Урал и, прежде всего, территория современного Оренбуржья. Оно характеризовалось единовременностью выступлений повстанцев, широким охватом социальных сил, многонациональным и разноконфессиональным составом участников. В основе пугачёвщины было сложное переплетение социально-экономических, национальных, религиозных причин. «Наивный монархизм» российского крестьянства и казачества был связан с народными представлениями о справедливости и законности. Большинство повстанцев, православные и мусульмане, раскольники и язычники, пребывало в полной уверенности, что служат «подлинному» государю.

Первое место среди нерусских народов по количеству участников восстания, силе выступлений принадлежит коренным жителям края — башкирам. Пугачёв и его ближайшие сподвижники твёрдо рассчитывали на поддержку этого народа, так как знали и учитывали его глубокое недовольство угнетательской политикой самодержавия, ненависть к царской администрации, на борьбу с которыми они не раз поднимались с оружием в руках. Башкиры стойко отстаивали свои вотчинные права на землю, свободу вероисповедания, с момента присоединения к России поднимали десятки больших и малых восстаний. Они были недовольны усилением тяжести повинностей в третьей четверти XVIII века, а также ограничением свобод и привилегий во всех сферах социальной, экономической и духовной жизни. Осенью 1773 г., говоря пушкинскими словами, вся Башкирия восстала. Впервые башкиры отстаивали свои права и свободу в одном ряду с казаками и многонациональным крестьянством Урало-Поволжья. Историческая роль башкир заключалась не только в массовом и активном участии в восстании, «...но и в том, что они дали этому восстанию целую плеяду крупнейших и выдающихся предводителей» [1]. По-разному сложились их судьбы: большинство из них погибли в сражениях, многие были казнены царскими палачами или отправлены на каторгу. В длинном ряду имен славных борцов за свободу особое место принадлежит народному вождю и национальному герою башкирского народа Салавату Юлаеву. Вот уже почти два столетия его личность и деятельность привлекает внимание историков и литераторов.

Заслуга введения имени Салавата Юлаева в научную литературу принадлежит А. С. Пушкину — первому историографу пугачёвского движения. В 1834 г. вышла в свет его книга «История Пугачёва», переименованная тогда по требованию Николая I в «Историю Пугачёвского

бунта». Ряд страниц книги был посвящен описанию событий, в которых участвовал Салават Юлаев. С его боевой деятельностью Пушкин связывал размах народного движения в Башкирии. Он отбирал для своего рассказа о боевых делах Салавата такие эпизоды, в которых с наибольшей силой проявился солидарный характер совместной борьбы русского и нерусских народов Урала [2]. Однако во время работы над книгой ему, несмотря на настойчивые просьбы, не удалось добиться от царских властей разрешения ознакомиться со всем комплексом хранящихся в архивах документов по теме исследования.

Подлинные документы судебного-следственного дела выдающегося вождя восставшего башкирского народа стали доступны исследователям лишь к 80-м годам XIX века. В результате появился целый ряд трудов, посвященных истории Пугачёвского восстания. Работы Ф.Д. Нефедова, Р.Г. Игнатьева, М.В. Лоссиевского можно отнести к лучшим трудам дореволюционной историографии о жизни Салавата Юлаева. Все они объективно и с симпатией характеризовали его личность, хотя в них и встречались такие определения участников восстания как «бунтовщики и мятежники», «дикари», «фанатики» и т.п.

Документально установлено, что Салават родился в 1754 г. в деревне Текеево (вырос в д. Юлаево) Шайтан-Кудейской волости Сибирской дороги Уфимской провинции Оренбургской губернии (ныне Салаватский район Республики Башкортостан). Год рождения установлен с его собственных слов. На допросе в Тайной экспедиции Сената в Москве 25 февраля 1775 г. он показал, что «от роду ему двадцать первой год». Его отец сотник Юлай Азналин в 1765 г. стал старшиной волости. В 1771 – начале 1773 гг. он участвовал в военных действиях на территории Казахстана по удержанию калмыков, отправлявшихся из России в Китай, а затем в Польшу. Во время отсутствия отца Салават исполнял обязанности волостного старшины. Юлай Азналин был широко известен в Башкирии своей честностью и неподкупностью в деле защиты рядовых башкир, притесняемых губернской администрацией, заводчиками. Салават воспитывался в атмосфере любви к родине, национального достоинства. Становление и развитие духовного мира Салавата шло путем усвоения социального опыта, зафиксированного в материальной и духовной культуре родного народа, опыта активной деятельности отца и, несомненно, на основе собственных наблюдений. Известно, что Салават был грамотным, знал старотюркский и русский языки, что давало возможность знакомиться с книгами духовного и светского содержания, изучать государственно-правовые документы, определявшие статус отдельных групп населения края.

12 ноября 1773 г. Салават Юлаев во главе взбунтовавшегося сводного башкиро-мишарского отряда из 1200 человек, предназначенного властями для использования его в операциях против войска восставших, присоединился к Пугачёву, а 25 ноября 1774 г. он был предательски схвачен в плен. Всего лишь один год шел Салават под стягами Крестьянской войны. Но этот год стал вершиной его жизни. За это короткое по историческим меркам время сложился образ народного героя, сподвижника и вождя, носителя идеалов самого народа. В чине полковника, затем и бригадира Салават Юлаев осуществлял руководство ключевыми событиями восстания: формировал повстанческие отряды, сражался с правительственными войсками, осаждал и брал крепости и селения, строил новые административные учреждения в освобожденных районах. Сохранились документы, свидетельствующие о личном участии Салавата Юлаева в более чем двадцати сражениях.

В Бёрдском лагере под Оренбургом Салават был представлен «императору Петру Федоровичу» — Пугачёву, а затем Кинзя Арсланов, член Секретной думы Пугачёва, несомненно, ознакомил прибывших с именными указами «императора», в которых он жаловал башкир их землями и водами, денежным и хлебным «довольствием», а также «верою и законом вашим». Находясь в Бёрдах (12 ноября — середина декабря), Салават участвовал в составе Главного повстанческого войска в боях с воинскими командами, выступавшими из осажденного Оренбурга, был ранен. 28–29 ноября он, вероятно, находился в составе двухтысячного отряда Пугачёва, который разбил команду сибирских войск майора Е. Заева и захватил Ильинскую крепость. За проявленные смелость и отвагу Пугачёв пожаловал Салавата Юлаева чином полковника. Но в Бёрдском центре он не только проявил свои боевые способности, но и приобрел опыт, сопутствующий ему в последующей деятельности. Сама обстановка в многолюдном и многонациональном лагере, общение с крупными деятелями народного движения оказали огромное воздействие на формирование сознания Салавата, характер и направленность всех его поступков.

Во второй половине декабря 1773 г. — начале января 1774 г. Салават выступает в роли организатора повстанческого движения в северо-восточной части Башкирии — на Сибирской дороге, где, действуя в качестве эmissара Пугачёва, сформировал конный отряд численностью в 800 человек. В составе его первого отряда были башкиры, татары, мишари, маришцы, чуваша. С середины января по март Салават — один из главных предводителей повстанческого движения в Пермской провинции Казанской губернии и прилегающих районах Уфимской провинции, в районе Красноуфимска, Кунгура, Осы, Сарапула, куда вступили

значительные повстанческие отряды, сформированные на территории Башкирии. Он становится крупным администратором и военачальником восставших. В январе 1774 г. уже четырехтысячная «армия его величества государя-императора Петра Фёдоровича» под командой Салавата Юлаева, состоявшая из башкир, оренбургских казаков, государственных крестьян разных национальностей, русских заводских людей, участвовала в ожесточенном штурме Кунгура, административного центра Западного Урала. Тяжело раненый во время боя Салават, едва залечив рану, весь февраль и март сражался в районе между Красноуфимском и Сарапулом. В апреле он возвратился в Башкирию, ставшую основной ареной боевых действий Пугачёва на втором этапе восстания, и принялся энергично, «неусыпно», по словам царских чиновников, комплектовать отряды для пополнения Главного войска Пугачёва, продвигавшегося к Магнитной крепости. Конница Салавата насчитывала не менее четырёх тысяч человек. Этими силами он храбро противодействовал движению подполковника И. И. Михельсона, одного из самых упорных царских офицеров, преследовавших войско Пугачёва. Мужество и стойкость повстанцев вызывали удивление и невольное уважение противника. Замечательными по тактическому плану и силе сопротивления регулярным войскам были сражения повстанцев, развернувшиеся у реки Ай в начале июня 1774 г., после присоединения трехтысячной конницы Салавата к Пугачёву. 22 июня Главное повстанческое войско переправилось на правый берег Камы и двинулось на Казань. Своего башкирского бригадира Пугачёв отправил в Уфимскую провинцию, где он возглавил повстанческое движение. В начале августа Салават Юлаев двинулся на взятие Уфы, административного центра огромной провинции. Однако этот поход закончился неудачно.

С августа по ноябрь 1774 г. основным районом боевой деятельности Салавата становится северная и северо-восточная часть Башкирии от берегов Камы до Катавских заводов. К концу октября положение повстанцев на Южном Урале стало критическим. Восстание на правом берегу Волги к тому времени было уже подавлено. Пугачёв схвачен.

Правительство получило возможность перебросить в Башкирию дополнительные воинские силы. Трудности борьбы усугублялись тем, что большинство башкирских и мишарских старшин перешло на сторону правительства, стремясь загладить вину перед царизмом за свое участие в восстании на его первых этапах, многие из них вызывались оказать помощь в поимке Салавата. 29 октября глава секретных комиссий генерал-майор П. С. Потемкин обратился лично к Салавату с увещанием. «Покайся, познай вину свою и приди с повинением», — писал Потемкин, обещая «тотчас прощение». Но Салават про-

должал бороться до конца. 20 ноября, за пять дней до ареста, у стен Катав-Ивановского завода Салават провел свою последнюю боевую операцию. Он первым дерзко атаковал воинскую команду, посланную генералом Ф. Ю. Фрейманом. При отходе мятежники прикрывались пушками, но были полностью разбиты. Даже последний бой Салавата Юлаева оценен как смелый, неожиданный для неприятеля, главное — тактически продуманный. А оценку боевым действиям и воинскому умению повстанческого полководца давали многоопытные армейские офицеры, знавшие, что такое война, какова роль военачальника в тактических расчетах и боевых действиях. Воинским познаниям этих офицеров и выучке регулярных армейских частей Салават противопоставил свое мужество, отвагу, находчивость, соединенные с усвоенным с детства опытом «военных упражнений» отцов и дедов.

25 ноября 1774 г. Салават Юлаев с группой своих ближайших сподвижников был захвачен «сильной партией» из корпуса генерала Фреймана и отрядом верных властям мишарских старшин в лесах Каратау (ныне Салаватский район Республики Башкортостан). В январе 1775 г. Салавата доставили в Казань, где по распоряжению губернатора он содержался в остроге, а затем был передан Казанской секретной комиссии. 4 февраля в комиссию привезли и его отца — Юлая Азналина. По распоряжению императрицы 13 февраля их обоих отконвоировали в Москву в Тайную экспедицию Сената, центральный орган политического и уголовного сыска в стране. Следствие по делу Салавата Юлаева и Юлая Азналина вели генерал-прокурор Сената А. А. Вяземский, московский генерал-губернатор М. Н. Волконский и обер-секретарь Тайной экспедиции С. И. Шешковский. По приговору (определению) Тайной экспедиции от 16 марта Салават был приговорен к тяжкому телесному наказанию и пожизненной ссылке на каторгу. В то же время, с разрешения императрицы Екатерины II, утвердившей приговор, Салават и Юлай Азналин отсылались в Оренбургскую губернию для продолжения следствия. Эту юридическую акцию в отношении Салавата следует рассматривать как политическое мероприятие властей. Им нужно было показать народным массам, что возмездие неотвратимо.

Сохранившиеся исторические источники позволяют говорить о Салавате Юлаеве как о крупном военачальнике народной армии и как об организаторе повстанческой власти на захваченных восставшими территориях. Он твердо и последовательно шел по избранному им пути. Здесь выявились его воля и мужество, вера в справедливость народной войны. Салавата в переписке между офицерами регулярных войск называли «славным наездником». А маршруты его передвижений за один год боевых действий позволяют говорить о том, что Салават буквально

не слезал с коня. Он обладал большой физической силой и выносливостью. Трижды, в сражениях под Оренбургом, Кунгуром и Осой, был тяжело ранен, но с едва зажившими ранами возвращался в строй. На левой щеке остался рубец как след боевой схватки под Оренбургом, а в сентябре 1775 г. по приговору губернатора И. А. Рейнсдорпа лицо Салавата было обезображено продавленными на лбу и щеках указными знаками — клеймами «З, Б, И» (злодей, бунтовщик, изменник) и вырезанием ноздрей.

Тяжелых моральных и физических испытаний стоило Салавату следствие, длившееся с 25 ноября 1774 г. по 15 июля 1775 г. Оно проходило в обстановке запугивания и пыток — кандалы на руках и ногах, приковывание цепью к тюремной стене, телесные истязания. Но поведение Салавата во время дознания рисует его личностью с сильным характером. Он умел спокойно мыслить и не терял самообладания, вел себя на допросах мужественно и независимо. В течение многих месяцев Салават неукоснительно следовал избранной им тактике отказа от полных правдивых показаний, скрывая свою роль организатора народного движения.

Нормы феодального права не позволили ему использовать следственно-судебный процесс как трибуну для выражения своих взглядов и требований, но он с честью выдержал состязание со следователями, пытавшимися установить его «злодейства». Салават признался в участии в боевых действиях против правительственных войск, поджоге завода, но стойко сопротивлялся всем стараниям навязать ему признание в преднамеренном убийстве людей. Во время следствия он ни разу не упомянул об участии отца в восстании и взял на себя вину в поджоге Симского завода. Салават старался не повредить показаниями и своим бывшим боевым товарищам, называя во время допросов лишь имена погибших или скрывшихся от властей.

По результатам следствия, проведенного Уфимской провинциальной канцелярией в мае — июне, оренбургский губернатор 15 июля вынес окончательный приговор Салавату и Юлаю Азналину. Царизм жестоко расправлялся с повстанцами и их вождями. Салават и Юлай были подвергнуты тяжким телесным наказаниям — по 175 ударов кнутом «в местах совершенного преступления», у них выдрали ноздри, поставили клейма на лицах. В начале октября 1775 г. Салавата и Юлая отправили на пожизненную каторгу. Четверть века Салават провел на чужбине, в крепости Рогервик (ныне город Палдиски Эстонии) на берегу Балтики. По архивным документам, обнаруженным в 40-х гг. XX века, установлено, что национальный герой башкирского народа Салават Юлаев ушел из жизни 26 сентября 1800 г. в возрасте 46 лет.

Царизм прилагал все усилия для того, чтобы стереть в народе память о Пугачёвском выступлении, его вождях. В частности, среди башкир под страхом наказания запрещалось любое упоминание имени Салавата, все его родственники, оставшиеся в живых, были сосланы в разные места, розданы помещикам. Новорожденных мальчиков этим славным именем вновь стали нарекать лишь после 1917 г.

Салават Юлаев был и остается национальным героем башкирского народа — бесстрашным воином и замечательным поэтом-импровизатором. Его имя увековечено в названии города, улиц и площадей многих городов. В той части современного Оренбурга, в которой располагалась бывшая Бёрдская слобода, также есть улица Салавата Юлаева. Ему посвящены литературные и музыкальные произведения многих писателей, поэтов и композиторов прошлого и настоящего времени. В столице Башкортостана над рекой Белой возвышается величественный памятник славному сыну башкирского народа. Работа известного скульптора С. Д. Тавасиева признана одной из лучших конных скульптур в России. Ежегодно в республике широко и торжественно отмечается день рождения героя.

Всем известно, что определенными силами как в России, так и за рубежом, с далеко идущими намерениями настойчиво и целенаправленно делаются попытки подрыва исторической памяти нашего народа. Излюбленными приемами этих недругов является откровенная фальсификация событий прошлого России и «дегероизация» ее выдающихся личностей. В русле этой неприглядной возни дельцов и авантюристов от истории находится и так называемая «десалаватизация». Они утверждают, что Салават Юлаев ничего особенного из себя не представляет: он «вор, разбойник, убийца, ярый националист и вообще заурядная личность регионального масштаба, не в меру возвеличенная по указанию местных руководящих органов». Такие измышления аргументированно опровергаются многими объективными исследователями (В. Сидоров, А. Бёрдин и др.).

Термины «вор», «разбойник», «убийца» употреблялись царскими властями начиная с XVII века по отношению ко всем лицам, выступавшим в той или иной форме против существующего строя. Поэтому все участники восстания подпадали под такую формулировку. Разумеется, в ходе этих событий имелись многочисленные жертвы с обеих сторон, ведь тогда шла самая настоящая война между правительственной армией и войском повстанцев. Разговоры о яром национализме Салавата также абсолютно безосновательны. Сподвижниками верного соратника Пугачёва были люди разных национальностей: русские, татары, марийцы, мишари, удмурты, калмыки и др. Здесь можно с полным

основанием вести речь о подлинном боевом содружестве людей разных национальностей. Утверждение о возвеличивании Салавата Юлаева по приказу свыше не выдерживает критики – в партийных архивах не найдено ни одного документа, подтверждающего такой факт. Издавна в оренбургских степях и горах Башкирии, на берегах Камы и Волги среди башкир, русских, удмуртов, чувашей и мордвы бытовали передаваемые из поколения в поколение легенды, предания и песни о Салавате. Например, в свое время на Урале была записана русская народная песня «Салават наш был герой»:

Салават наш был герой,
Смело он ходил на бой.
Три кольчуги надевал
И к Кунгуру подступал.
Он к Кунгуру подступал,
Порох-ядра забирал,
Порох-ядра забирал,
Сорок пушек заряжал.

Все эти фольклорные произведения являются своеобразным «народным барометром». Нельзя не согласиться с историком-исследователем В. В. Сидоровым, написавшим: «Можно исказить историю. В угоду кому-то или чему-то переписать ее отдельные страницы, под разным углом дать оценку тем или иным событиям. Однако народ обмануть нельзя»[3].

Салават Юлаев остался в истории и как замечательный поэтимпровизатор. Его лирика, боевые песни, призывающие к борьбе, и печальные стихи, написанные в неволе, передавались из уст в уста и дошли до наших дней лишь благодаря народным сказителям-сэсэнам. Литературоведы и поэты-переводчики смогли по крупницам собрать поэтическое наследие национального героя башкирского народа. Приведем в качестве примера стихотворение Салавата «Кто батыр?»

Смелый ты на сабантуе,
Но еще ты не батыр,
Джигитуешь и танцуешь,
Но еще ты не батыр.
Поведешь народ к свободе –
Вот тогда ты есть батыр!
Сложишь песню о походе –
Замечательный батыр!

Вся жизнь и деятельность Салавата Юлаева, овеянные мечтой о свободе и благоденствии, стали предметом его воли и сознания. Его творческий ум, смелый дух, чуткое к несправедливости сердце отклик-

нулись на волю народов жить по закону социальной справедливости и человеческой солидарности. То обстоятельство, что воздействие политических, социальных, экономических сил, определяющих жизнь феодального общества, помешать которым и предотвратить действие которых не могли никакие насильственные средства, обрекало подобную программу на неудачу, не умаляет благородства высоких устремлений Салавата и его сподвижников. Подвиг, совершенный под стягами борьбы за народную волю, народное счастье, бессмертен.

Примечания

1. Кулбахтин Н.М. Юлай-атаман, сардар-Салават, Кинзя-абыз... Уфа, 2004. С. 3.
2. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. М.; Л., 1938. Т. 9. Ч. 1. С. 55, 58 – 59.
3. Сидоров В.В. Был героем Салават. Уфа, 2003. С. 5.

ЕКАТЕРИНА II: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ

О. Ю. Устинова,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Излишне говорить о царствовании Екатерины II, носившем столь национальный характер, что, может быть, еще никогда ни один народ не отождествлялся до такой степени со своим правительством, как русский народ в эти годы побед и благоденствия.

П. Я. Чаадаев

Личность Екатерины Великой на протяжении столетий интересовала исследователей. Ее приход к власти в результате дворцового переворота, политика «просвещенного абсолютизма», реформы, время, вошедшее в историю как «золотой век» русского дворянства, нашли отражение в многочисленных трудах не только современников, но и ученых последующих поколений.

Интерес к этой персоне не случаен. Конец XVIII в. ознаменовался реформами, ставшими продолжением грандиозного становления и развития Российской империи. В отличие от реформ Петра I, не опиравшихся на общественное мнение и одобрение, екатерининские реформы, в частности, управления, создавались с определенным учетом пожеланий населения, претерпевая ряд изменений в процессе их

реализации. К примеру, в ходе городской реформы было организовано значительное количество городских центров, постепенно ставших центрами урбанизации. Города планировалось превратить в административные и культурные центры. В результате реформы города оказались на новом уровне самоорганизации уже в конце XVIII – начале XIX вв.

Деятельность Екатерины II нередко сравнивают с начинаниями Петра Великого. Однако, как заметил С. М. Соловьев, императрица «кротко и спокойно закончила то, что Пётр Великий принужден был учреждать насильственно» в целях «европеизации» страны [1].

Внутреннюю и внешнюю политику России второй половины XVIII в. отличает ряд важных законодательных актов, знаковых военных событий и территориальных присоединений. За время царствования Екатерины II были проведены: реорганизация Сената (1763), секуляризация церковных земель (1763–1764), упразднение украинского гетманства (1764); созданы учреждения для управления губернией (1775), Жалованная грамота дворянству (1785). В 1767 г. люди получили законное право заниматься всеми городскими промыслами. После отмены пошлин на вывоз пшеницы за рубеж (1766–1772 гг.) начался подъем аграрной отрасли, освоение новых земель [2].

9 января 1769 г. специальным манифестом императрица учредила ассигнации – бумажные денежные знаки. По утверждению Н. М. Карамзина, общество, особенно купеческое сословие, при появлении Манифеста об ассигнациях пришло в большое «изумление». «Многие простодушные люди доньше думают, что советники правительства в сем случае имели свои тайные виды и хотели умышленно повредить государственному кредиту...» [3]. Положительный эффект введения параллельной денежной системы заключался, по мнению Н. М. Карамзина, в том, что «народ перестал нуждаться в деньгах». Почти четверть века (1769–1791 гг.) в России не наблюдалось взаимных колебаний курса ассигнаций и серебряного рубля. Только к 1796 г. ассигнационный рубль обесценился на 20% и составил 79 коп. серебром [4].

Немаловажным вопросом правления императрицы стала организация отношений между землевладельцами и крепостными крестьянами. Как писал В. О. Ключевский: «Екатерине предстояло провозгласить общие начала, которые должны были лечь в основание их поземельных отношений, и согласно с этими началами указать точные границы, до которых простирается власть землевладельца над крестьянами и с которых начинается власть государства» [5]. Граф П. Панин в записке 1763 г. отмечал необходимость ограничить «беспредельную власть помещика над крестьянами и установить нормы работ и платежей крестьянина

в пользу помещика»[6]. Это не предполагало сокращение количества крепостных крестьян, наоборот, при Екатерине II количество крепостных возросло за счет пожалований и отмены свободы крестьянского перехода там, где это еще существовало.

Законодательно крепостные отношения были конкретизированы рядом указов и законов императрицы. Так, в 1765 г. Екатерина II закрепила право ссылать крепостных на каторгу без ограничений по времени с возвратом сосланного по желанию к прежнему владельцу. 22 августа 1767 г. вышел указ, по которому «если кто «недозволенные на помещиков своих челобитные наипаче ее величеству в собственные руки подавать отважится», то и челобитчики и составители челобитных будут наказаны кнутом и сосланы в Нерчинск на вечные каторжные работы с зачетом сосланных землевладельцам в рекруты». Кроме того, в Жалованной грамоте дворянству 1785 г. среди личных и имущественных прав последних отсутствовало выделение крестьян из общего состава недвижимого дворянского имущества [7]. Таким образом, крепостнические отношения во времена Екатерины Великой достигли нового уровня – крестьяне оказались в полной зависимости от феодалов, стали частной собственностью землевладельцев.

Не менее знаковыми стали преобразования в сфере науки. В 1783 г. была основана Российская академия наук, возглавила которую Е. Р. Дашкова. Среди прочих мер она организовала составление свода правил русской грамматики и правописания и привлекла ведущих российских литераторов к сотрудничеству в подготовке первого словаря русского языка, который начал выходить в 1788 г. [8].

Таким образом, правление Екатерины II является одной из знаковых страниц в русской истории. Придя к власти в результате переворота, она сумела не только сохранить за собой власть, но и осуществить крупнейшие государственные реформы. Как писал Н. М. Карамзин, императрица «была истинною преемницею величия Петрова и второю образовательницею новой России...» [9].

Примечания:

1. Афоризмы & Цитаты [Электронный ресурс]. URL: <http://all-aphorisms.ru/author-solovymev-sergeyy.html>

2. Екатерина II: биография, политика, реформы [Электронный ресурс]. URL: <http://ruelect.com/people/ekaterina-ii-biografiya-politika-reformy>

3. Карамзин Н. М. Записка о Древней и Новой России в ее политическом и гражданском отношениях / Н. М. Карамзин // Русская идея: сб. произведений русских мыслителей / сост. Е. А. Васильев. М., 2002. С. 83.

4. Там же. С. 86.

5. Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций: в 2 т. Мн.; М., 2000. Кн. 2. С. 842.

6. Там же. С. 843.

7. Там же. С. 846, 847, 848.

8. Записки княгини Дашковой / под ред. С. С. Дмитриева. М., 1991; Реформы эпохи Екатерины II в области культуры и образования [Электронный ресурс]. URL: http://diplomnye-istorii.ru/reformy-epoxi-ekateriny-ii-v-oblasti-kul'tury-i-obrazovaniya.html#_ftnref26

9. Мнения современников и потомков о царствовании Екатерины II [Электронный ресурс]. URL: http://wordweb.ru/portrety2/05_61.htm

«РУССКИЙ БУНТ» ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

*Мохаммед Али Касим Мохаммед,
г. Багдад, Ирак*

Известно, что А. С. Пушкин решительно отвергал все то, что уходило от реального мира, от общественного бытия, человеческих стремлений и чувств. В земных деяниях, в непрерывном созидании, творчестве видел он смысл жизни. В этом-то и заключается великое значение творчества Пушкина, оно обратило мысль народа на те предметы, которые именно должны занимать его.

Повесть «Капитанская дочка», написанная в 1836 г., — одно из самых значительных произведений последнего периода творчества Пушкина. Именно в этом произведении с наибольшей полнотой и силой проявился интерес писателя к истории, ко всему прошлому России, специфике народного характера и проблеме соотношения дворянского и народного миров в русском обществе.

В повести А. С. Пушкина ставится важнейшая для позднего творчества автора проблема, связанная с последствиями столкновения истории с личной жизнью человека, с причинами и следствиями «русского бунта». Фраза из «Капитанской дочки» «Не приведи Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный!», которая звучит в устах Гринёва, автора записок о своей юности, до сих пор вызывает неоднозначные оценки. Прежде всего, встает вопрос о том, можно ли ее приписать самому Пушкину, соответствует ли мысль, выраженная в этой фразе, авторской позиции. Для ответа на этот вопрос надо выяснить, каковы были представления писателя о движущих силах истории, их соотношении; кроме того, важно рассмотреть «Капитанскую дочку» в контексте других произведений автора.

Тема крестьянских волнений становится центральной в творчестве Пушкина 1830-х годов. Само обращение к ней в тридцатые годы, когда по стране прошли волнения крестьян в военных поселениях и холерные бунты, было актом гражданского мужества писателя. Но для Пушкина с присущим ему всегда историзмом мышления постановка вопроса о «русском бунте» была вполне закономерна. Известно, что с размышлениями о «русском бунте» связана не только повесть «Капитанская дочка», но и написанные несколько ранее произведение «Дубровский» и научная работа «История Пугачёва», опубликованная в 1834 г. под измененным по решению царя названием — «История Пугачёвского бунта». «Дубровский», начатый в 1832 г., остался неоконченным: 6 февраля 1833 г. Пушкин дописал девятнадцатую главу этого произведения, а 7 февраля он обратился за разрешением познакомиться с архивными документами по делу Пугачёва. Таким образом, очевидно, что были какие-то очень значительные изменения в позиции Пушкина по отношению к вопросу о «русском бунте».

В основе изображения народного выступления в «Дубровском» лежит идея, близкая позиции декабристов. Пушкин, как и они, считал, что борьба за свободу может связывать интересы народа и старинного дворянства, к которому принадлежал и сам Пушкин. Ведь во время правления Екатерины II люди, подобные Троекурову, стали быстро продвигаться вверх не в результате своих заслуг перед отечеством, а вследствие умения угождать начальству. В их богатых имениях царил полный произвол, причем он затрагивал не только бесправных крепостных крестьян, но мог коснуться и дворян, не желающих склонить голову перед новыми хозяевами жизни. Так происходит и в «Дубровском», где в результате несправедливости, допущенной Троекуровым по отношению к семье помещиков-соседей, сын хозяина имения Владимир Дубровский вместе со своими крестьянами вступает в борьбу с обидчиком. Как нам кажется, содержание этого произведения напоминает некоторые черты авантюрного романа, а центральное место занимает любовная линия. Ведь не случайно, что Пушкин так резко оборвал работу над почти законченным произведением. Какие-то еще события заинтересовали великого писателя. Он захотел проверить свои выводы на подлинном историческом материале и взялся за анализ исторических материалов о Пугачёве, который становится руководителем народного бунта.

После изучения материалов о Пугачёвском восстании Пушкин в «Замечаниях о бунте» писал об этом так: «Весь черный народ был за Пугачёва. ... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства. Пугачёв и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны». Вот

так в центре сюжета «Капитанской дочке» оказывается не дворянин, перешедший на сторону Пугачёва, а молодой офицер Пётр Гринёв, верный долгу и присяге, сохранивший честь и достоинство.

В повести «Капитанская дочка», как и в «Дубровском», есть любовная линия (Петр Гринёв и Маша Миронова), которая очень важна для понимания главной идеи произведения, но все же она приобретает свой смысл и значение только в связи с основной линией — изображением восстания крестьян под предводительством Пугачёва. Это событие — одно из важнейших в русской истории XVIII века. Крестьянская война шла почти полтора года — с 1773 по 1774 г., против восставших были брошены войска русской армии с ее крупнейшими военачальниками. Борьба была жестокой и кровопролитной.

А. С. Пушкин хорошо изучил эту страшную историческую правду по документальным источникам, по рассказам очевидцев — ведь он ездил по тем местам, где проходили сражения, беседовал с людьми, которые видели Пугачёва. Но как не похож этот ужасный предводитель крестьян, о котором и в XIX веке дворяне вспоминали с ужасом, на того Пугачёва, которого мы видим в «Капитанской дочке»! Здесь перед нами настоящий народный вождь, каким его создала многовековая традиция. Необыкновенно привлекателен как внешний, так и внутренний облик Пугачёва. Это истинный богатырь, отличающийся удалью и необыкновенной цельностью истинно русской природы. Ему присущ и талант полководца, истинно народного вожака. Кровно связанный с народом, плоть от плоти его, он пользуется народной любовью, поддержкой и уважением. Вместе со всеми своими сподвижниками может и задушевно спеть песню, а может и в баньке попариться — да так, что даже самые крепкие люди вокруг него не выдерживают. Он знает много сказок, и пословиц, и поговорок, которыми так и пестрит его речь. В народной мудрости черпает он истоки своих представлений о жизни. Ему, как подлинному русскому богатырю, защитнику всех слабых и обездоленных, присущи четкие нравственные понятия, есть у него и свой кодекс чести.

Как не похож этот образ Пугачёва, нарисованный в «Капитанской дочке», на того «изверга и злодея», которого привыкли изображать дворянские писатели той эпохи! Да иного мнения в среде дворян и трудно было ожидать. Пушкин не мог не чувствовать, сколь резким контрастом выступит образ, нарисованный в его повести, по сравнению с этой уже сложившейся традицией. Но еще любопытнее выглядит другой факт: образ, созданный в художественном произведении, мало похож и на Пугачёва из научного труда того же автора, А. С. Пушкина, о Пугачёвском бунте. Удивляет даже описание внешности народного

бунтаря. В «Истории Пугачёва» предводитель восставших невелик ростом, тщедушен, и самое важное — отнюдь не блещет ни честью, ни достоинством, ни чистотой нравственных устремлений. Здесь показаны потрясающие по своей жестокости казни и пытки, которыми руководил Пугачёв.

В повести мы только один раз видим Пугачёва в таком качестве: в сцене взятия Белогорской крепости. Но даже здесь автор подчеркивает, что жёсткость восставших была во многом уравновешена жестокостью правительственных войск — это реальный исторический факт, о котором хорошо знал Пушкин, но на который не акцентировали внимания историки той эпохи. У А. С. Пушкина в романе «Капитанская дочка» перед главой VII «Приступ», где изображается казнь защитников крепости и гибель Василисы Егоровны, жены коменданта, помещена глава VI «Пугачёвщина», в которой дается сцена допроса у коменданта пленного башкирца. Оказывается, что этот пугачёвец был страшно изувечен, что, по-видимому, было свидетельством карательных мер правительства к участникам незадолго до того прошедшего восстания в Башкирии. Более того, здесь же мы читаем о том, что добрейший человек капитан Миронов считает необходимым «выстрочить спину» этому бунтовщику, захваченному в плен, и не видит в таком действии ничего предосудительного. Повествователь комментирует эту сцену так: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Вне сомнения, это мысль самого Пушкина. Это очевидно из самого хода развития событий в повести и даже из той сцены в VII главе, где описывается казнь капитана Миронова и его соратников: исполнителем казни является тот самый башкирец.

Очевидно, авторская мысль развивается в ином направлении по сравнению с традиционной для того времени оценкой восстания: дело не в том, плохи или хороши участники «русского бунта», он ужасен, «бесмысленен и беспощаден» сам по себе — и это исторический закон. Вот почему так необычно вплетается в канву исторического повествования история личной жизни — любви Маши и Гринёва. И оказывается, что тот, кто был «злодеем для всех», для влюбленных оказался благодетелем, «посаженым отцом», без участия которого их судьбы никогда не соединились бы. Но для этого перед нами должен был предстать не просто предводитель восстания, злодей или герой, а человек, умеющий слышать и понимать другого человека. Именно таким в «Капитанской дочке» оказывается Пугачёв. Это широкая, чисто русская натура, которой присуще чувство достоинства и чести, четкое различие правды и лжи, свое представление о справедливости. Помня о заячем тулуп-

чике, подаренном ему Гринёвым в награду за помощь во время бурана, Пугачёв милует его, избавляя от мучительной казни на виселице. А потом он со всей широтой своей природы готов отпустить Гринёва, хотя тот даже не даёт обещания не сражаться против него, ведь он офицер царской армии и давал присягу. Но Пугачёв щедр в своем порыве великодушия: «Казнить так казнить, миловать так миловать», — говорит он, отпуская Гринёва в Оренбург. Так, милосердие и человечность, столь неожиданно проявившиеся в «страшном злодее», оказываются сильнее беспощадных законов «русского бунта». И удивительно, что совсем еще молодой и неопытный человек Гринёв в конце концов меняет свое мнение о Пугачёве: расставаясь «с этим ужасным человеком, извергом, злодеем для всех», кроме него, он чувствует к Пугачёву не только благодарность, но и «сильное сочувствие», даже хочет «вырвать его из среды злодеев» и «спасти его голову». Но, конечно, этому не суждено было свершиться: последняя встреча Гринёва с Пугачёвым происходит во время казни предводителя «русского бунта». Все это наталкивает на мысль: ведь если законы государства — неважно какого, станут такими, что главным среди них окажется закон человечности, закон милосердия, может, тогда и не будет больше этого страшного «русского бунта», бессмысленного и беспощадного? Видимо, именно об этом думал и мечтал Пушкин, создавая свою «Капитанскую дочку».

КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА ПРАСКОВЬЯ ЛУПОЛОВА

А. В. Федорова,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Прасковья Григорьевна Луполова вошла в историю мировой культуры под именами Елизаветы и Параша Сибирячки [1]. Семья дворянина Григория Луполова оказалась в Ишиме не по своей воле [2]. В 1798 г. участник походов против турок, отмеченный наградами прапорщик вдруг впал в немилость. Истинную причину этого теперь уже не узнать, но утверждалось, будто бы стал он жертвой оговора, а наказанием герою стала ссылка в сибирскую деревню Жилияковка, близ города Ишим. Вместе с опальным мужем поехала из Украины и жена с 15-летней дочерью Прасковьей.

В ссылке дворянин поступил на службу в канцелярию земского суда. Разбирая тяжбы других людей, он в то же время неоднократно подавал свои прошения на имя губернатора, доказывая, что суровый приговор получил незаслуженно. Но ответа от губернатора не получил.

Семья из трёх человек выживала за счёт убогого хозяйства и переписке отцом бумаг в Ишимском земском суде. Прасковья приняла решение отправиться пешком из Ишима в Петербург просить помилование отцу. 8 сентября 1803 г. с одним рублем, образом Божией Матери и родительским благословением она начала долгий и опасный путь. В паспорте, присланном из Тобольска, Прасковья ошибочно названа «дочерью капитана». Путешествие Прасковьи длилось почти год.

От Ишима до Камышлова Прасковья шла пешком, кормилась подаванием, множество раз оказывалась на краю гибели. От Камышлова до Екатеринбурга ехала на подводах. В Екатеринбурге её приняли в доме Т.Д. Метлиной, обучившей Прасковью грамоте. Весной Прасковья добиралась на барках до Вятки, шла пешком до Казани, останавливалась на месяц в Крестовоздвиженском монастыре Нижнего Новгорода, провела две недели в Москве. Стойко перенося все тяготы дороги, Прасковья решила, что если она доберется до Петербурга и вымолит у царя прощение для своего отца, то уйдет в монастырь. 5 августа 1804 г. достигла Санкт-Петербурга, где в её судьбе приняли участие Дарья Александровна Трубецкая, Авдотья Ивановна Голицына, Татьяна Васильевна Юсупова. Прасковья жила в доме Т.В. Юсуповой. Благодаря полученным в Екатеринбурге рекомендательным письмам её представили императрице Марии Фёдоровне, матери Александра I, и супруге царя — Елизавете Алексеевне.

По приказу царя дело Луполова рассматривал сенатор Осип Петрович Козодавлев — глава комиссии по пересмотру прежних уголовных дел. Отца Прасковьи простили и родители выехали из Сибири. Александр I пожаловал Прасковье 2 тысячи рублей серебром, вскоре она стала известной, о ней писали в отечественных и зарубежных газетах и журналах. Светские дамы были готовы помочь ей выбрать завидного жениха, но девушка осталась верна данному себе слову и выбрала для себя монастырь в Нижнем Новгороде. В 1806 г. после паломничества в Киев Прасковья покинула Петербург и отправилась в нижегородский Крестовоздвиженский монастырь, здесь её в последний раз навестили отец и мать. Переживания, дальняя дорога и морозы основательно подорвали ее здоровье. В каменных сводах кельи она вскоре заболела чахоткой. Болезнь оказалась настолько тяжелой, что настоятельница предложила сменить климат и отправила девушку в другой монастырь под Великий Новгород. В 1809 г. Прасковья, так еще и не успев принять монашеский постриг, ушла в мир иной. Похоронена у стен Рождественского собора, по другой версии — в его подцерковьи.

История Параша Луполовой получила широкий резонанс в России и за рубежом. В литературе к судьбе сибирской девушки впервые об-

ратилась очень «модная» в начале XIX века писательница Мари-Софи Коттен (1770—1807), создавшая пять романов, из которых особой известностью пользовались два: «Мальвина» и «Матильда, или Крестовые походы». Популярность этих произведений отмечена Пушкиным в романе «Евгений Онегин», где они упоминаются в перечне книг Татьяны Лариной.

Роман Коттен «Елизавета, или ссыльные в Сибири» был опубликован в Париже в 1806 г. в двух томах. Уже в 1807 г. его перевели на русский язык и издали в университетской типографии в Москве под названием «Елисавета Л., или Несчастья семейства, сосланного в Сибирь и потом возвращенного». Героиня романа, Елисавета Л., дочь польского аристократа Станислава Потоцкого, пострадавшего за независимость Польши, находится со своими родителями в сибирском изгнании, в деревне Саимке Ишимского округа. Она долго упрашивает отца и мать отпустить её в Петербург к царю. Своими планами девушка делится также с сыном тобольского губернатора Смолова, который любит охотиться в ишимских степях, изобилующих дичью. Между молодыми людьми вспыхивает чувство; его описанию посвящено немало страниц романа Коттен. Смолов обещает помочь Елисавете добраться до столицы, но его неожиданно призывают на военную службу.

Елисавета не оставляет своего намерения, осуществлению которого способствует появившийся в этих краях миссионер, обращающий в православную веру сибирские народы. Родители отпускают Елисавету с отцом Павлом. После долгого изнурительного путешествия, во время которого девушка теряет своего спутника, умершего в Сарапуле, она добирается до Москвы, где должно состояться коронавание царя Александра. Во время торжества Елисавета встречает молодого офицера из императорской гвардии. Им оказывается Смолов, рассказавший императору о девушке: «Вы видите пред собою дочь несчастного Станислава Потоцкого; она пришла из степей ишимских, где уже двенадцать лет её родители томятся в ссылке».

Император прощает отца Елисаветы, и она, сопровождаемая Смоловым, отправляется в обратный путь, выражая благодарность всем, кто ей помогал. Отмечая «истинность фактов», лежащих в основе романа, М.-С. Коттен постоянно отступает от достоверности. Имея слабое представление о природе, народонаселении, истории Сибири, французская писательница допускает множество неточностей в сфере «местного колорита».

Роман имел большой успех, вызванный общим интересом читателей всех европейских стран к теме Сибири и неординарностью случая, определившего сюжет произведения. В Европе переиздания этого романа не прекращались до 1840 г.

Более удачной в художественном отношении обработкой истории П.Луполовой явилась повесть еще одного французского автора – Ксавье де Местра (1760–1852) [3]. Судьба К.де Местра, оставившего заметный след не только в литературе, но и в науке, искусстве, военном деле, была связана с Россией. В 1796 г. во время итальянской кампании К.де Местр присоединился к войскам Суворова в чине капитана. Оставив военную службу в 1801 г., он несколько лет жил в Москве, зарабатывая на жизнь исполнением портретов-миниатюр. Именно в это время де Местр сблизился с семьёй Пушкиных и создал портрет матери будущего поэта – Надежды Осиповны. Дружба со старшими Пушкиными продолжалась и в 20-е гг. в Санкт-Петербурге. Не исключена возможность знакомства и самого А.С. Пушкина с К.де Местром и его произведениями, в частности, с созданной в 1815 г. повестью «Пленники Кавказа».

В литературном наследии К.де Местра особо выделяется повесть «из русского быта» «Юная сибирячка» (1815 г.), известная в других переводах как «Молодая сибирячка», «Параша Луполова». Хорошо представляя судьбу П. Луполовой, К.де Местр критически относился к роману Коттен, отмечая, что «сочинительница приписывала романтические похождения девушке, которая без покровительства и помощи решилась на такое трудное предприятие, руководимая единственно одною чистой дочерней любовью, не знакомая ни с какой другой страстью».

К.де Местр избрал форму «простого рассказа», занимательного по самой истине своей. Он создал образ девушки сильной и одновременно нежной. В стилистическом отношении проза де Местр, прозрачная и четкая, напоминает прозу Стендаля, который после знакомства с произведением своего соотечественника отмечал «особую драматическую силу» «юной сибирячки».

Повесть К.де Местра в России имела очень широкий круг читателей и рассматривалась как полезное «нравственно-воспитательное чтение». «Параша Луполова» переиздавалась на протяжении всего XIX века в оригинале, переводах и многочисленных адаптациях для читателей «из народа».

Образ главной героини, созданный К.де Местром, рассматривался, по словам первого переводчика повести на русский язык А.Попова, как «чудное явление в нравственном мире, возвышающее собой душу женщины». Успех произведений М.-С. Коттен и К.де Местра поддерживался в России и драматическими версиями сюжета о юной сибирячке. Большим событием русской театральной жизни 1-й половины XIX века явилась постановка на сцене Александринского театра в С.-Петербурге 17 января 1840 г. пьесы известного драматурга Н.А. Полевого

(1796 – 1846) «Параша Сибирячка» со «звездами» русской сцены в главных ролях – В. А. Каратыгиным и В. Н. Асенковой [4]. На премьере присутствовали император Николай Павлович и великая княгиня Мария Николаевна. В рецензиях и отзывах на постановку содержалась высокая оценка художественных достоинств пьесы и талантливой игры актеров.

Действие пьесы Н. А. Полевого, имевшей подзаголовок «Русская быль», начиналось в глухом «краю тунгусов», где жила семья Неизвестного. Появившийся в этих местах Прохожий узнал в Неизвестном своего друга – участника военных действий под Очаковым – Александра Григорьевича. Из-за убийства друга Александр Григорьевич был сослан в Сибирь. Жена последовала за ним. Их дочь Параша родилась в изгнании. Прохожий, пытаясь вселить надежду в души изгнанников, рассказывает о воцарении нового императора – Александра Павловича. Параша, втайне от родителей принявшая решение отправиться к царю за милостью, убеждает Прохожего взять ее с собой.

Во втором действии пьесы события происходят в Москве, куда из Петербурга прибывает для коронации сам Государь. Параше, проделавшей большой путь и добравшейся до столицы, удается пробиться к царю и передать ему прошение. Царь, потрясенный подвигом девушки, прощает ее отца. В Москве Параша находит старшего своего брата – Леонида, воспитанного помещиком Добровым.

Эпилог драмы содержит счастливую развязку: в домик родителей Параша прибыл исправник с письмом от царя, а затем Параша и ее брат. Н. А. Полевой называл «Парашу Сибирячку» «любимой пьесой», а воспоминание о ее первой постановке «самым счастливым в своей жизни».

Пьесу на немецкий язык перевел К. Мор. Она получила название «Параша – девушка из Сибири» и поставлена в 1840 г. в Михайловском театре. Сюжет пьесы Полевого послужил также и основой либретто одноактной оперы Д. Ю. Струйского. В это же время во Франции пользуется популярностью лирическая драма в трех актах, созданная по мотивам романа С.-М. Коттен на музыку Г. Доницетти.

Сохранился и пример очень личного переживания судьбы П. Луполовой – литературной героини, последним адресатом А. С. Пушкина, Александрой Иосифовной Ишимовой (1803 – 1881 гг.). Служба ее отца: Иосифа (Осипа) Филипповича Ишимова в Сибири и его женитьба на дочери председателя гражданской палаты в Тобольске, Ольге Тимофеевне Кривоноговой, совпадает по времени с пребыванием в Тобольской губернии семьи Луполовых. В 1797 – 1801 гг. И. Ф. Ишимов занимал должность секретаря при тобольском губернаторе, а также управляющего тобольским театром. Видимо, се-

мья Ишимовых покинула Тобольск около 1802 г., еще до рождения Александры Иосифовны.

В январе 1825 г. А. Ишимова по примеру Параши Луполовой, известной ей по произведению де Местра, обратилась к Александру I, прося смягчить участь своего отца, которого в результате преследований А. А. Аракчеева собирались отправить на Соловецкие острова. Просьбу удовлетворили, и местом проживания Иосифа Филипповича был назначен Архангельск. А. И. Ишимова высоко оценила повесть графа Ксавье де Местра «Параша Луполова» и, будучи издателем детского журнала «Звездочка», советовала читателям обратить внимание на это произведение.

Биография П. Луполовой в первой половине XIX века вошла в русскую историографию. С. Н. Глинка (1776–1847 гг.) в своем хронографе «Русская история...» отметил в числе самых знаменательных событий европейской жизни 1804 г. «подвиг бедной и неизвестной Россиянки, по имени Прасковья Григорьевна Луполова» [5]. «Примерная дочь» оказывается в одном ряду с Людовиком XVIII и Наполеоном, Александром I и императрицей Марией Федоровной.

Д. Н. Бантыш-Каменский (1778–1850) включил биографию П. Луполовой в свой «Словарь достопамятных людей русской земли», делая ссылку не только на документы, но и на роман М.-С. Коттен [6]. Материалами не изданного еще тогда «Словаря» Д. Н. Бантыш-Каменского пользовался при создании «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочки» А. С. Пушкин. Ряд исследований указывает на родственность образа Маши Мироновой в «Капитанской дочке» и Параши Луполовой – литературной героини и реальной личности.

Интересно «совпадение общего абриса судеб»: дочь военного (Маша Миронова, Параша Луполова) в своём стремлении помочь близкому человеку (возлюбленному, отцу) обращается к высшей власти (Екатерине, Александру I) и находит понимание и милосердие.

Своим внутренним благородством и скромностью Маша Миронова и Параша Луполова располагают к себе всех, кто встречается на их пути; достигают основной своей цели, получают неожиданное для них вознаграждение: императрица Екатерина «устраивает» состояние дочери капитана Миронова, а император Александр «жалует Прасковье Григорьевне две тысячи рублей». Однако, оставаясь верными себе, героини отказываются от этих предложений. Как пишет Пушкин, «в тот же день Марья Ивановна, не полюбопытствовав взглянуть на Петербург, обратно поехала в деревню».

Д. Н. Бантыш-Каменский писал: «Августейшая императорская фамилия также оказала ей денежное пособие: все спешили на помощь

избавительнице отца. Уже навсегда была обеспечена участь ее — оставалось ей только наслаждаться славой в цветущих летах, вознаградить скучные дни, проведенные на Севере, жизнью шумною, рассеянною, которую мы привыкли называть веселием, но Луполова среди счастья вспомнила о своем обете и удалилась в Десятинский девичий монастырь Новгородской епархии».

Памятник Прасковье Луполовой, установленный в 2004 г., стал одним из символов современного Ишима. В нём народный художник России Вячеслав Клыков воплотил образ смиренной девушки, решившейся на подвиг ради любимого отца.

Скульптор отметил в одном из интервью, посвященных памятнику: «Прасковья Луполова — это духовное имя Приишимья...». В православной среде появились предложения о канонизации Прасковьи. Управляющий Ишимо-Сибирской епархией РПЦ епископ Евтихий написал специальное молитвословие на освящение памятника Прасковье. Есть там такие слова: «...Просвети, Господи, всех, взирающих на памятник сей и в ревность подражания возгрей сердца их. Да возлюбит кийждо ближнего своего, яко сам себе, первее же — Отца своего Небесного, всем помышлением и крепостию своею. Да будет, Господи, благословение Твое на граде сем и на людях Твоих, памятник сей воздвигших и память творящих благочестивой деве Параскеве, подвиг веры и любви ради отца страждущего совершившей и путь земного странствия иноческим подвигом увенчавшей...». Это единственный памятник подвигу дочерней любви [7].

Примечания

1. Параша Сибирячка: роман в 2-х т. Изд. Шарапова. М.: Тип. Орлова, 1876. Впоследствии роман выходил также в изданиях О.Лузиной, Минкова, И.Сытина. Одно из последних изданий этого произведения: Параша Сибирячка: роман в четырех частях из времен Екатерины Великой. М.: Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1915.

2. Савченкова Т.П. Прасковья Луполова в действительности и художественном воображении // Ишим и литература. Век XIX. Очерки по литературному краеведению и тексты-раритеты. Ишим, 2004. С. 5 — 110.

3. Местр Ксавье де. Параша Луполова. Пер. с франц. А. Попова. СПб., 1845.

4. Полевой Н.А. Драматические сочинения из русской истории. СПб., 1902.

5. Глинка С. Н. Русская история. М., 1817 — 1818. Изд. 2-е. Ч. 8.

6. Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. Ч. 3. М., 1836.

7. Крамов Г.А. Прасковья Луполова: «подвиг веры и любви...» // Сибирская православная газета. 2005. №2: <http://www.ihtus.ru/22005/sm1.shtml>.

ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОР ОРЕНБУРГСКИЙ Л.А.ПУШКИН. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ (1917 – 1920 ГГ.)

Т. В. Судоргина,

*консультант комитета по делам архивов Оренбургской области,
заслуженный работник культуры Российской Федерации*

Документов о том, как закончился путь земной Льва Анатольевича Пушкина – передавшего Болдинское имение Пушкиных в собственность государства, прослужившего оренбургским вице-губернатором с 1914 по 1917 годы, выявлено, к сожалению, не много.

Александр Сергеевич Пушкин посетил Оренбург в осень 1833 г., когда работал над «Историей Пугачёва», завершив ее на обратном пути уже в Болдине. Лев Анатольевич Пушкин в конце августа 1914 г. обосновался в городе, с которым были связаны замечательные страницы исторического труда Пушкина и «Капитанской дочки», да и сам Оренбург хранил воспоминания о гениальном поэте, его знали старые улицы города. То, что здесь оказался в качестве государственного лица ближайший потомок Пушкина – очень символично.

В материалах предыдущих Пушкинских чтений архивисты опубликовали сведения о службе оренбургского вице-губернатора Л. А. Пушкина в 1914–1916 гг. Сегодня речь пойдёт о 1917–1920 гг., ставшими роковыми в судьбе потомка А. С. Пушкина.

В середине января революционного для России 1917 г., исполняя обязанности губернатора, он подписал определение об образовании в городе Оренбурге общества «Польский Дом». Общество преследовало одну цель – «Объединение поляков, проживающих в г. Оренбурге для культурного сотрудничества и взаимопомощи». В протоколе заседания Оренбургского губернского по делам об обществах Присутствия от 16 января 1917 г., за подписью Л. А. Пушкина, читаем: «Принимая во внимание, что означенное общество не преследует противозаконных целей, и проект устава его отвечает требованиям Временных Правил об обществах и союзах, губернское по делам об обществах Присутствие определило: разрешить регистрацию общества под названием «Польский Дом» в г. Оренбурге...»

Министерством внутренних дел России 28 марта 1917 г. ему было выдано удостоверение следующего содержания: «Дано сие оренбургскому вице-губернатору Льву Анатольевичу Пушкину в том, что со стороны Временного правительства не встречается препятствий к поступлению его в добровольческую организацию по изготовлению транспортно-снаряжения для Кавказской Армии».

Газета «Оренбургский церковно-общественный вестник» 2 апреля 1917 г. довела до сведения своих читателей, что «устраненные от должностей по распоряжению Временного правительства губернатор Тюлин и вице-губернатор Пушкин уже выехали из Оренбурга. Тюлин, по слухам, снова поступает на службу в действующую армию на Кавказский фронт». Видимо, с ним отправиться должен был и Лев Анатольевич Пушкин.

Поиски документов о жизни Л. А. Пушкина в годы Гражданской войны в России, начатые оренбургскими архивистами в конце 90-х гг. минувшего столетия, зашли в тупик. Сведения, обнародованные оренбургским журналистом начала XX столетия С. П. Наумовым о том, что Л. А. Пушкин умер в Кувандыке в 1918 г., не нашли подтверждения в архивах ЗАГС. Хотя Сергей Петрович писал: «1918 год. Я ожидал на станции Кувандык отхода поезда на Оренбург.. Кто-то пришёл из посёлка и рассказал, что умер Пушкин. Начальником строительства Оренбург-Орской железной дороги был инженер Ледер, живший в Кувандыке. Его супруга Н. И. Ледер была дружна с Пушкиными и вполне возможно, что после революции бывший царский придворный по вполне понятным причинам мог поселиться в семье Ледер...»

Ничем не смогли помочь и коллеги из Владивостока, когда обнаружилось там упоминание о смерти Л. А. Пушкина...

И лишь в 2003 г. на связь с автором этих строк вышли члены Владивостокского Пушкинского общества, рассказавшие о том, что перелистывая газету «Дальний Восток» за 1920 год в государственном архиве Приморского края, архитектор Юрий Лиханский наткнулся на некролог, где говорилось, что 20 января состоялись похороны бывшего оренбургского вице-губернатора, действительного статского советника Льва Анатольевича Пушкина, внука поэта А. С. Пушкина.

Версий того, что предшествовало этому печальному событию, две.

По первой – «Во время одной из служебной поездок по вызову Временного правительства в Петроград в 1917 г. он был жестоко избит революционно-взбудораженной толпой. Едва живого его доставили в Москву, откуда после краткого лечения отправили на Урал». Видимо, в Кувандык...

По другой версии, «Когда Лев Анатольевич по вызову Временного правительства отправился на поезде в Москву, с ним приключилась трагическая история. Вместе с Л. А. Пушкиным в одном вагоне ехал оренбургский купец, который имел неосторожность обратиться к нему «Ваше превосходительство». «Ваше превосходительство», – в один голос взревели свободные граждане свободной России. Они набросились на Льва Анатольевича и сильно избили его, так что после он уже не смог оправиться».

Далее события, судя по документам архива Приморского края, развивались следующим образом: «После взятия Оренбурга белой армией в судьбе больного Л.А. Пушкина деятельное участие принял Александр Васильевич Колчак и способствовал отправке его на лечение в Японию.

Летом 1919 г. Лев Пушкин, так и не вылечившийся, прибыл во Владивосток. Здесь он вначале лечился в больнице доктора медицины Сергея Михайловича Блюменфельда на улице Пушкинской. А 27 августа 1919 г. адмирал Феодорович определил Пушкина «как правнука знаменитого адмирала Ганнибалы в Морской госпиталь».

Находясь на лечении в госпитале, Лев Анатольевич узнал о намерении китайского генерального консула реквизировать дом, где находилась лечебница Блюменфельда. В газете «Дальний Восток» в декабре 1919 г. было опубликовано его возмущенное мнение: «Письмо в редакцию. В субботу 29 ноября в «Голосе Родины» я прочел письмо г. С. Ф. Иванова, который справедливо высказывал негодование по поводу намерения китайского генерального консула во Владивостоке реквизировать дом, где помещается хирургическая и гинекологическая лечебница доктора Блюменфельда.

Мне лично привелось ознакомиться с этим лечебным заведением, когда я был привезён полуживым из Японии и, благодаря любезности С. М. Блюменфельда, нашел приют у него. Я считаю своим долгом засвидетельствовать о высоком уровне, на котором стоит эта лечебница, в стенах коих я нашел самый образцовый уход и самое сердечное отношение к себе, чему я обязан тем, что нахожусь ныне в числе живых и на пути к выздоровлению.

Я виделся с доктором Блюменфельдом, который подтвердил мне все изложенное в письме г-на Иванова и ознакомил меня с другими подробностями его переговоров и переписки с китайским генеральным консулом. Я слушал, и мне просто верить не хотелось, чтоб официальный представитель большого государства мог позволить себе подобные действия. Остается лишь надеяться, что г-н генеральный консул не найдет поддержки в своих домогательствах ни у русских властей, ни у собственного своего правительства, интересы коего он якобы стремится ограждать.

Есть разница между отражением интересов и предъявлением драконовских условий, приличествующих высокому званию, коим облечен консул, особенно когда дело касается столь высокого полезного и нужного с общественной точки зрения предмета, как упомянутая выше лечебница.

Лев Пушкин».

Лечение в Морском госпитале, несмотря на все усилия врачей, не привело к выздоровлению. Лев Анатольевич Пушкин скончался 19 января 1920 г., 21-го января была отслужена панихида в Св. Никольском храме, который располагался напротив госпиталя; похороны состоялись 22 января на Покровском кладбище.

«За несколько минут до кончины страдальца посетил епископ Камчатский Нестор. Покойный изъявил свое последнее желание — перенести его прах в с. Болдино и похоронить его рядом с отцом, дедом и предками. Или в г. Оренбург, рядом с матерью (видимо, речь шла о жене, мать Льва Анатольевича умерла ещё до приезда семьи Пушкиных в Оренбург. — Т.С.). Его постигла участь тех тысяч и десятков тысяч русских людей, которые приняли смерть в награду за свою преданность и службу родине», — говорилось в некрологе.

В 1920-е годы кладбище было закрыто и вскоре стало «Парком культуры и отдыха». В сентябре 1930 г. газета «Красное Знамя» опубликовала заметку С. Фирсова: «В настоящее время комхозом ведутся работы по сносу могил и памятников на Покровском кладбище. Вместе с другими снесены могилы известной революционерки Л. А. Волкенштейн и внука Пушкина. Теперь же, пока не поздно, на том месте, где они были похоронены, нужно поставить какие-нибудь знаки, чтобы в дальнейшем воздвигнуть памятники».

Осенью 1934 г. началось строительство парка. В системе генерального плана развития Владивостока, созданного Е. Васильевым в те годы, весь район Куперовой пади до берега моря отводился под зелёную парковую зону. Из нижней части этого парка намечался выход к пляжам на берегу Амурского залива через аркаду под железнодорожным полотном. Но размах жилищного и промышленного строительства не дали этому осуществиться. Здесь был тир (на месте часовни), аттракционы, танцплощадка, колесо обозрения, скульптуры пионеров и спортсменов.

В 1990 г. парк получил статус мемориального Покровского парка, а через год вся территория передана епархии. Памятник Ленину снесли и обнаружили нетронутый фундамент Покровского храма. Приняв это как знак, решили храм восстановить. К концу 1990-х годов здесь построили храм Иоанна Кронштадтского и часовню Серафима Саровского. А Покровский храм восстановили в 2000-х годах. При восстановлении храма обнаружили склеп, от которого остались часть эполетов и гроба. Также в 2000-х годах здесь обнаружили могилу Льва Анатольевича Пушкина. Памятник над местом захоронения Л. А. Пушкина, в виде скромного креста, был поставлен в 2002 г. Меж старых деревьев поднялся деревянный крест с надписью: «На этом участке православного

Покровского кладбища 21.01.1920 г. был похоронен Лев Анатольевич Пушкин (внук А. С. Пушкина)».

Осенью 2008 г. в Покровском парке завершены работы по благоустройству места захоронения Льва Пушкина – внучатого племянника великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина. Захоронение обрело достойный вид. При его обустройстве была использована чудом сохранившаяся подлинная, так называемая «царская» брусчатка, которой были вымощены улицы дореволюционного Владивостока. У могилы высажены багульник и можжевельник даурский.

Примечания

1. Владивосток. 26.04.2002, 24.05.2002.
2. Михайлов день. 2005. № 1.
3. Российская газета – Приморский край. 2008. 18 ноября.

К ПРОБЛЕМЕ СОХРАНЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ДРАМАТУРГИИ А.С. ПУШКИНА В РЕПЕРТУАРЕ ТЕАТРОВ ОРЕНБУРЖЬЯ В 20–30-Е ГГ. ХХ В.

Г. Б. Брагиров,

Оренбургская государственная медицинская академия, г. Оренбург

А. С. Пушкин признается в России и в мире ярчайшим представителем российской культуры. Его роль для нашего Отечества в аспекте духовного просвещения и развития литературы невозможно переоценить. Масштаб его личности отразился не только на самой русской литературе, но и во всей российской духовности, произведения Пушкина фактически являются образцом, эталоном формы передачи мыслей и ощущений на русском языке. Литературное творчество А. С. Пушкина разнообразно, наряду с поэмами, стихотворениями, прозой оно включает в себя и пьесы. В каждом из перечисленных направлений Пушкин оставил ценнейшее наследие потомкам. Перу Пушкина принадлежит не много пьес, все они достаточно хорошо известны: «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», «Русалка», «Сцены из рыцарских времен». Постепенно, но прочно эти пьесы вошли в репертуар отечественного театра.

Драматургия в творчестве А. С. Пушкина занимает особое положение. До наших дней среди искусствоведов, литературных и театральных критиков продолжают споры о том, насколько театральны пьесы Пушкина. Мнения о том, что «они не для театра, мало пригодны

для сцены» и написаны для чтения высказывались еще современниками Пушкина. Такая точка зрения сделалась надолго традиционной и была преодолена только в 30-е гг. XX в. Известный и авторитетный советский филолог-пушкинист С. М. Бонди считал, что Пушкиным созданы драматические произведения особого рода, не похожие на обычные театральные пьесы и требующие необычного подхода к ним со стороны актеров, что затрудняет их полноценное освоение русским театром. В своей книге о драматургии Пушкина С. М. Бонди указывает: «Удивительным образом пушкинские драмы живут на русской сцене и получают подлинно художественное воплощение только в виде опер («Русалка» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского), где пушкинский текст претерпел сильнейшие изменения и искажения. Без понимания театральной стороны пушкинской драматургии нельзя как следует понять ни места этого раздела во всем творчестве Пушкина, ни судьбы его в дальнейшей русской литературе и театре» [1].

Одним из наиболее сложных периодов для сохранения и принятия пушкинского наследия стало время становления новой власти — советской, — появившейся в результате революции октября 1917 г. Вместе с появлением новых, до этого времени еще совсем неизвестных политической и социально-экономической систем, формировался и новый тип общественного сознания — классовый, идеологически заданный. В первые годы советской власти новая культура вступила в конфликт с традиционной культурой России, которая воспринималась как «бесполезное феодальное и буржуазное наследие», вредное для пролетарского сознания. Особенно упорно отстаивали такую позицию представители Пролеткульта, появившегося еще в начале 1917 г. [2]. Этой массовой организацией настойчиво пропагандировался революционный нигилизм в искусстве, что нанесло серьезный ущерб театральным традициям, особенно на периферии, где молодые актеры и режиссеры, увлекшись революционной романтикой, проводили «эксперименты в области театра» [3]. В программном стихотворении «Мы», написанным одним из видных представителей Пролеткульта В. Кирилловым, совершенно ясно и четко декларировалось отношение к несоветской культуре и искусству:

Мы во власти мятежного страшного хмеля,
Пусть кричат нам: «Вы палачи красоты»,
Во имя нашего завтра — сожжем Рафаэля,
Разрушим музеи, растопчем искусства цветы!

Взгляды теоретиков Пролеткульта (А. А. Богданова, В. Ф. Плетнёва, Ф. И. Калинина и др.) разделяли и некоторые представители власти. Так, например В. Э. Мейерхольд, назначенный заведующим театраль-

ным отделом Наркомпроса (ТЕО), осенью 1920 г. развернул активную деятельность, стараясь приобщить театры к задачам коммунистической пропаганды и революции. Мейерхольд выдвинул программу «Театрального октября», сразу же поддержанную многими приверженцами, особенно среди молодежи. Полемически направленная против академических театров программа призывала к разрушению старого сценического искусства, тем самым отрицала необходимость развития классических традиций [4]. При этом необходимо учитывать, что действительно серьезные драматические произведения были неинтересны для зрителя из рабоче-крестьянской среды, «неизбалованного» театральным искусством [5].

Но, безусловно, более существенным фактором, повлиявшим на проблему сохранения классической русской драматургии, стало создание системы централизованного руководства деятельностью театров. Общее руководство театральным делом РСФСР было возложено на театральный отдел Наркомпроса, учрежденный в январе 1918 г., главная задача которого заключалась в создании «нового театра, в связи с перестройкой государственности и общественности на началах социализма» [6]. К 1920 г. идеологическим центром ТЕО стала Научно-художественная коллегия, которая определяла театральную политику в целом. В 1922 г. был создан цензурный комитет — Главлит, которому предписывалось контролировать все литературные и художественные произведения, в том числе и пьесы. В 1923 г. XII съезд РКП(б) принял решение о переходе в идеологической работе от митинговой агитации к массовой пропаганде и ужесточении контроля над деятельностью зрелищных предприятий. Декретом от 9 февраля 1923 г. при Главлите организовывался Главрепертком (Главный репертуарный комитет), осуществлявший контроль над репертуаром всех художественных учреждений страны. Главреперткому предписывалось просматривать все пьесы, составлять и рассылать по губерниям репертуарные списки с разделением пьес на три группы: безусловно разрешенных, условно разрешенных и безусловно запрещенных [7]. Произведения А. С. Пушкина вместе с другими классическими произведениями входили во вторую группу. Именно эта группа и подвергалась тщательному отбору [8], пьесы допускались самые «безвредные» [9], учитывался при этом состав аудитории в каждом конкретном случае [10]. Данная селекция привела к игнорированию как отечественной, так и зарубежной классики, считавшейся отражением буржуазной враждебной идеологии. Однако такое мнение хоть и было распространённым, но не являлось единственным. В том же 1923 г. А. В. Луначарский во время празднования 100-летия со дня рождения А. Н. Островского выдвинул

лозунг «Назад, к Островскому», призывая творческую интеллигенцию к «реалистическому, социально-психологическому и социально-выдержанному» искусству.

Возвращение театров в середине 20-х гг. к постановке русской классической драматургии в целом и к пушкинскому драматическому наследию в частности во многом способствовала и ситуация в театральном искусстве, вызванная условиями нэпа. В результате обострения продовольственной ситуации в 1921 г. и начавшейся в стране новой экономической политики положение театров резко изменилось, основная часть из них переводилась на хозрасчет и приватизировалась, существенно сократилось количество всех культурно-просветительных учреждений, особенно в сельских районах. Все это отразилось на театральном репертуаре. Лишенные серьезной материальной поддержки губернские и уездные театры напрямую зависели от кассовых сборов и подстраивали свой репертуар под вкусы нэпманов. Их работа часто подвергалась острой критике, особенно в вопросах репертуара и его исполнения. Театры стали объектом столкновения враждебных, прямо противоположных интересов.

В начале 20-х гг. театральные сцены захватила «историческая халтура» («Павел I», «Генрих Наваррский», «Женщина у трона» и др.). Несмотря на борьбу театрального руководства за улучшение репертуара, «старых пьес ставили очень мало» [11], при том, что местной драматургии практически не было, а имеющиеся в то время новые пьесы (советские) зачастую считались не пригодными для постановок [12]. Такая ситуация сохранялась вплоть до середины 20-х гг. В количественном соотношении с другими пьесами русская драматургия в репертуаре театров составляла примерно 20–25%. Официально это объяснялось тем, что репертуар театров намечался из «наиболее выдержанных пьес» [13]. Пушкинские пьесы ставились, но воспринимались как малозначительные, развлекательные, не соответствующие политическим и идеологическим задачам.

Переломным моментом на пути развития советского театра явилось прошедшее в мае 1927 г. театральное совещание при Агитпропе ЦК ВКП(б), на котором театр был объявлен отдельным фронтом идеологической борьбы [14]. Среди намеченных на нем важнейших задач особое внимание уделялось отбору репертуара, так как, по общему мнению его участников, «настоящее положение репертуара театров в целом не является отвечающим задачам театра в условиях Советского Союза» [15].

В связи с этим перед театральным искусством ставились новые требования: в эпоху построения социализма театр должен быть не развлечением, а культурным организатором социализма, передовым бор-

цом в переустройстве быта и создании нового человека. Новые задачи культурной политики государства обсуждались и на XV съезде ВКП(б), где вновь был поднят вопрос об усилении идеологической классовой борьбы, подчеркивалась особая важность культурно-воспитательной работы в массах. Решая поставленную задачу изменения театрального репертуара, Политбюро ЦК ВКП(б) 26 января 1928 г. постановило изменить кадровый состав Главреперткома Наркомпроса РСФСР и организовать при нем Совет по вопросам репертуара [16]. В том же году было создано Главискусство – новое структурное подразделение государственной системы управления всех видов искусства в РСФСР, в том числе и театрального.

3 сентября 1930 г. для улучшения контроля над искусством и массовой информацией Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение реорганизовать Главлит, фактически сведя его функции к узко цензурным [17]. Партийное и государственное руководство понимали духовное и воспитательное значение классической драматургии, необходимость ее сохранения, но вместе с тем строго придерживались главного принципа доктрины советской культурной политики: «... всю сумму накопленного капитализмом богатейшего ... запаса культуры ... превратить ... в орудие социализма» [18]. Основным критерием работы театров становилась социально-политическая значимость, которая и определяла отбор произведений русских классиков [19].

Несмотря на усиление идеологической доктрины и идеологического контроля в конце 20-х – начале 30-х гг. ситуация с освоением русской классики, а в том числе и драматургии Пушкина, значительно улучшилась. Накапливался сценический опыт актеров, повышалось их мастерство, улучшалась материальная база театров, что позволяло перейти к постановке более серьезных произведений. В феврале 1937 г. к 100-летию со дня смерти А. С. Пушкина всеми театрами Оренбургской области были выпущены специальные спектакли. В областном драматическом театре была поставлена пьеса «Борис Годунов», в районных театрах Бугуруслана, Орска, Шарлыка шли спектакли по отдельным произведениям поэта. Кукольным театром был поставлен литмонтаж «Дуэли» и «Смерти Пушкина» [20].

Оренбургские зрители имели возможность видеть постановки по произведениям Пушкина не только своих театров, но и гастролирующих трупп. Летом 1937 г. в «Летнем саду» г. Оренбурга в рамках гастролей Алма-Атинской оперы и Ленинградского драматического ансамбля были показаны пьесы «Кармен», «Глория Тоска», «Фауст» и др., в том числе и пьесы по «Евгению Онегину» (был показан 5 раз) и «Пиковой даме» (была показана 2 раза).

Оренбургским детским кукольным театром, созданным в апреле 1935 г. при УТЗП Оренбургской области, ставились спектакли для юных зрителей по сказкам А. С. Пушкина. При этом необходимо учитывать, что своего помещения у театра не было, поэтому в зимнее время спектакли проходили преимущественно по клубам [21].

В целом по количественному соотношению в театральном репертуаре пьес русской классики и других положение с конца 20-х до начала 40-х гг. мало менялось. От общего числа постановок они составляли примерно четвертую часть [22]. На работе периферийных театров негативно отражались низкий профессиональный уровень актерского состава, острая нехватка инвентаря и реквизита [23]. Тем не менее, драматургия А. С. Пушкина, как часть русской классики, была сохранена и заняла достойное место в ряду с произведениями А. Н. Островского, М. Горького, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, И. А. Гончарова и др.

Примечания

1. [Электронный ресурс]: <http://feb-web.ru/feb/pushkin/critics/bnd/bnd-169-.htm>.
2. Пролеткульт, представляя собой массовую организацию, провозглашавшую полную независимость от органов государственной власти, сначала от Временного, потом и от Советского правительства, однако после Октябрьской революции официально находился при Наркомпросе в качестве «добровольной организации пролетарской самодеятельности» во всех областях культуры.
3. Самым распространенным из них были массовые зрелища и агитационные постановки, прокатившиеся волной по городам России в начале 20-х гг. Отличавшиеся крайней простотой смысла и четкой политической направленностью, они привлекали массового зрителя, эффективно воздействовали на его сознание и эмоции. Применялся даже специальный термин для обозначения интереса зрителей – «театральный инстинкт»; также провозглашалось объединение актеров и зрителей в театральном действии.
4. Хайченко Г. А. Советский театр. Пути развития. М., 1982. С. 15.
5. Объединенный государственный архив Челябинской области. Ф. 1726. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.
6. Сборник декретов и постановлений рабочего и крестьянского правительства по народному образованию. Вып. 1. М., 1919. С. 140–143.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 808. Л. 39.
8. Государственный архив Оренбургской области. Далее ГАОО. Ф. 454. Оп. 1, Д. 22. Л. 145.
9. В положениях о работе Главлита четко определялся перечень тем и элементов содержания художественных произведений, недопустимых в театральных постановках.

10. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 22. Л. 165.
11. ГАОО. Ф. 454. Оп. 1. Д. 22. Л. 49.
12. Там же. Л. 165.
13. Там же. Л. 128.
14. Там же. Ф. 455. Оп. 46. Д. 1. Л. 46.
15. Там же. Л. 39.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 670. Л. 5.
17. Там же. Д. 794. Л. 11 – 12.
18. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 382.
19. ГАОО. Ф. 455. Оп. 46. Д. 1. Л. 39.
20. Там же. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 5. Л. 138.
21. Дорофеев В. В. Над Уралом-рекой. Челябинск, 1988. С. 233.
22. ГАОО. Ф. 1581. Оп. 1. Д. 11. Л. 23.
23. Там же. Ф. 454. Оп. 1. Д. 22. Л. 139.

ОБРАЗ ПУГАЧЁВА В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ. «ПУГАЧЁВ» ХУДОЖНИКА Е. П. БОЯРИНЦЕВА

Е. В. Синкина,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Емельян Пугачёв относится к числу таких народных героев, интерес к которым не угасает до сих пор. К воссозданию образа народного заступника и заливчатского разбойника обращались многие художники, режиссеры, писатели. Одним из наиболее запоминающихся образов народного спасителя является образ Пугачёва в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», созданный таким виртуозным способом, что именно герой повести Пушкина, а уже не сам Емельян Пугачёв до сегодняшнего дня является своеобразной музой для дальнейшего творчества служителей искусства.

Повесть была задумана А. С. Пушкиным, когда он работал над романом «Дубровский» в 1832 г. и изучал историю русского крестьянства. Для Пушкина – поэта, публициста, прозаика и историка – современность есть результат предшествующего исторического развития России и ее народов.

И трагическое положение крестьянства, лишённого элементарных человеческих прав и гражданских свобод, он также рассматривал исторически. Он внимательно изучал историю крестьянства, содержание и причины многочисленных крестьянских волнений в XVII–XVIII вв. Его привлек и поразил известный факт участия в восстании Пугачёва

гвардейского офицера из высшего дворянского сословия. И это был первоначальный толчок к задумке повести «Капитанская дочка». В ходе сбора материала для книги этот факт претерпел значительные изменения, а замысел повести полностью сложился после путешествия Пушкина на Волгу и Урал в 1834 г. и окончания работы над книгой «История Пугачёва». Долго шел Пушкин к завершению своего замысла. Лишь шестой вариант сюжета повести «Капитанская дочка» удовлетворил взыскательного автора.

Повесть «Капитанская дочка» по объему небольшая, однако она тематически так широкоохватна, что многие исследователи называют ее романом. В этой книге найдена яркое отражение жизнь различных социальных слоев в России XVIII века, от крепостного крестьянства, дворянского круга людей до императорского двора Екатерины II, широко показано восстание Пугачёва и отношение к нему двора императрицы Екатерины, нравы, быт повстанцев, народные традиции. В «Капитанской дочке» представлены исторически реальные картины, широко охватывающие российскую действительность эпохи Екатерины II – эпохи, отмеченной широкими волнениями крестьянства от Казани до Урала. Пушкин ярко показывает и глубоко раскрывает весь комплекс явлений и событий, связанных с восстанием крестьянства. В художественных образах освещает социальные истоки, причины самого восстания и исторически обосновывает самозванство Пугачёва, присвоившего себе титул русского царя Петра III. В повести находим картины кровавых расправ крестьян с помещиками, милосердие и жестокость Пугачёва, дворянской расправы с восставшим крестьянством. Автор, раскрывая отрицательное отношение крестьян к помещикам, дворянам и ко двору Екатерины, указывает и на слепую веру в «царя-батюшку».

Самозванный Пётр III (Пугачёв) пользуется в крестьянских кругах, так сказать, «всенародным признанием». Пушкин неоднократно это показывает в повести: «Народ повалил на площадь, жители выходили из домов с хлебом и солью». При появлении Пугачёва «раздавался колокольный звон» (гл. VII); «Народ пошел провожать Пугачёва» (гл. VIII); Народ толпился на улице... кланялся в пояс» (гл. X). Где бы ни появлялся самозванец Пётр III, везде его встречают люди восторженно, возбужденно, радостно. И это естественно, ибо темные малообразованные народы России и не могли себе представить жизнь без царя-батюшки. Это – многовековая традиция, и Пушкин не мог ее нарушить, ибо это влекло за собой искажение исторической действительности. Всеохватную роль «правдивого вымысла» в исторической прозе (романе, повести, рассказе) и, в частности, в «Капитанской дочке»

Пушкин увязывал с требованием правдиво освещать историю, исторически верно рассказывать о людях и событиях прошлого, взятых для сюжета своего произведения; романист обязан, считал автор, «воскресить минувший век во всей его истине».

Образ пушкинского Пугачёва в «Капитанской дочке», в отличие от многих других попыток в XIX веке осмыслить эту необычную фигуру в истории, — это, прежде всего, незаурядная личность и в то же время человек, имеющий свои слабости и особенности. В нем органично сочетаются и качества смелой личности, вождя и организатора народного движения, и удалого разбойника с «загубленной головешкой». Об этом говорит и эпиграф, предпосланный главе «Вожатый», которая знакомит читателя с обликом Пугачёва: «...сторона незнакомая!... Завела меня, доброго молодца, простота, бодрость молодецкая и хмелинушка кабацкая» (из старинной песни). В этом эпиграфе — значительная часть авторской характеристики Пугачёва. И первая встреча читателя с Пугачёвым сопровождается нелестными эпитетами «черное», «воз не воз», «волк или человек», «добрый молодец» и т. п. Однако это вовсе не значит, что Пушкин в образе «доброго молодца» Пугачёва видел личность только отрицательную. Образ Пугачёва при всем этом, с одной стороны, «овеян искренним и глубоким сочувствием поэта», с другой — реалистичностью изображения Емельяна Пугачёва таким, каким он был на самом деле. В повести Пушкин часто указывает на такие качества характера Пугачёва, как пытливость, большой разум, смекалка; он свободен от рабского унижения, так характерного для множества крестьян. Глубокая связь Пугачёва с беднейшими слоями населения, доходящая до жестокости, непримиримость к дворянству, помещикам-крепостникам и вместе с тем христианское великодушие, какая-то присущая только Пугачёву наивная гуманность, лихой героизм, большой необразованный талант, упакованный в казацкую обывательскую скорлупу, и казачья удаль — вот такие ведущие черты характера Пугачёва, которые раскрывает Пушкин в ходе изображения крестьянского восстания и его разгрома.

Художник Е. П. Бояринцев, прожив в Оренбурге более 50 лет, естественным образом обратился в своем творчестве к образу воспетого на Урале Пугачёва. Евгений Павлович, член Международной федерации художников «Творческий союз художников России», родился 21 декабря 1925 г. в селе Ушаково Костромской области. Принимал участие в Великой Отечественной войне (1941 — 1945 гг.). Воспоминания о войне Е. П. Бояринцева отражены в книге Юрия Орябинского «Для нас не кончилась война». С 1956 по 1960 годы учился в Ленинградском художественно-промышленном училище имени Мухомовой. По окон-

чании работал учителем изобразительного искусства в школе г. Соль-Илецка. И писал картины.

При проведении анализа творчества художника Е. П. Бояринцева и его обращения к образу Пугачёва при написании одной из работ появилась необходимость обращения к коллегам и друзьям Евгения Павловича, которые с удовольствием откликнулись и помогли при написании данной статьи, за что им выражается автором огромная благодарность.

Александр Иванович Овчинников, заслуженный художник России, лауреат многочисленных премий, в том числе «Оренбургской лиры», являлся другом и коллегой Евгения Павловича. Александр Иванович комментирует мотивы, которые побудили Бояринцева к созданию портрета Пугачёва: «Как же можно было обойти стороной такую грандиозную личность как Пугачёв. Это же герой, который вдохновляет на творчество. Это интереснейшая личность!!!» Художник Овчинников отметил, что Евгений Павлович Бояринцев обладал не только врожденным талантом, но и чрезвычайным трудолюбием. Кроме того, Бояринцевым был создан свой личный метод написания картин. Это промасленная бумага, наложенная на холст. Такой метод позволял художнику надеть картину необычайным внутренним светом.

Александр Иванович рассказал, что портрет Пугачёва в 70-х годах 20 века был отобран представителями Ленинградского музейного сообщества и принят на хранение в Ленинградский художественный музей. Второй вариант данного портрета был передан дочерью Е. П. Бояринцева Светланой Бояринцевой в 2010 г. после смерти отца в Музей истории Оренбурга на Набережной, 29. Сам же А. И. Овчинников написал портрет Евгения Павловича и передал его в Музей защитников Отечества г. Оренбурга (ул. Цвиллинга, 92).

Председатель правления Оренбургского отделения «Союза писателей России», член общественной палаты Оренбургской области Пётр Николаевич Краснов гордится тем, что в его кабинете, в Доме литераторов, висит картина Евгения Павловича «Юный Пушкин». Пётр Николаевич отмечает, что все картины художника Бояринцева пронизаны замечательной трогательностью и поражают своей глубиной. Писатель Георгий Николаевич Саталкин, подаривший оренбургскому читателю замечательные произведения, среди которых недавно вышедший в свет роман «Блудный сын», особым образом прокомментировал творчество художника Бояринцева: «Картины реалиста Бояринцева можно отнести к тому замечательному «клееночному» направлению в живописи, за произведения которого люди, изголодавшиеся после войны (1941 – 1945 г.) по прекрасному, по чувству жизни, по уюту, от-

давали хлеб. Настолько трогательными являются написанные рукой и сердцем картины Евгения Павловича. Метод «промасленная бумага на холсте» позволил художнику придать картинам особенное ощущение глубины и глади».

Ольга Юрьевна Клыкова, методист областного методического Центра народного творчества, отмечает, что Евгений Павлович принимал активное участие в выставках серии «Весна победы». Его картины пользовались огромным успехом у посетителей выставки. И сам он был добрейшим и скромнейшим человеком. Именно это качество, «скромность», не позволило писателю Г. Н. Саталкину еще при жизни художника опубликовать статью об его творчестве.

Итак, портрет Пугачёва (холст 70 см × 50 см, масло). Что же привлекает нас в отрицательном персонаже Емельяне Пугачёве?

Красивое и властное лицо сильного духом человека. А большинству людей не хватает силы и власти. Зло, храбрость, лихачество всегда являются внешне привлекательнее и притягательнее спокойствия, добра. Отрицательные герои притягательны, так как олицетворяют собою все то, что несет в себе эволюционную успешность, а именно выживание любой ценой и получение высокого статуса в группе.

Отрицательные герои, точнее, легенды, картины и фильмы о них, вселяют в нас уверенность, приносят в нашу жизнь романтизм, но представить невозможно, насколько ужасно жить с ними в одну эпоху. Сравнить жизнь в эпоху пиратства, викингов, Чингисхана — это ужасно.

Отрицательные герои находят в себе силы и смелость идти против системы, что неприемлемо для основной массы.

Однако какими бы не были причины того, почему привлёк образ Пугачёва художника Е. П. Бояринцева, ясно одно: красивый портрет героя, образ которого не перестает являться источником вдохновения для дальнейшей творческой деятельности.

Примечания

1. Орябинский Ю. М. Для нас не кончилась война: воспоминания фронтовиков. Оренбург, 2001.

2. Пушкин А. С. История Пугачёва. Капитанская дочка. Повести Белкина. Уфа, 1987.

3. Александр Джон Торндайк. Емельян Пугачёв и крестьянское восстание на окраине России в 1773 – 1775 гг. Уфа, 2011.

4. Шишков В. Я. Емельян Пугачёв: ист. повествование. Кн. 1. М., 1993.

КИНОРЕЖИССЕР АЛЕКСАНДР АНАТОЛЬЕВИЧ ПРОШКИН

Т. А. Камскова,

*Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей, г. Оренбург*

Александр Анатольевич Прошкин родился в 1940 г. в Ленинграде. В 1961 г. окончил актерский факультет Ленинградского государственного института театра, музыки и кинематографии, где учился на курсе Бориса Зона, а в 1968 г. — Высшие режиссерские курсы при Гостелерадио СССР. Александр Прошкин много лет проработал в качестве режиссера в Главной редакции литературно-драматических программ Центрального телевидения. Александр Анатольевич в 1975 г. снял один из первых советских телесериалов «Ольга Сергеевна» с Татьяной Дорониной в главной роли. Фильм вызвал бурную полемику в прессе. В 1978 г. Александр Прошкин перешел в телеобъединение «Экран». Режиссер поставил более тридцати телеспектаклей и телефильмов, среди которых — экранизация шедевров мировой литературы. В числе его работ — «Пиквикский клуб», «Доктор философии», «Инспектор Гулл», «Стратегия риска». Александр Прошкин в 1981 г. снял фильм «Опасный возраст» с Алисой Фрейндлих и Юозасом Будрайтисом в главных ролях. Фильм полюбился телезрителям и неоднократно показывался по телевидению.

На телеэкраны в 1986 г. выходит историко-биографический сериал «Михайло Ломоносов», снятый Александром Прошкиным на киностудии «Мосфильм». К идее создания жанра ЖЗЛ — серии телефильмов о жизни выдающихся личностей России — режиссёр вернулся в 1990 г., создавая телесериал «Николай Вавилов» о трагической судьбе гениального учёного-генетика Вавилова. С 1987 г. Александр Прошкин — режиссер киностудии «Мосфильм». Поставленный им в 1988 г. фильм «Холодное лето пятьдесят третьего...» с Анатолием Папановым и Валерием Приемыховым в главных ролях был очень тепло принят зрителями и удостоился профессиональных наград, а также Государственной премии СССР. В числе последующих работ Александра Прошкина остросоциальная лента «Увидеть Париж и умереть», фильм «Черная вуаль».

В 1999 г. режиссер поставил фильм «Русский бунт» по повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», где главные роли исполняют польские актеры Матеуш Дамецки и Каролина Грушка, а также играют Владимир Машков, Сергей Маковецкий, Ольга Антонова. Отвечая на вопросы журналистов по поводу премьеры фильма, режиссер сказал:

«Пушкин про наше Отечество знает больше всех нас вместе взятых – в общем, ничего существенного за эти двести с лишним лет с нами не произошло. Ничему не научились. Умнее не стали.... Понимаю, почему Пушкин для написания «Истории Пугачёва» отправился в Оренбург. Чтобы собрать сведения, но еще и затем, чтобы ощутить все флюиды, потому что такое могло произойти именно здесь, где смешение народов, фантастическое пространство безумной красоты, которое создает определенных людей» [1].

В 2005 г. Прошкин завершил съемки давно задуманного им телесериала «Доктор Живаго» по мотивам романа Бориса Пастернака. В 2008 г. Александр Прошкин экранизировал повесть В. Распутина «Живи и помни». В 2011 г. Александр Прошкин закончил работу над экранизацией романа Фридриха Горенпгейна «Искушение». Его фильмография включает 2 сценарные и 18 режиссерских работ.

Александр Прошкин – член президиума Национальной академии кинематографических искусств и наук России. Народный артист России (1995), лауреат Государственной премии СССР (1989, за фильм «Холодное лето 53-го»). Награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени (2000) [2].

Примечания

1. Мы первыми видели: [пресс-конференция. А. Прошкин]. Оренбуржье. 1999. 16 дек.

2. Прошкин А. А.: биографическая справка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://gia.ga/spravka/20100325/266319747.html>. Загл. с экрана.

ВЛАДИМИР МАШКОВ – ИСПОЛНИТЕЛЬ РОЛИ Е. ПУГАЧЁВА В КИНОФИЛЬМЕ «РУССКИЙ БУНТ»

Ю. В. Кузнецова,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

«Русский бунт» – исторический фильм, снятый по мотивам произведений Александра Сергеевича Пушкина «Капитанская дочка» и «История Пугачёвского бунта».

Это история любви Петра Гринёва и Маши Мироновой на фоне русского бунта, «бессмысленного и беспощадного». Кино снято на самом высоком уровне современного международного кинематографа. Одну из главных ролей (роль Пугачёва) сыграл Владимир Машков.

Актер родился 27 ноября 1963 г. в Туле. Через три года после его рождения семья Машковых переехала в Новокузнецк. Мама устроилась режиссером в Новокузнецкий кукольный театр, а отец, соответственно, актером. Строгая Наталья Ивановна к театру относилась с благоговением. Большая часть детства Володи прошло за кулисами театра. В остальном же он ничем не отличался от обычных советских школьников. Володя всегда был душой компании, здорово играл на гитаре, увлекался Полом Маккартни, Сюзии Кватро. Но учиться не любил.

«Учился Вовка отвратительно! — вспоминает его сводный брат. — Школы менял из-за «неудов» по поведению: то длинные волосы отращит, то еще чего» [1]. В детстве Владимир мечтал стать биологом. Одну из комнат родительской «хрущевки» он оборудовал как зоопарк: четыре клетки с крысами, белка, хомяк, ворона, черепаха, кролик, две собаки [2].

Семья Машковых в конце 1970-х гг. переезжает в Новосибирск. Здесь Владимир подал документы именно на биологический факультет университета. И все же любовь к театру взяла свое. Прочувшись в университете год, он его бросил и поступил в Новосибирское театральное училище. С первого курса Владимир показал себя весьма одаренным и трудолюбивым студентом, что не мешало ему оставаться таким же веселым и разбитным. Ни один капустник, день рождения, праздник, устраиваемый однокурсниками, не обходился без него. На первом курсе училища Владимир влюбился в однокурсницу, 17-летнюю Елену Шевченко. Их роман вскоре завершился свадьбой. Этот брак был обречен с самого начала, поскольку в этой паре сошлись два невероятно сильных характера и буйных темперамента. Страсти просто кипели в их семье. У обоих были сложные характеры. После очередной размолвки Елена (тогда уже беременная) пожаловалась на мужа педагогам. Владимир был вызван на педсовет для объяснений, после чего, по одним сведениям, был отчислен из училища, а по другим — подал заявление на уход сам [3].

В 1984 г. он уезжает в Москву, где поступает в школу-студию МХАТ, в мастерскую Тарханова. Вскоре он разводится со своей супругой. В 1990 г. Машков заканчивает школу и становится актером. Его первой большой ролью стал Абрам Шварц в спектакле «Матросская тишина» по пьесе Галича. Среди других ролей Владимира Машкова: Городничий в спектакле «Ревизор», Дон-Жуан — «Миф о Дон-Жуане», Платонов — «Механическое пианино», Иванович и Угаров — «Анекдоты».

Дебют Владимира Машкова в кино состоялся в 1989 г., в мелодраме Анатолия Матешко «Зеленый огонь козы», где он сыграл роль Никиты. Затем последовали роли в фильмах Андрея Малюкова «Делай раз!»

и «Любовь на острове смерти», а также в картинах других режиссеров, которые, впрочем, остались незамеченными зрителями. Звездным стал для Владимира Машкова 1994 год, когда он исполнил главные роли в фильмах «Лимита», «Подмосковные вечера» [4].

Работа Владимира Машкова в картине «Лимита» была высоко оценена. Он был удостоен множества призов на различных отечественных и международных кинофестивалях. Еще одной великолепной работой актера стала главная роль Толяна в фильме «Вор» Павла Чухрая (1997 г.). Владимир Машков попробовал себя и в качестве кинорежиссера, сняв в 1997 г. «новогоднюю» комедию «Сирота казанская», по пьесе своего друга драматурга Олега Антонова.

В 2000 г. он сыграл роль Емельяна Пугачёва в исторической ленте Александра Прошкина «Русский бунт». Оценка его роли неоднозначна. Одни из них хвалят его, другие, наоборот, критикуют [5].

Вот что пишет один из посетителей сайта kinopoisk.ru: «На мой взгляд, с ролью Машков не справился, и вот почему. Для обывателей Емельян Пугачёв является не более чем исторической личностью, поднявший несчастных крестьян драться за свободу и равенство против злых помещиков и дворян. О сотнях, если не тысячах перевешанных дворян, среди которых были женщины и дети, мало кто знает. В «Русском бунте» как раз и пытались показать неоднозначность личности Пугачёва. С одной стороны, да, конечно, он и народный герой, и заступник. А с другой, и убийца, и бандит. Ведь в фильме, словами Пугачёва, говорится: «Чем триста лет падалью питаться, лучше раз напиться живой крови, а там что бог даст!», где «напиться живой крови» — то, что и сделал Пугачёв. Он с самого начала понимал, что ему не удастся сломить царскую власть и, так или иначе, восстание будет подавлено. Пугачёву хотелось почувствовать эту ничем не ограниченную власть монарха, поэтому он и поднял эти многочисленные народные массы.

Кроме того, что Машкову явно помешала эта неоднозначность персонажа, ему не удалось сыграть именно простого русского мужика, коим был Пугачёв. В сыгранном Машковым Пугачёве не хватает человечности, он представляется эдаким роботом-убийцей, которого время от времени гложет совесть. Только последняя фраза «Прости меня, народ православный!» производит эффект, сопоставимый только разве что со сценой вешанья плененных офицеров.

Что же мы имеем в итоге? Фильм получился очень странный, с одной стороны, гадким и глупым его не назовешь, с другой стороны, и шедевром тоже язык не повернется нарекать. Получилась отличная экранизация повести Пушкина, а вот фильмом об истории Пугачёвского бунта — только местами» [6].

Приведем другую оценку роли Машкова в фильме «Русский бунт». «В сравнении с экранизацией 1958 г. «Русский бунт» выглядит, условно, ярче, красивей, но лишь в плане картинки. Некоторые сцены из черно-белой «Капитанской дочки» по уровню исполнения, по масштабу значительно превосходят фильм Прошкина. Безусловный плюс «Русского бунта» – это актеры. Великолепнейший Пугачёв – Владимир Машков, замечательный Савельич – Владимир Ильин. Швабрин вышел неплохо» [7].

Несмотря на неоднозначные мнения о роли Машкова в кинофильме «Русский бунт», он заслуженный артист России, лауреат приза за лучшую мужскую роль на Открытом Российском кинофестивале за фильм «Лимита» (1994 г.), приза всероссийского кинофестиваля «Кинотавр» за лучшую мужскую роль в фильме «Вор» (1997 г.), театральной премии «Чайка» в номинации «Сделай шаг» за постановку спектакля «Трехгрошовая опера» (1997 г.), приза за стремительную карьеру на кинофестивале «Балтийская жемчужина» (1998 г.), премии российских деловых кругов «Кумир» (1999 г.), приза «Серебряный Георгий» за лучшую мужскую роль на Московском МКФ – 2001 за фильм «The Quickie» [8].

Известный человек в мире отечественного кино и театра, Владимир Машков оказался востребованным и Голливудом. В последние годы Машков много времени проводит в США, снимаясь в голливудских фильмах.

Примечания

1. [Электронный ресурс]: <http://www.mega-stars.ru/actors/mashkov.php>.
2. Ведомости. 2011. 10 нояб. С. 2.
3. [Электронный ресурс]: <http://www.peoples.ru/art/cinema/actor/mashkov/>.
4. [Электронный ресурс]: <http://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/ros/2777/bio/>.
5. [Электронный ресурс]: <http://all-stars.su/811-mariya-mashkova-biografiya.html>.
6. [Электронный ресурс]: <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/40718/>.
7. [Электронный ресурс]: <http://www.kievrus.com.ua/r-retsenzii/40967-recenzii-otzivi-na-film-russkij-bunt-.html>.
8. [Электронный ресурс]: <http://starexpert.ru/2011/07/01/15/54/40>.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПУГАЧЁВЩИНЫ ИЗ СТРАНЫ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА

Ф. М. Надршин,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

Кафедра истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, руководимая доктором исторических наук, профессором А. В. Федоровой, систематически и плодотворно сотрудничает с рядом зарубежных исследователей, проявляющих научный интерес к истории нашего края. Одним из них является профессор университета «Мейдзи» Тоёкава Коити. Ученый из Токио известен в Японии как авторитетный специалист по истории России. Для историков нашего вуза отрандно, что в центре его изысканий находится прошлое именно обширного Оренбургского края и народов, его населяющих.

Профессор Тоёкава дважды пребывал в стенах аграрного университета. При этом он встречался с его профессорско-преподавательским составом и студентами, принимал участие в проводимых научных мероприятиях. Следует отметить, что здесь для гостя неизменно создавались нормальные бытовые условия и оказывалось содействие в работе с архивными документами. Японский ученый является постоянным участником ежегодных научных Пушкинских чтений. Присланные им доклады отличает высокий научный уровень и оригинальность выводов.

Господин Тоёкава родился в городе Саппоро — столице самого северного острова Японии Хоккайдо, расположенного наиболее близко к российской территории. Со школьных лет он пронес любовь к русской классической литературе, которая всегда пользовалась популярностью в Японии. Наш японский коллега хорошо знает произведения Пушкина, Лермонтова, Достоевского, Толстого, Чехова. Изучая тему Пугачёвского бунта, он не мог не прочитать знаменитую «Капитанскую дочку». А направление научных исследований задал ему известный ученый-историк Лимонов из Ленинградского университета, у которого он проходил стажировку в 70-х годах прошлого века. В эту командировку молодой Тоёкава Коити был направлен после окончания отделения европейской истории филологического факультета университета в Саппоро. Темы его исследований весьма обширны. Он глубоко изучил историю колонизации Башкирии, обладает обширными знаниями по этнографии башкир и других народов, населяющих наш регион. Особый интерес у японского исследователя к социально-политической истории башкир — коренного народа Южного Урала.

По мнению профессора Тоёкава, присоединение этого народа в состав Российской империи носило характер завоевания[1].

Его многие труды посвящены истории оренбургского казачества. Историческая уникальность казачества как военно-служилого сословия не могла не заинтересовать этого пытливого ученого[2]. Также неизменно в центре внимания японского историка находятся вопросы освоения региона Российским государством. Профессор тщательно анализирует экономические и политические факторы, обусловившие вхождение тех или иных территорий в состав империи[3]. Поразительно полно и всесторонне изучил японский историк тему Пугачёвского бунта, что наглядно продемонстрировано им в целом ряде работ[4]. Преподаватели и студенты Оренбургского государственного аграрного университета при личной встрече были восхищены тем, насколько досконально профессор Тоёкава владеет вышеперечисленными темами. О высоком научном уровне его трудов может свидетельствовать, например, монография «История объединения народов в Российской империи: русская колонизация и башкиры (XVI–XIX вв.)». Сравнительно небольшой по объему научный труд, изданный в Японии на русском и японском языках, содержит 112 ссылок на различные источники. Данная работа не только отличается своей научностью, но и тем, что его автор описывает историю башкирского народа объективно и с глубокой симпатией.

Тоёкава Коити занимается наукой еще со студенческой скамьи и подходит к этому делу по-японски основательно. Помимо родного японского он свободно владеет русским, английским и немецким языками. Также он более или менее освоил ряд других языков. Все это позволило ему изучать первоисточники и документы в оригинале, а значит, и делать свои научные выводы и обобщения, изучив и проанализировав огромное количество литературы и архивного материала.

Профессор почти ежегодно бывает в России и подолгу работает в центральных архивах Москвы, Санкт-Петербурга. Работал он также и в архивах Казани, Уфы и Оренбурга. О весомости результатов научной деятельности японского историка свидетельствует библиография его трудов. Ряд его работ издан на русском языке в России[5].

Разумеется, основная часть статей и книг профессора Тоёкава издана в Японии. Как видим, научно-педагогическая деятельность ученого весьма результативна и многогранна. Его мнение по актуальным проблемам исторической науки уважаемо и весомо в сообществе ученых-историков. Об этом, в частности, говорит рецензирование профессором целого ряда научных исследований соответствующей тематики[6].

В лице японского ученого-историка Тоёкава Коити мы имеем замечательного исследователя истории Оренбургского края, Пугачёвского бунта, башкир и казачества. Нам весьма импонируют высокий уровень научности, объективность, глубина и основательность его трудов. Историки Оренбургского государственного аграрного университета гордятся и дорожат взаимодействием с этим выдающимся ученым и надеются на его дальнейшее продолжение. Такое обоюдопольное сотрудничество дает импульс научно-исследовательской работе, осуществляемой в нашем университете, способствует укреплению добрососедских отношений между Россией и Японией.

Примечания

В примечаниях указаны научные труды профессора Тоёкава Коити.

1. Башкиры в восстании Пугачёва // Россия-си-Кенькию (Исследования истории России: Общество исследователей истории России). Токио, 1982. № 35. С. 53–79 (на япон. яз.); Башкиры накануне восстания Пугачёва: социальное преобразование башкирского общества// Шакай-Кейзай-си Гаку (Исследования социально-экономической истории: об-во социально-экономической истории). Токио). Т. 42. 1983. С. 52–70 (на япон. яз.); Башкир Салават Юлаев. К новым направлениям исследований по восстанию Пугачёва // Россия-си Кенькию// № 42. Токио, 1986. С. 18–32 (на япон. яз.); Восстание Пугачёва и его союзник Салават// Кодай Россия Кенькию (Исследования древней России: об-во древней России)// Киото, 1986. № 16. С. 53–66 (на япон. яз.); Россия и башкиры. Тоёкава Коити (сост.). Изучение по формам общественных объединений в городах и провинциях России. Кагаку Кенькию Сейка Хококу (Сообщения и исследования по науке). 2002. С. 93–116 (на япон. яз.); История попыток крещения башкир. Хара Теруюки (сост.). Государство, церковь и общество России в новейшее время: Русская православная церковь и миссионеры. Кагаку Кенькию, Сейка Хококу (Сообщения и исследования по науке). Саппоро, 2002. С. 1–14 (на япон. яз.); «Уничтожайте дикостью!»: башкиры против Российской империи. Мияке Тацуру (сост.). Исследования по передвижениям и оседлости в Европе. Кагаку Кенькию, Сейка Хококу (Сообщения и исследования по науке). Токио: Ун-т Мейзди, 2007. С. 55–107 (на япон. яз.); Русские законы и колонизация. К политике по земле в Башкирии. Курююзава Такео (сост.). Исследования по историческим материалам и литературе о русских законах в новое время. Кагаку Кенькию, Сейка Хококу (Сообщения и исследования по науке). Саппоро: Хоккайдский государственный ун-т, 2007. С. 187–202 (на япон. яз.); Салават Юлаев и его пребывание в Балтийском порте. Опыт исследования истории по регионам в Российской империи. Сундай-Сигаку. Токио: Ун-т Мейзди, 2007. № 132. С. 23–58 (на япон. яз.); История объединения народов в Российской империи: Русская колонизация и башкиры (XVI–XIX вв.). Саппоро: Хоккайдо Дайгаку Шуппань, 2006. С. 544–585 (на япон. яз.).

2. Оренбург и оренбургское казачество в XVIII в.//Acta Slavica Iaponica. Т.ХI. Саппоро. 1993. С. 186–219 (на рус. яз.); Вопросы по исследованию о казачестве во время восстания Пугачёва // Вопросы по истории дореформенной России (Серия славянского научно-исследовательского института)// Саппоро, 1994. № 55. С. 26–38 (на япон. яз.); Изучение образования и развития казачества в России// Труды научно-исследовательского ин-та гуманитарных наук: Ун-т Мейзди// Токио. 2001. № 48. С. 296–316 (на япон. яз.); Русская армия и казаки в «колониционном государстве»: Образование оренбургского казачества в XVIII в.//Рекиси Гаку Кеньнию (Исследования по истории)// Токио, 2011. №881. С. 34–48.

3. Русская колонизация на Южном Урале в XVIII веке// Сикаи (Взгляд на историю: Ун-т Васеда)// Токио, № 112. 1985. С. 80–95 (на япон. яз.); Процесс присоединения периферии к Российскому государству: К вопросу присоединения Башкирии// Сураву Кенькию (Исследования славяноведения: Славянский науч.-исслед. ин-т// Хоккайдский гос. ун-т). Саппоро. 1990. № 37. С. 177–207 (на япон. яз.); Восточная колонизация в России и народы/ Хара Теруюки и Ямаути Масаюки (сост.). Серия. Славянское об-во. Славянские народы. Токио: Ковунъша, 1995. №2. С. 27–58 (на япон. яз.); Колонизационная политика в юго-восточной России в XVIII в. и основание города Оренбурга: По «Проекту» И. К. Кириллова// Приглашение в мир Российского мусульманства. Сообщения славянского науч.-исслед. ин-та. Саппоро, 2000. №74. С. 11–27 (на япон. яз.); Расширение Российского государства и русские: миграция, оседлость и колонизация русскими крестьянами, расширение периферии. Комаи Хироси и Энари Миюки (сост.). Диаспора в Европе, России и Америке. Токио:Акаси Сию-Тень, 2009. С. 108–139 (на япон. язы.); Russia in the Age of Enlightenment and I. K. Kirilov's Colonial Policy, Japanese Slavic and East European Studies, Vol. 30. 2010. P. 45–58; Вопросы колонизации в Российской империи (Приуралье)//Труды науч.-исслед. ин-та гуманитар. наук: Ун-т Мейзди. Токио// 2010. № 67. С. 120–153 (на япон. яз.); Исследования по национальному вопросу в Российской империи// Рекиси то Чири (История и география)// Токио: Ямакава Шуппанъша, 2010. С. 43–47.

4. Народные движения в России в XVIII веке и их мир: требования помещичьих крестьян-участников Пугачёвского бунта// Шакай-Кагаку Токию (Исследования общественных наук: Ун-т Васеда)// Токио, 1988. № 99. С. 303–337 (на япон. яз.); А. С. Пушкин и П. И. Рычков – исторические источники пушкинской «Истории Пугачёвского бунта» // Acta Slavica Iaponica: Славянский науч.-исследов. ин-т; Хоккайдский государственный ун-т. Т.IX. Саппоро, 1991. С. 56–67 (на рус. яз.); Восстание Пугачёва/ Рекиси Докухонъ Ваардо (Мир истории). Токио: Синъ Зинвцу Орайша, 1991. С. 68–73 (на япон. яз.); Восстание Пугачёва и Русское правительство во время осады Оренбурга// Сикаи// Токио, 1995. № 132. С. 31–46 (на япон. яз.); Народные чаяния и надежды в России в XVIII в.: Что требовали народы в XVIII в.?// Труды науч.-исследов. ин-та гуманитар. наук: Ун-т Мейзди. Токио. 2006. № 48. С. 294–310 (на япон. яз.).

5. Оренбургское казачество в XVIII в. // Оренбургскому краю – 250 лет // Оренбург, 1994. С. 23–26; Оренбург и оренбургское казачество во время восстания Пугачёва 1773–1774 гг. М.: Археографический центр, 1996. 246 с.; «Оренбургская экспедиция пограничных дел» П. И. Рычкова // Ядьяр // Уфа, 2007. №4. С. 42–53; Оренбург и оренбургское казачество в XVIII в.: причины участия оренбургского казачества в восстании Пугачёва. Материалы науч. Пушкинских чтений, посвящ. открытию историко-литературного музея «Капитанская дочка» в Оренбургском госуд. аграр. ун-те. Оренбург, 2010. С. 24–34; А. С. Пушкин и П. И. Рычков. Источники пушкинской «Истории Пугачёвского бунта» // Русский бунт на страницах повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Оренбург, 2011. С. 42–53; Осада Оренбурга повстанцами Пугачёва. Оренбург, 2012. С. 58–64.

6. Мыльников А. С. Легенда о Русском принце. Л., 1987 // Россия-си Кенькию. №45. 1987.; Накамура Хитороси. Восстание Пугачёва. Токио: Хэйвонъша, 1987 // Россия-си Кенькию. 1988. №46; Дохи Цунёюки. Социальная история России в «Мертвых душах». Токио: Нихон Эдита Скуру Шуппанъву. 1989 // Шакай Кейзайси. Т. 55. 1990. №4; Абэ Сигео. Исследование Татишева: жизнь и достижения русского чиновника и ученого в XVIII в. Токио: Тосийсиово, 1996 // Шакай Кейзайси. Т. 64. 1998. № 3; Овчинников Р. В. Следствие и суд над Е. И. Пугачёвым и его сподвижниками. М., 1995 // Россия-си Кенькию. 1999. №65; Нисияма Кацунори. Русская революция и восточные окраины. Саппоро: Хоккайдо Дайгаку Тосио Шуппанъ. 2002 // Россия-си Кенькию. 2002. №71; Автор-составитель Н. Ф. Демидова. Материалы по истории Башкортостана. Оренбургская экспедиция и башкирские восстания 30-х годов XVIII в. Т. IV. Уфа, 2002 // Россия-си Кенькию. 2004. №74; Икхомото Киоко. Внешняя политика российского императора Александра I. Токио: Хуко-ша, 2006 // Россия-си Кенькию. 2007. №81; Дохи Цунёюки. Мир истории российского общества. Токио: Нихон Эдита Скуру Шуппанъву. 2010 // Россия-си Кенькию. №87; Ясутоми Аюму и Хукао Иоко. Образование «Манчжурии»: исчезновение лесов и образование пространств в новое время. Нагоя Дайгаку Шуппун-кай, 2009. Север. 2012. №28.

В.И. ДАЛЬ И А.С. ПУШКИН В ОРЕНБУРГЕ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АСПЕКТ И СОСТОЯНИЕ КРАЕВЕДЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. Н. Дубинин,

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В том, что у А. С. Пушкина во время его кратковременной поездки в Оренбургский край не было лучшего сопровождающего и лучшего собеседника, чем В. И. Даль, пожалуй, никто из исследователей никогда не сомневался.

Ссылаясь на этот общепризнанный факт, как способствовавший успеху пушкинской поездки и подтверждая его, историк литературы М. К. Нурмухамедов, довольно подробно изучивший обстоятельства пребывания поэта в Оренбурге, вполне справедливо ссылается на «энциклопедические знания Даля, его знание местной действительности, писательское родство, прежние взаимные симпатии» [1].

Историк имел в виду то обстоятельство, что В. И. Даль и А. С. Пушкин ко времени их встречи в Оренбурге в сентябре 1833 г. уже были знакомы и даже дружны. Знакомство произошло в Петербурге в 1832 г.

Весной 1833 г. В. И. Даль был рекомендован оренбургскому военному губернатору Василию Алексеевичу Перовскому и по его приглашению отправляется для прохождения службы по ведомству Министерства внутренних дел в Оренбург.

Здесь он находился при губернаторе в качестве чиновника особых поручений до 1841 г., после чего покидает Оренбург, оставляя о себе добрую память и множество добрых дел.

Губернатор, между прочим, по свидетельству многих современников, также был в приятельских отношениях с А. С. Пушкиным, который осенью этого же 1833 г. прибыл в Оренбург.

Цель поездки поэта в Оренбург ввиду её краткосрочности заключалась, главным образом, не только в сборе каких-либо конкретных исторических материалов, связанных с Емельяном Пугачёвым и бунтом 1773–1775 гг., сколько в желании «увидеть своими глазами места боёв, казачьи станицы, степные крепости и умёты, представить себе расположение войск во время оренбургской осады и при взятии Казани. <...> ознакомиться с населением той области, где началось и разгорелось восстание, увидеть ещё живых стариков – свидетелей его, услышать подлинный голос народа, узнать его отношение к восстанию и к его вождю...» [3].

Хронологическая и событийная канва оренбургского периода жизни и деятельности В. И. Даля, включая его общение с А. С. Пушкиным, помощь и поддержку поэту, исследовались краеведами в десятках, если не сотнях историко-литературных сочинений, среди которых особо выделяются труды последних лет [4].

В то же время, несмотря на их обилие, многие аспекты выпадают из поля зрения специалистов или получают в исследовательской литературе разноречивую трактовку, о чём писал, например, Ю. П. Фесенко, имея в виду характер и объём оказанной В. И. Далем помощи поэту [5].

Пример, на наш взгляд, свидетельствует об исключительной важности документального (источниковедческого) фундамента любого исторического сочинения. В некоторых случаях действуют и иные

факторы – бывает и так, что строго документированный исторический факт или событие получает разноречивые оценки ввиду идеологических, эстетических и иных различий авторов.

Что касается более или менее достоверных источников в осмыслении взаимоотношений В. И. Даля и А. С. Пушкина в Оренбурге, то в этом случае исключительную роль играют опубликованные воспоминания свидетелей и современников событий осени 1833 г. – И. В. Чернова, А. Т. Блиновой, Н. П. Иванова, Н. А. Кайдалова, К. А. Буха, Е. З. Ворониной [6], в т. ч. мемуары и самого В. И. Даля – «Воспоминания о Пушкине» и «Записки о Пушкине».

Давно известные историкам литературы и краеведам, они всесторонне проанализированы, откомментированы и характеризуются как заслуживающие доверия источники, несмотря на разную степень полноты сообщаемых ими сведений. Доступные на сегодняшний день биографические данные о каждом свидетельствующем современнике также изучены и более или менее систематизированы, в частности, авторами «Оренбургской Пушкинской энциклопедии» [7].

История публикации и ввода в научный оборот «Воспоминаний о Пушкине» и «Записок о Пушкине» В. И. Даля очень показательна и подтверждает факт их научной и общекультурной значимости. Трудно в этой связи не согласиться с В. Л. Савельзоном в том, что В. И. Даль – «человек, которому больше всего веры, первые свои воспоминания написал лишь через семь лет и обидно кратко, на нескольких страничках» [8].

«Воспоминания о Пушкине» были написаны В. И. Далем около 1840 г. Рукопись мемуаров была передана впоследствии литературному критику, мемуаристу, первому пушкинисту в литературоведении П. В. Анненкову, собиравшему материалы для биографии А. С. Пушкина, но так и не опубликовавшему рукопись В. И. Даля.

Опубликовал «Воспоминания о Пушкине» историк русской литературы Л. Н. Майков в 1890 г. в «Русском вестнике» – одном из наиболее влиятельных литературных и общественно-политических журналов второй половины XIX в. (№ 10, с. 3–20). В 1899 г. Л. Н. Майков включил их в петербургское издание своей книги «Пушкин».

Издатель московского историко-литературного журнала «Русский архив», библиограф, историк П. И. Бартенев в январе 1860 г. записал со слов В. И. Даля рассказ о Пушкине, тем самым дополнив и расширив свои «Воспоминания о Пушкине». В 1925 г. «Воспоминания» были переизданы издательством М. и С. Сабашниковых со вступительной статьёй и комментарием выдающегося пушкиниста М. А. Цявловского. «Рассказами В. И. Даля о Пушкине» как раз и открывается эта книга [9].

«Записки о Пушкине» по времени появились после «Воспоминаний о Пушкине» и были переданы В. И. Далем тому же П. И. Бартеневу, который частично использовал их в своей статье «Пушкин в южной России». Статья была издана в 1866 г. в «Русском архиве» (С. 1161 – 1162, 1166).

В полном виде «Записки» опубликовал в 1907 г. историк литературы и пушкинист Н. О. Лернер на страницах петербургского ежемесячного исторического журнала «Русская старина» (Из неизданных материалов для биографии Пушкина. Записка В. И. Даля. №10, с. 63 – 67).

Публикатором мемуаров В. И. Даля об А. С. Пушкине (редактором, автором вступительной статьи и примечаний) в 1936 г. выступил один из наиболее авторитетных историков и литературоведов-пушкинистов С. Я. Гессен, бывший до самой своей гибели (в 1937 г.) секретарём академического издания полного собрания сочинений Пушкина, действующим членом Пушкинской комиссии Академии наук, секретарём редакции «Временника» (Пушкин: Временник Пушкинской комиссии, 1936 – 1941) и работником Пушкинского общества.

Мемуары были опубликованы в разделе «Современники о Пушкине» ленинградского издания книги «Пушкин в воспоминаниях и рассказах современников» (С. 10 – 19).

В 1974 г. «Воспоминания» и «Записки» были переизданы в Ленинграде издательством «Художественная литература» под названием «Воспоминания о Пушкине» во втором томе двухтомника «А. С. Пушкин в воспоминаниях современников» [10].

Последнее по времени издание воспоминаний было осуществлено в 1998 г. в петербургском издательстве «Академический проект» в серии «Пушкинская библиотека» [11].

Такова в общих чертах история публикации мемуаров В. И. Даля. Воспоминания других участников или свидетелей событий осени 1833 г. после первой и единственной их публикации больше не переиздавались.

Мемуары, естественно, не единственный исторический источник для исследователя, хотя и весьма ценный. Анализируя факты и события, относящиеся ко времени пребывания А. С. Пушкина в Оренбурге и его встречам и общению с В. И. Далем, историки широко используют также личную и официальную переписку [12], периодику и др.

Заметный количественный рост публикаций краеведческого характера в последние годы (10 – 15 лет) можно связать с широко отмечавшимися памятными датами, освящёнными именами Пушкина и Даля.

Но и в предшествующие этим годовщинам десятилетия интерес исследователей к их оренбургской встрече не угасал, хотя интенсивность исследовательского процесса, конечно, была иной, неже-

ли в 1990–2000-е годы. Время от времени появлялись публикации, раскрывавшие те или иные аспекты взаимоотношений В. И. Даля и А. С. Пушкина в Оренбурге.

Отметим наиболее заметные из них, ставшие фактом не только краеведческой историографии.

Начало научной разработки темы было положено изданием в 1913 г. в «Трудах Оренбургской учёной архивной комиссии» (Вып. XVII) историко-краеведческого очерка историка Оренбургской епархии священника Н. Н. Модестова «Владимир Иванович Даль в Оренбурге».

Продолжение последовало уже в 1916 г., когда краевед Д. Н. Соколов опубликовал в сборнике Комиссии для издания сочинений Пушкина при Отделении Русского языка и словесности Императорской Академии Наук оригинальное исследование «Пушкин и его современники: Материалы и исследования». Его документальную основу составили упоминавшиеся уже воспоминания современников о днях, проведённых в Оренбурге А. С. Пушкиным, и встречах, в том числе с В. И. Далем [13].

В 1941 г. очерк об оренбургском периоде жизни В. И. Даля опубликовал литературовед и краевед Н. Е. Прянишников [14]. В 1946 г. он включил очерк в свою книгу «Писатели-классики в Оренбургском крае: из литературного прошлого Чкаловской области» (С. 35–54), которая с исправлениями и дополнениями затем переиздавалась в 1956 (редактор С. Лубэ), 1970 и 1977 гг. (редактор Р. М. Ушеренко).

Показательными примерами кропотливой и плодотворной исследовательской работы в этом же направлении выступают статьи историков С. А. Попова начала 1950–1980-х гг. [15] и Р. В. Овчинникова конца 1960–1980-х гг. [16].

На рубеже 1990-х–2000-х гг. в процесс переосмысления событий осени 1833 г. включаются журналист и литератор В. Л. Савельзон [17], краеведы С. Е. Сорокина, В. И. Верстуков и другие [18].

Особо следует отметить труды оренбургских исследователей – литературоведа и краеведа А. Г. Прокофьевой [19], а также краеведов Г. П. Матвиевской и И. К. Зубовой [20], активно занимающихся не только изучением обстоятельств пребывания В. И. Даля в Оренбурге и изучением его «оренбургского» творческого наследия, но и публикацией того, что сегодня из этого наследия малоизвестно или неизвестно вовсе.

Перу этих исследователей принадлежит гораздо больше отмеченных здесь публикаций. В качестве примера приведены те из них, в которых интересующий нас аспект проанализирован с большей степенью полноты, чем в других их работах.

Примечания

1. Нурмухамедов М. К. Пушкин, Оренбург и оренбуржцы. Ташкент, 1985. С. 15.
2. См. об этом публикации, пожалуй, наиболее авторитетного оренбургского исследователя и биографа В. И. Даля Г. П. Матвиевской и её соавтора И. К. Зубовой — «Владимир Иванович Даль. 1801—1872» (М., 2002); «Даль в Оренбурге» (Оренбург, 2007) и др., а также многочисленные статьи.
3. Измайлов Н. В. Об архивных материалах Пушкина для «Истории Пугачёва» // Пушкин. Исследования и материалы. М.—Л. 1960. Т. 3. С. 439.
4. См. библиографии: Беньковская Т. Е. В. И. Даль: исследования и материалы (библиографический обзор) // Вторые Международные Измайловские чтения, посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля (25—27 окт. 2001 г.): материалы. Оренбург, 2001. С. 17—22. Доблестный гражданин России: сб. методико-библиогр. материалов, посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля. Оренбург, 2001. Штыкалова Г. М. Даль и Оренбуржье. Библиографический список // Вторые Международные Измайловские чтения, посвящ. 200-летию со дня рождения В. И. Даля (25—27 окт. 2001 г.): материалы. Оренбург, 2001. С. 304—314; и др.
5. По мнению исследователя, открытым до сих пор остаётся важный вопрос о том, сопровождал ли Даль Пушкина в Уральск? См.: Фесенко Ю. П. Сентябрь 1833: А. С. Пушкин и В. И. Даль // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Пушкин. комис. СПб., 1991. Вып. 24. С. 104—116.
6. Записки генерал-майора Ивана Васильевича Чернова // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1907. Вып. XVIII. С. 6; Севастьянов С. Н. Несколько указаний о пребывании Пушкина в Бёрдах // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. I. С. 233—234. Воспоминание бывшего воспитанника Оренбургского Неплюевского кадетского корпуса Н. П. Иванова / Публ. и примеч. М. Л. Юдина // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 209—211. Первая публикация: Иванов Н. П. Воспоминания о Хивинском походе 1839 г. // Иванов Н. П. Хивинская экспедиция 1839—40 гг.: очерки, воспоминания очевидца. СПб, 1873. — С. 20—23. Воспоминание купца Н. А. Кайдалова / Публ. и примеч. М. Л. Юдина // Труды Оренбургской учёной архивной комиссии. Оренбург, 1900. Вып. VI. С. 213—215. Первая публикация: Современные известия. 1880, №164; Бух К. А. Из воспоминаний: Приезд в Оренбург. О знакомстве с А. С. Пушкиным / Публ. И. В. Фёдоров // Зап. Отд. рукописей Всесоюзн. б-ки им. В. И. Ленина. Вып. 1. [М]. 1938. С. 7—10. Письма из Оренбурга 1833 г. // Русский архив. 1902. №8. С. 645—647, 658—660.
7. Оренбургская Пушкинская энциклопедия: путешествие — 1833. Реалии «Истории Пугачёва». Прототипы «Капитанской дочки». Исследователи и интерпретаторы / сост. Р. В. Овчинников, Л. Н. Большаков. Оренбург, 1997.
8. Савельзон В. Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачёва». Оренбург, 1998. С. 44.

9. Рассказы о Пушкине, записанные со слов его друзей П. И. Бартевым в 1851—1860 гг. Л., 1925. С. 21—22.

10. Автор вступительной статьи В. Э. Вацуру. Составители и авторы примечаний В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсон, Р. В. Иезуитова, Я. Л. Левкович. С. 222, 223.

11. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2 т. 3-е изд, доп. / Вступ. ст. В. Э. Вацуру; сост. и примеч. В. Э. Вацуру, М. И. Гиллельсона, Р. В. Иезуитовой, Я. Л. Левкович и др. СПб., 1998. С. 258—262 (Пушкинская библиотека).

12. См., например: Цыпляев П. И. Из переписки оренбургского военного губернатора гр. В. А. Перовского о Владимире Ивановиче Дале // Русская старина. 1913. №7. С. 80—97.

13. Соколов Д. Н. Пушкин в Оренбурге // Пушкин и его современники: материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Имп. акад. наук. Пг., 1916. Вып. 23/24. С. 67—100.

14. Прянишников Н. Е. В. И. Даль в Оренбурге // Степные огни. 1941. Кн. 4. С. 196—223.

15. Попов С. А. Пушкин в селе Бёрды // Попов С. А. По местам событий Крестьянской войны 1773—1775 годов // По родному краю: краевед. очерки. Чкалов, 1954. — С. 179—181. Он же. Оренбургские собеседники А. С. Пушкина // Советские архивы. 1969. №5. С. 113—116; он же. Из дорожной книжки Пушкина // Урал. 1977. №4. С. 149—152; он же. Дороги сентября // Рифей: Урал. лит.-краевед. сб. Челябинск, 1981 и др.

16. Овчинников Р. В. Поездка Пушкина осенью 1833 г. в Поволжье и Оренбургский край... // Овчинников Р. В. Пушкин в работе над архивными документами: [«История Пугачёва»]. Л., 1969. С. 61—75. Он же. Над «пугачёвскими» страницами Пушкина. М., 1981; он же. Встреча в Оренбурге // Рифей: Уральский лит.-краевед. сб. Челябинск, 1981. С. 7—45; он же. А. С. Пушкин — исследователь истории Крестьянской войны 1773—1775 годов под предводительством Е. И. Пугачёва на территории Оренбургского края // Исследования и исследователи Оренбургского края XVIII—начала XX вв.: материалы регион. науч. конф. 12—14 мая 1983 гг. Оренбург; Свердловск, 1983. С. 159—161. Он же. За пушкинской строкой. Челябинск, 1988; и др.

17. Савельзон В. Л. В. И. Даль в Оренбурге // Савельзон В. Л. Пушкин и Оренбуржье. Над страницами «Капитанской дочки» и «Истории Пугачёва». 1999. С. 112—116. 2-е издание. 2002; он же. Дело всей жизни: Даль Владимир Иванович (1801—1872) // Савельзон В. Л. Оренбургская история в лицах. Портреты на фоне эпохи. Оренбург, 2000. 2-е издание. 2007.

18. Оренбург.. последняя цель моего путешествия. Александр Пушкин: [альбом] / авт.-сост. С. Е. Сорокина. Оренбург, 1999; Верстуков В. Пушкин едет в Оренбург. Оренбург, 2000.

19. Прокофьева А. Г. В. Даль и А. Пушкин в Оренбурге // К 190-летию со дня рождения Владимира Ивановича Даля: (материалы юбил. «круглого стола»). Луганск, 2001. С. 39—40 и др.

20. В.И. Даль. Восемь лет в Оренбурге // Неизвестный Владимир Иванович Даль / сост. А.Г. Прокофьева, Г.П. Матвиевская, В.Ю. Прокофьева, И.К. Зубова. Оренбург, 2002. С. 10–38. Матвиевская Г.П., Зубова И.К. В.И. Даль в Оренбурге. Оренбург, 2007 и др.

АВТОГРАФЫ СОВРЕМЕННОК ПУШКИНА: КНИГИ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ А. С. ПУШКИНА

Е. Ф. Жилыева,

*Оренбургский государственный институт искусств
им. Л. и М. Ростроповичей, г. Оренбург*

Книжное собрание Государственного музея А. С. Пушкина, начало которому было положено около 40 лет назад, в настоящее время включает 65 тыс. томов, в том числе все прижизненные издания Пушкина, достаточно полно подобранную пушкиниану, а также более 15 тыс. книг, газет и журналов первой половины XIX в. В состав собрания вошли библиотеки профессора МГУ И. Н. Розанова, писателя С. Н. Голубова, коллекционеров И. А. Полонского и П. В. Губара. Среди изданий, хранящихся в музее, особый интерес представляют книги из библиотек, к которым в разные периоды жизни обращался Пушкин. Это книги, принадлежавшие В.Л. Пушкину, В. А. Жуковскому, П.А. Вяземскому, П. П. Липранди, С. А. Соболевскому, А. С. Норову. Особую группу в книжной коллекции ГМП составляют издания с автографами современников Пушкина. Большая часть этих автографов (около 160 имен на 386 изданиях) вошла в настоящий каталог. Здесь описаны книги, содержащие автографы ближайших друзей и знакомых Пушкина (В.А. Жуковского, П. А. Вяземского, А. А. Дельвига, С. А. Соболевского, А. О. Смирновой-Россет, Е.М. Хитрово, К. А. Собаньской), его учителей (В. Ф. Малиновского, Н. Ф. Кошанского), литературных сподвижников (Н. И. Гнедича, М. П. Погодина, Е. А. Баратынского, И. И. Козлова) и поэтов старшего поколения (Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева, И. А. Крылова), декабристов (Н. А. Бестужева, Н.М. Муравьева, К. Ф. Рылеева), известных ученых (А. Х. Востокова, П. И. Кеппена, П. В. Киреевского, М. А. Максимова), государственных деятелей (А. Н. Оленина, А. И. Левшина), издателей и журналистов (Н. И. Греча, Н. И. Надеждина, Е. И. Ольдекопа), цензоров (С. Т. Аксакова, А. В. Болдырева, С. Н. Глинки, В. Семенова) и многих других. Собранные вместе, автографы современников

Пушкина являются немаловажным источником для изучения пушкинской эпохи в историко-литературном и культурно-бытовом аспектах. Они несут информацию о литературных, личных, служебных и «этикетных» отношениях, прибавляют новые факты к уже имеющимся сведениям о том или ином лице или культурном явлении, а иногда сообщают новое направление историко-литературным изысканиям.

Приведем несколько примеров.

Сопоставление помет, сделанных на книге «Политические и военные институты Тамерлана» (Париж, 1787, на фр. яз.) из собрания К.М. Муравьева, с маргиналиями на других книгах из библиотеки декабриста, находящейся в МГУ, а также ознакомление с хранящимся в архиве курсом лекций по стратегии и тактике военного искусства, который он готовил для офицеров Генерального штаба в 1824 г., позволили установить, что все пометы на книге сделаны ее владельцем (причем в разное время), а отчеркнутые в ней места использованы и процитированы в тексте лекций. Таким образом, данный экземпляр служит непосредственным источником для изучения деятельности Муравьева как военного историка.

Из текста надписи Ю.И. Познанского на книге «Стихотворения Дениса Давыдова» (М., 1832) с портретом поэта на титульном листе, выполненным орешковыми чернилами, выясняются имя художника, а также время и обстоятельства знакомства Давыдова с ним и с Познанским. Новый штрих к литературным взаимоотношениям Пушкина и Жуковского добавляет автограф последнего на его книге «Баллады и повести» (СПб., 1831); теперь можно считать установленным, что дарственная надпись «Сказочнику от Балладника» адресована Пушкину, а данный экземпляр восходит к утраченной части библиотеки поэта. Книги с автографами дают возможность судить о составе той или иной библиотеки, о литературных пристрастиях владельцев, культуре чтения в интересующую нас эпоху.

В ходе изучения небольших коллекций из книжных собраний Голицыных, Бакуниных, Оболенских, Волконских, Бутурлиных и др., хранящихся в ГМП, конкретизируется наше представление о характере личных библиотек пушкинского времени. Благодаря выявлению еще 10 книг с автографами Рылеева (помимо почти 40 экземпляров из его библиотеки, известных на сегодняшний день) уточняются сведения о составе библиотеки декабриста.

Примером «чтения с карандашом в руках» служат комментарии к рисункам в иллюстрированном издании Овидия (Париж, 1835, на фр. яз.), сделанные князем П. М. Волконским.

Анализ автографов позволяет иногда идентифицировать экземпляры, примечательные в историко-литературном отношении. Так, в результате анализа надписей на книге Фомы Кемпийского «Подражание Иисусу Христу» обнаружилось, что перед нами тот самый экземпляр книги, который был послан Ф. П. Фонтаном декабристу С. И. Кривцову в Петропавловскую крепость и находился с ним в Сибири.

Наибольший интерес для нас представляют автографы С. Т. Аксакова и А. И. Лёвшина, представленные в библиотеке.

Аксаков Сергей Тимофеевич (1791–1859) — писатель, цензор Московского цензорного комитета (1827–1832). В журналах, альманахах, хрестоматиях, песенниках, прошедших цензуру Аксакова, напечатано около 80 стихотворений, отрывков из поэм, прозаических эссе Пушкина; 12 из них были опубликованы впервые, в том числе «Стансы» («В надежде славы и добра...»), «Пророк», «Зимняя дорога», отрывки из романа «Евгений Онегин», «Герой». В должности председателя цензорного комитета С. Аксаков оставил следующие пометки: «Книгу сию из типографии выпустить можно», «Печатать позволяется», «Рассматривал Цензор Сергей Аксаков».

Алексей Ираклиевич Лёвшин (1799–1879) — историк, этнограф, писатель, чиновник в канцелярии М. С. Воронцова (1823–1826), одесский градоначальник (1831–1837), впоследствии товарищ министра внутренних дел, сенатор (с 1851). Алексей Ираклиевич владел обширной библиотекой, которой пользовались в 1820-е гг. одесские литераторы (В. И. Туманский, А. А. Скалысовский, В. Г. Тепляков). По инициативе Лёвшина в 1830-е гг. в Одессе была организована публичная библиотека, в фонды которой он передал часть своей книжной коллекции. Его книга «Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей (Спб.: Тип. К. Крайя, 1832) — первое в научной литературе точное и полное описание быта и культуры казахского народа. В библиотеке Пушкина сохранилось два экземпляра книги; поэт ссылается на нее в комментариях к первой главе «Истории Пугачёва». На одной из них посвящение — «Любезному другу и дочери Варваре Левшиной. От отца-Сочинителя».

Примечания

1. Автографы современников Пушкина: на книгах из собрания Государственного музея А. С. Пушкина: аннотированный каталог / сост. О. З. Ленина, Ю. Ю. Гречихова, С. Н. Тихомирова. М., 1988.

ОТРАЖЕНИЕ ПУГАЧЁВСКОГО БУНТА В МОРДОВСКИХ НАРОДНЫХ ПЕСНЯХ

А. Р. Адаева,

соискатель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, г. Оренбург

Крестьянское восстание под руководством Е. И. Пугачёва прокатилось по территории Яицкого войска, Оренбургского края, Урала, Прикамья, Башкортостана, части Западной Сибири, Поволжья. Состав участников военных действий был многонациональный, к казакам присоединились башкиры, татары, казахи, чувашаи, мордва и др., крепостные крестьяне всех губерний, где проходили военные действия.

Событие такого масштаба не могло не отразиться в народной памяти и сохранилось в фольклоре многих народов, в том числе и в мордовской культуре.

Известный исследователь и фольклорист А. Н. Маскаев считает, что мордовская историческая песня появилась в XVI веке. В ней можно выделить несколько циклов: песни о взятии Казани, о вхождении мордвы в состав Русского государства в эпоху Ивана Грозного, многочисленные песни о борьбе народа с иноземными захватчиками, песни о Разине, песни о Пугачёве, песни о крещении мордвы, песни о Павле I [1].

В настоящее время в мордовском фольклоре сохранилось 35 исторических песен о Пугачёвском восстании. В песнях Пугачёв одет в богатый кафтан, на голове казацкая шапка, обут в сафьяновые сапоги. Изображен не просто как атаман, а мужицкий царь, который зовет за собой народ. Мордовская песня о Пугачёве показывает надежды и ожидания крестьян, выступивших на борьбу против помещиков, чиновников, дворян. Поэтому в песнях Пугачёв называется мордовским национальным героем, родным руководителем.

В одной из самых известных — эрзянской песне «Откуда придёт родной Пугачёв» — вождь крестьянской войны рисуется талантливым военачальником, для которого взять крепость никакого труда не составляет, он называется родным человеком:

Откуда выходит родной Пугачёв?

Я сожгу Казань-город, сожгу!

Я спалю Казань-город, спалю!

Я, как желуди, разобью башни Казани,

Я, как орехи, расшелкаю магазины города Казани.

На территории Северного района Оренбургской области в 2010 г. была проведена фольклорная экспедиция, в ходе которой были записаны и собраны ноты и тексты мордовских народных песен. Руководителем проекта выступил Кузьмин Михаил Дмитриевич – председатель Оренбургского мордовского культурного центра, при поддержке главы Северного района В. Н. Давыдова и председателя местного национального культурного центра мордовского народа Северного района Молостовой В. А. [2]. Результатом кропотливой работы стало издание книги под ред. В. А. Чернова «Художественное творчество мордвы Оренбуржья».

В ходе данной экспедиции была записана песня «Моро Пугачёвдо» («Песня о Пугачёве»).

Моро Пугачёвдо

1. Вай, ванадоя, тынь, ванадоя,
Сурань томбале Мезень тол палы?
Чувтотнень экшсэ, тол а неяви,
Тол а неяви, кчам а лиси.

2. Те а тол палы, а мокшась чуди,
Пугачёв истя, войскандо вети.
Сон казакт, ды рузат мартондо вети,
Эрзят ды мокшот мартондо вети.

3. Кие монь марто молеми карми,
Кие монь марто пельме а карми,
Сенень мон максан лугат ды стадат,
Сенень мон максан бояронь модат.

4. Тынь, ванадоя, тынь ванадоя,
Сурань томбале Мезень тол палы?
Чувтотнень ютксо тол а неяви,
Тол я неяви, качам а лиси.

Тынь ванадоя, тынь ванадооя, тынь ванадоя [2, с. 112 – 113].

Перевод песни на русский язык был осуществлен руководителем Мордовского национального подворья Н. Н. Жариковой.

Песня о Пугачёве

1. Ой, смотрите, вы глядите
На берегу Суры какой огонь горит?
Между деревьями огня не видно,
Огня не видно и дым не выходит.

2. Это не огонь горит,
А по Мокше вода бежит.
Пугачёв так войско ведёт.
Он казаков и русских с собой ведёт.
Эрзя и мокша с собой ведёт.

3. Кто со мной будет идти,
Кто со мной бояться не будет,
Тем я дам луга и стада,
Тем я дам боярские земли.

4. Ой, смотрите, вы глядите
На берегу Суры какой огонь горит?
Между деревьями огня не видно,
Огня не видно и дым не выходит.

Перевод Н. Н. Жариковой (Макаровой)

Сподвижники Пугачёва распространяли его «манифесты» и «указы». В них был призыв вступать в ряды его войска, народу обещалась чуть ли не райская жизнь. Осмысление этих указов и манифестов встречается и в следующей мордовской песне.

Пугачёв вот так
Войско своё ведёт,
Сам впереди идёт,
Русских и казаков, и мокшан ведёт,
Эрзян и татар за собой ведёт,
За собой ведёт, всех с собой зовёт :
— Кто со мной, не боясь, пойдёт —
Тот сторонник мой,
Будет тот со мной.
Поля барские, леса и луга,
Рыбой богатые реки барские,
Тем я всё отдам.
Стада большие их
Станут вашими, друзья мои.

Жестокая расправа правительственных войск с пугачёвцами нашла отражение в следующей песне.

Всех подряд ловили,
Всех подряд казнили,
По лесам, по селам
Нагоняли страх.

Руки всем вязали,
Петли надевали,
По Мокше пускали
На больших столбах.

Виселицы плыли,
Плыли по реке.
Над рекой кружились
Стаи воронья,
Сколько их побито!
Сколько сёл сожгли-то!
Сколько слёз пролито,
Трупы хороня.

Мордовская народная песня

Но последствия бунта устранялись не только кнутом, но и пряником. Раскаявшееся население участвовавших в крестьянской войне получило прощение, были отсрочены недоимки, а пострадавшим выдано денежное вознаграждение.

Трагический финал вождя восстания и его участников описывается в следующей мордовской народной песне.

Ой, как рассердилась царица,
Войска немецкие на него погнала.
Поймали Пугачёва,
В клетку посадили,
Заковали в железо, в Москву взяли,
Весь его народ поймали, казнили,
На столбы вешали, в Мокшу бросали.
Долго в Мокше красная вода текла.
Имя Пугачёва вспоминать нельзя.
Кто остался непойманным —
В лес убежал,
В лесу разбой делали, бояр вешали.
Прошло время — о нём песни поют,
В зимние вечера
Сказки рассказывают.

Крестьяне веками мечтали о лучшей жизни, о справедливости. Причём основным содержанием мечты было желание скорого суда над господами и неизбежной расправы с ними. События крестьянских выступлений показали невозможность их осуществления в жизнь.

Мордовский фольклор в виде исторических песен сохранил память о крестьянском бунте под предводительством Е. И. Пугачёва. Это и есть живая память крестьян — непосредственных участников тех событий.

Примечания

1. Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964.
2. Чернов В. А. Художественное творчество мордвы Оренбуржья. Оренбург, 2011.
3. Там же.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ МУЗЕЙ А.С. ПУШКИНА ДЕРЕВНИ ШАБАГИШ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН

Р. Г. Аминов,

д. Шабагиш Кююргазинского района, Республика Башкортостан

... я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя... Но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог дал.

А. С. Пушкин

Благодатный, хлебосольный, богатый флорой и фауной Кююргазинский район находится в южной уральской зоне многонациональной и многоконфессиональной земле Башкортостана, граничит с Тюльганским и Октябрьским районами Оренбургской области. Не случайно наш район иногда называют южными воротами Республики Башкортостан. На этой священной территории веками бок о бок в дружбе и согласии единой семьей живут и трудятся наряду с башкирами русские, татары, чуваша и представители других национальностей.

В 10 километрах от районного центра села Ермолаево, в самом живописном уголке, окруженном со всех сторон невысокими горами, стройными вековыми дубовыми, белоствольными березовыми и ароматно пахнущими липовыми лесами, находится сельское поселение с красивым поэтическим названием Шабагиш. Название деревни, в переводе с тюркского языка означает «Шап» — «быстрое», а «агыш» — «течение», т. е. быстрое течение.

История ее начинается с 1928 г. Облюбовали эту божественную землю предки современных жителей — переселенцы из деревни Аллагуват

Стерлитамакского района. Кто знает, может быть, среди их далеких предков были и те, которые принимали активное участие в массовом движении Крестьянской войны под предводительством донского казака Емельяна Пугачёва в 1773–1775 гг. или стали живыми свидетелями тех эпохальных события, происходивших в самодержавной Российской империи.

Сегодня в нашем населенном пункте проживает 530 человек в 223 дворах. Деревня известна в округе не только щедрой природой и своими трудолюбивыми людьми, но и успехами местного учебного учреждения. С 1979 г. в муниципальном бюджетном общеобразовательном учреждении – основной общеобразовательной школе деревни Шабагиш муниципального района Кюргазинский район Республики Башкортостан – плодотворно работает общественный литературный музей гениального русского поэта А. С. Пушкина. Слава музея давно перешагнула границы не только района и республики, но и многонациональной России. Его имя широко известно в Старом и Новом свете, в странах Прибалтики и Союза Независимых Государств, Восходящего солнца и Поднебесной. В экспозиционных стендах и выставочных витринах, в фондах и запасниках очага культуры находятся более 30 тысяч экспонатов, порой уникальнейших и редчайших, собранных со всех концов планеты. Здесь успешно работает пушкинская картинная галерея, где выставляются лучшие работы учащихся школы и их родителей, учителей. Музей стал уникальной культурно-образовательной и научно-исследовательской лабораторией школьников, учителей, студентов, является центром изучения и пропаганды башкирского пушкиноведения. Приоритетное направление работы данного музея – это литературное краеведение «Пушкин и Башкортостан», в стенах которого 6 июня торжественно проходит очередной, яркий, богатый по форме и содержанию, Пушкинский праздник поэзии.

Многочисленные любознательные посетители и гости музея часто обращаются с вопросом, почему именно музей Пушкина создан на кюргазинской земле? Обратим внимание на богатую историю края, который тесно связан с Крестьянским восстанием – мощного всенародного наступления на власть, которого доселе не знала история России. По территории района проходит тракт Оренбург – Уфа. По этой центральной дороге двигались в разных направлениях обозы с продовольствием, отряды повстанцев и правительственные войска.

Как известно, часть территории современного Башкортостана до Стерлитамака, в том числе и наша малая родина, находилась в составе Оренбургской губернии. А с 18 по 20 сентября 1833 г. великий Пушкин совершил поездку в бескрайние степи Оренбуржья. Он ехал туда с це-

лю увидеть своими глазами места, где разворачивались основные боевые сражения пугачёвцев с хорошо вооруженными царскими войсками, общаться с оставшимися живыми свидетелями грозных событий. Поэт хотел также узнать их мнение о главных руководителях движения, разыскать в губернских архивах ранее никому не известные документы, материалы об участии в нем народов, населяющих окраины царской России.

Во время путешествия Пушкин неоднократно встречался с коренным населением, слушал протяжные башкирские народные песни, мелодии волшебного курая. Местные жители угощали своего уважаемого гостя национальным напитком — кумысом. Он был очарован красотой башкирских девушек, гостеприимностью и доброжелательностью нашего народа. И мы уверенно можем сказать, что певец вольности и свободы побывал на земле наших предков, слагал о нем легенды.

Как подтверждают первоисточники, архивные документы, на территории нашего района, у деревни Бугульчан, через реку Агидель (Белая) в 1773—1774 г. переправлялись повстанцы, будущие герои повести «Капитанская дочка» во главе Салаватом Юлаевым, Алибаем Мурзагуловым, А. А. Овчинниковым. Они спешили на помощь «царю угнетенных и бесправных». Здесь же, в долинах Уральских гор, своими отрядами «бунтовщиков» руководили пугачёвские полковники Каранай Муратов, Селявсин Арсланов, Каскин Самаров, Кутлушылды Абдрахманов. На переправе реки также стояли хорошо вооруженные отряды с царскими войсками под командованием генерал-майора П. М. Голицына и полковника Шепелева, ожидая отряды пугачёвцев с целью их разгрома.

20 июня 1774 г. на территории нашего района рядом с деревней Уралка состоялось кровопролитное сражение. Когда 1—2 апреля 1774 г. отряды восставших потерпели крупное поражение под Сакмарой, по совету нашего земляка, легендарного полковника, выходца из коренных башкир Кинзи Арсланова, Пугачёв скрывается в его доме деревни Кинзино (Кинзябыз). Отсюда они, пополнив свои ряды башкирами-новобранцами из соседних селений, двинулись в восточные уезды Башкортостана и дальше в глубь страны для продолжения боевых действий.

В фондах литературного музея находятся уникальные раритеты. Это ксерокопии с рукописей Пушкина с упоминаниями о Башкирии и башкирах. Всего 35 страниц ксерокопий и 16 автографов. Вот некоторые из страниц беловых автографов 1836 г. из повести «Капитанская дочка»:

1. №1049, негатив 4894 — «слышал от башкирцев, что идет неведомая сила»;

2. №1053, нг. 5016 – башкирская лошадь;

3. Дополнение к первому плану повести 1883 г. №843, нг. 2019. Страницы из рабочей тетради. 1883 – 1835 гг.

Ксерокопии для музея выполнены в 1988 г. хранителем Пушкинского фонда Риммой Теребениной с разрешения заведующего рукописным отделом доктора филологических наук К. Н. Григорьяна Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской Академии наук. Но для нас самым ценным экспонатом является негатив под №4901 – 4. Это описание башкирца, где автор исторически достоверно, объективно и ярко описал грандиозные исторические события, где впервые ввел в великую русскую художественную литературу обобщенный образ башкира, боровшегося за свободу и независимость своего народа, родной земли. Он рассказал общественности о непокорном духе, о чаяниях и стремлениях башкирского народа.

Вот фрагменты из текста. «Башкирец с трудом шагнул через порог (он был в колодке) и, сняв высокую свою шапку, остановился у дверей. Я взглянул на него и содрогнулся. Никогда не забуду этого человека. Ему казалось лет за семьдесят. У него не было ни носа, ни ушей. Голова его была выбрита; вместо бороды торчало несколько седых волос; он был малого роста, тощ и сгорблен; но узенькие глаза его сверкали еще огнем.

– Эхе! – сказал комендант, узнав, по страшным его приметам, одного из бунтовщиков, наказанных в 1741 г. – Да ты, видно, старый волк, побывал в наших капканах. Ты, знать, не впервой уже бунтуешь, коли у тебя так гладко выстрогана башка. Подойди-ка поближе; говори, кто тебя подослал?

Старый башкирец молчал и глядел на коменданта с видом совершенного бессмыслия.

– Что же ты молчишь? – продолжал Иван Кузьмич, – али бельмес по-русски не разумеешь? Юлай, спроси-ка у него по-вашему, кто его подослал в нашу крепость?

Юлай повторил на татарском языке вопрос Ивана Кузьмича. Но башкирец глядел на него с тем же выражением и не отвечал ни слова.

– Якши, – сказал комендант, – ты у меня заговоришь. Ребята! Сымите-ка с него дурацкий полосатый халат да выстрочите ему спину. Смотри ж, Юлай: хорошенько его!

Два инвалида стали башкирца раздевать. Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он огляделся на все стороны, как зверок, пойманной детьми. Когда же один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, – тогда башкирец застонал слабым голосом и кивая головою, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок».

Пушкин в своей прозе обратился к одному из сложнейших этапов развития русского общества и показал, в какой трудной ситуации оказалась многострадальная Россия и указал выход из нее.

Башкирская пушкиниана многогранна и плодотворна в жанровом и тематическом плане. К бессмертным творениям поэта обращаются новые и новые поколения деятелей науки, культуры и искусства, каждый из авторов вносит свой, интересный, своеобразный вклад в пушкиноведческую науку, открывает неизвестные факты, детали, документы, материалы из его биографии и творческого пути и обогащает ее.

Исследования по отношению Пушкина к проблемам Крестьянского восстания 1773 – 1775 гг. и к его исторической повести «Капитанская дочка» имеют свое продолжение как в работах отечественных, так и зарубежных ученых-филологов и историков, краеведов. В богатых фондах музея образовательного учреждения находится уникальная библиотека по указанной тематике. Вот некоторые из них: Р.В. Овчинников – «Над «пугачёвскими» страницами Пушкина», М.И. Гиллельсон, И.М. Лужина – повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка», Н.Н. Петрунина – «Проза Пушкина», И.Ф. Смольников – «Путешествие Пушкина в Оренбургский край», Ю.А. Славянский – «Поездка А.С. Пушкина в Поволжье и на Урал», А. Никитин – «Пушкин и Урал», В.Л. Савельзон – «Пушкин и Оренбуржье». Это тема нашла освещение во многих работах, научных трудах, краеведческих изданиях башкирских ученых-краеведов: М.Г. Рахимкулова – «Встречи с Башкирией», «Любовь моя – Башкирия»; В.В. Сидорова – «По следам Салавата», «О башкирце-певце и бесстрашном бойце» и др. Многие из этих трудов – дарственные, с автографами самих авторов. В архивных фондах собраны и систематизированы сотни интереснейших газетных и журнальных публикации на разных языках более чем за 60-летний период. Имеется богатый набор открыток, изобразительный и иллюстративный материал, талантливые работы художников разных поколений и направлений к повести «Капитанская дочка»: Соколова П.П., Герасимова С.В., Фаваровского Н.В., Нестерева М.В. и других мастеров кисти.

Особая гордость и ценность музея – произведения поэта на 87 языках народов многонациональной России и мира. У каждой книги своя особая история, своя тернистая дорога в музей, прежде чем стать экспонатом, порой годы, десятилетия кропотливого поиска, который до сегодняшнего дня имеет свое продолжение. Мы являемся обладателями уникальной коллекции – это произведения Пушкина «Капитанская дочка» разных лет выпуска на русском, татарском, кабардинском, мордовском, чувашском, ингушском, молдавском, таджикском, латышском, азербайджанском, чешском, польском, английском и др. языках.

Историческую повесть «Капитанская дочка» Пушкина башкирские учащиеся изучают не только на уроках русской литературы как программное произведение. Но и наслаждаются чтением на своем родном языке, всесторонне постигают глубину пушкинской мысли и чувств, значимость каждого пушкинского слова. Повесть имеет огромное влияние на формирование личности гражданина и патриота.

Книга «Капитанская дочка» на чеченском языке — особенно дорогой редкий экземпляр музея, так как она из личной домашней библиотеки, с автографом известного ингушского поэта Салмана Озиева, который стоял у истоков зарождения, становления и развития современной ингушской литературы. Читаем: «Пушкинскому музею при Шабалинской школе с пожеланием успехов в распространении русской культуры среди татарского и башкирского народа».

Переводные издания славного художника слова, как и другие музейные материалы, никогда не залеживаются в экспозиционных витринах и не пылятся в книжных шкафах. Они всегда находят своего верного вдумчивого читателя, начинающего исследователя. Их читают, изучают, выполняют научные творческие работы, защищают в школьных кабинетах и вузовских аудиториях рефераты, курсовые и дипломные работы, выступают на школьных, районных, республиканских, всероссийских и международных Пушкинских научно-практических конференциях, печатают свои работы в коллективных сборниках, научно-методических журналах.

Пушкин-реалист, Пушкин-интернационалист, героями бессмертных его творений стали представители 16 национальностей всей Руси великой. С одной стороны, он не только мечтал, но и верил в перспективу: «Когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся», стремился примирить противоборствующие классы, призывал к единению нации. С другой стороны, он предостерегал «племя, младое незнакомое» от необдуманного поступка, сиюминутного решения проблем: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный. Те, которые замышляют у нас всевозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердые, коли чужая головушка—полушка, да и своя шейка—копейка».

Великий гуманист и мыслитель в своей исторической прозе «Капитанская дочка» подводит к мысли и дает пищу для размышления о том, что народ, доведенный до отчаяния, может повторить события давно минувших дней. История ищет истину, но не любит ошибок, не терпит лжи и обмана.

История нашего района, связанная с Пугачёвским движением, творение Пушкина «Капитанская дочка» и материалы школьного музея помогают разобраться в сегодняшнем политическом процессе через призму исторического прошлого, воспитывают личную жизненную и гражданскую позицию по отношению к тем изменениям, которые происходят в нашем обществе, играют огромную роль в историческом образовании, интернациональном и патриотическом воспитании новых граждан современного Башкортостана и России.

ЛИЧНОСТЬ У ПУШКИНА

Е. И. Голованова,

Челябинский государственный университет, г. Челябинск

Становление в русской культуре понятия «личность» во многом связано с творчеством Пушкина и пушкинской эпохой в целом. В древнерусском языке потребности в таком слове не было: отдельные составляющие понятия «личность» были рассеяны по разным обозначениям и характеристикам человека: *человек, людие, людин, лице, душа, существо* и др. Перенесение внимания с общего, родового на отдельного субъекта как значимую часть общества произошло постепенно, так же длительно формировался интерес к «внутреннему человеку» в русской культуре.

Как отмечает В. В. Виноградов, слово личность имеет «яркую окраску русского национально-языкового строя мысли» и одновременно «содержит в себе элементы интернационального и, прежде всего, европейского понимания соответствующего круга идей и представлений о человеке и обществе, о социальной индивидуальности в ее отношении к коллективу и государству» [1].

Исконный характер рассматриваемого слова свидетельствует о том, что его содержание, стоящий за ним концепт сформирован в созвучии с национальным развитием, имеет глубоко самобытную ментальную основу. Не случайно в русском понимании духовное достоинство личности во многом определяется отношением к семье, к своим родителям и предкам. Очень точно эту мысль выразил А. С. Пушкин: «Два чувства дивно близки нам – / В них обретает сердце пищу – / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам». Тема родства в ее преломлении к личности отражена и в названии глубоко национального исторического произведения Пушкина – повести «Капитанская дочка».

Слово *личность*, возникшее не ранее второй половины XVII века, восходит через ступень прилагательного к слову «лицо» и актуализирует

качества, свойства лица (= человека): единичность, отдельность, личные пристрастия. В конце XVIII века, как утверждает В. В. Виноградов, в связи с развитием идей сентиментализма в употреблении слова *личность* начинает острее и глубже осознаваться значение «индивидуальные, личные свойства кого-нибудь, личное достоинство, самобытность, обнаружение личных качеств и ощущений, чувств, личная сущность» [2]. И лишь в 20–30-е годы XIX века в русском литературном языке вполне сформировалось в данном слове значение ‘монада, по-своему, единственно ей свойственным образом воспринимающая, отражающая и создающая в себе мир’ [3]. С этого времени с личностью соотносится представление о внутреннем единстве, неделимости и цельности отдельного человеческого существа, о его неповторимом своеобразии. Понятие личность становится центром притяжения в русской художественной и публицистической литературе XIX века, в том числе в творчестве Пушкина.

По мнению В. В. Виноградова, в русском литературном языке той эпохи наиболее рельефно выступают три оттенка в употреблении слова *личность*: 1) человеческая индивидуальность с ее внутренней стороны, индивидуальное или собирательное «я» в качестве носителя отличительных, неповторимо сочетающихся духовных свойств и качеств; 2) человек как социальная единица, как субъект гражданских прав и обязанностей – в его отношении к обществу; 3) отдельное, обособленное существо, определяемое по внешним, индивидуальным приметам [4].

Все эти значения так или иначе актуализированы в творчестве А. С. Пушкина. Размышления о человеческой индивидуальности, внутренние переживания личности раскрыты им в лирике. Единство психологического облика личности как порождения социальной среды занимало Пушкина при воссоздании исторических образов Пугачёва, Петра I, Бориса Годунова и др. Для Пушкина было значимым то, что «свойства личности, ее направленность и тенденции – со всем их многообразием и во всех их противоречиях – <...> потенциально уже заложены в структуре личности, как сюжетный стержень ее жизненной драмы» [5]. Уместно здесь привести слова С. Л. Рубинштейна о том, что «личность и ее психические свойства одновременно и *предпосылка* и *результат* ее деятельности» [6].

Личность для Пушкина интересна прежде всего с позиций движения мыслей человека, истории его чувств, взаимоотношений с людьми, под влиянием чего формируется индивидуальное восприятие субъектом мира и самого себя. «Личностью в подчеркнутом, специфическом смысле этого слова является человек, у которого есть свои позиции,

свое ярко выраженное сознательное отношение к жизни, мировоззрение, к которому он пришел в итоге большой сознательной работы. У личности есть свое лицо» [7]. В повести «Барышня-крестьянка» Пушкин замечает со ссылкой на Жан-Поля, что без *особенности характера, самобытности* «не существует и человеческого величия» [8].

Проследим за реализацией лексико-семантического поля «личность» в творчестве А. С. Пушкина, обратившись к данным академического Словаря языка Пушкина. В сочинениях писателя разнообразно реализуются такие составляющие этого поля, как человек, лицо, душа, персона, особа, индивидуальность и другие.

Самую многочисленную группу — по числу употреблений — составляют реализации слова «душа». Значения этого слова в творчестве Пушкина раскрывают всю полноту внутреннего мира личности в национальном русском понимании

ДУША (774). 1. *По религиозным представлениям, нематериальное начало в человеке, продолжающее жить после его смерти* (44). Когда бы верил я, что некогда душа', От тленья убежав, уносит мысли вечны, И память, и любовь в пучины бесконечны, — Клянусь! давно бы я оставил этот мир: С₂ 198.2. Громко мученик господу взмолился: «Прав ты, боже, меня наказуя! Плоть мою предай на растерзанье, Лишь помилуй мне душу, Иисусе!» ЗС 1.72. <...> 3. *Внутренний, психический мир человека* (510). Пока свободою горим, Пока сердца для чести живы, Мой друг, отчизне посвятим Души' прекрасные порывы! С₂ 44.16. Я вас любил: любовь еще, быть может, В душе' моей угасла не совсем; Но пусть она вас больше не тревожит; Я не хочу печалить вас ничем. С₃ 131.2. Драма стала заведовать страстями и душою человеческою. Ж₁ 178.20. Отшельник мирный и безвестный, Остался в счастливой глуши, С тобой, друг милый, друг прелестный, С тобою, свет моей души!' РLV 396. Поведение его с Марьей Гавриловной было просто и свободно; но что б она ни сказала или ни сделала, душа и взоры его так за нею и следовали. М 84.8. || *Основные черты, свойства личности, характера*. Графиня***, конечно, не имела злой души; но была своенравна, как женщина, избалованная светом ПД 233.32. Татьяна (русская душо'ю, Сама не зная, почему) С ее холодною красою Любила русскую зиму. EO V 4.1. В столицах женщины получают, может быть, лучшее образование, но навык света скоро сглаживает характер и делает души столь же однообразными, как и головные уборы. БК 111.5. По доброте души' я верил в упоены Волшебнице-Мечте, шепнувшей: ты поэт, — И, презря мудрости угрозы и советы, С небрежной легкостью нанизывал куплеты С₁ 86.35.4. *Чувство, воодушевление; способность ощущать, воспринимать, отзываться* (7). Лаура. Подайте мне гитару. (Поет.) — Второй.

Какие звуки! сколько в них души! КГ II 21. Я пил отраву в вашем взоре, В душо'й исполненных чертах, И в вашем милом разговоре, И в ваших пламенных стихах; С₃ 13.6. Мои богини! что вы? где вы? Внемлите мой печальный глас: — Услышу ль вновь я ваши хоры? Узрю ли русской Терпсихоры Душо'й исполненный полет? ЕО I 19.7. Мордвинов будет на меня смотреть как на Фаддея Булгарина и Николая Полевого, как на шпиона; чорт догадал меня родиться в России с душою и с талантом! Пс 1197.34. 5. *О человеке, как носители определённых душевных качеств, свойств* (12). — Зачем же так неблагоклонно Вы отзываетесь о нем? За то ль, что мы неугомонно Хлопочем, судим обо всем, Что пылких душ неосторожность Самолюбивую ничтожность Иль оскорбляет иль смешит ЕО VIII 9.5. Сей Анджело надменный, Сей злобный человек, сей грешник — был любим Душо'ю нежною, печальной и смиренной, Душо'й отверженной мучителем своим. А III 31,32. Луиза. — Всё ж есть Еще простые ду'ши: рады таять От женских слез, И слепо верят им. ПЧ 95. 6. *Крепостной крестьянин* (33). Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семидесятью душами. Д 162.3. Услыша, что у батюшки триста душ крестьян, «легко ли!» — сказала она; — «ведь есть же на свете богатые люди! А у нас, мой батюшка, всего-то душ одна девка Палашка; — «КД 297.36,37. Собрание тут же положило на свой счет составить и вооружить конное войско, поставя с двухсот душ одного рекрута. ИП 38.38. <...> В соч. (74). а) в душе: 1) *Про себя, мысленно*. Я не мог не признаться в душе, что поведение мое в Симбирском трактире было глупо, и чувствовал себя виноватым перед Савельичем. КД 286.13. — Кто там? — спросил он с досадою, проклиная в душе своих слуг, никогда не сидевших в передней. ЕН 265.1. Кто жил и мыслил, тот не может В душе' не презирать людей; ЕО I 46.2. 2) *По своим наклонностям*. Я его учитель в стихотв. языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Пс 149.9. Радищев, будучи нововводителем в душе, силился переменить и русское стихосложение. Ж₁ 262.43. Будучи в душе игрок, никогда не брал он карты в руки ПД 235.23; б) от души, от всей души (*искренно, от чистого сердца*): В случае какогонибудь затруднения пусть он располагает мною, я готов ему служить от всей души. Пс 828.7. Я люблю ее от души — она уморительно смешна. Гос 39.3. Алексей начал описывать ее госпожу такими смешными чертами, что Лиза хохотала от души. БК 121.17; в) всей душой *или* душой (*искренно, от чистого сердца*): В тот страшный час Вы поступили благородно, Вы были правы предо мной: Я благодарна всей душо'й... ЕО VIII 43.14. Я счастья тебе желаю всей душо'ю. С₂ 254.12. Я вам обоим душою предан. Пс 155.12. В такой альбом, мои друзья, Признаться, рад писать и я, Уверен, будучи душо'ю, Что всякой мой усердный вздор Заслужит

благосклонный взор *ЕО IV 29.9*; г) на душе у *кого* (о том, что занимает или гнетёт, о сокровенных мыслях): Милый мой, расскажу тебе всё, что у меня на душе: грустно, тоска, тоска. *Пс 519.4*. У меня на душе просветлело. *Пс 951.32*; д) взять грех на душу: Я готов взять грех ваш на свою душу. *ПД 242.1*; е) для души (для удовлетворения своей духовной потребности): С младенчества две музы к нам летали И сладок был их ласковой наш удел: Но я любил уже рукоплесканья, Ты гордый пел для муз и для души'; *С₂ 279.94*; ж) сколько душе угодно: Что за прелесть здешняя деревня! вообрази: степь да степь; соседей ни души; езди верхом сколько душе угодно. *Пс 522.22*. Кокетничать позволяю, сколько душе угодно. *Пс 919.24*; з) душа просит (о сильном желании чего-н.): Не сердись на меня за то, что я медлю к тебе явиться. Право, душа просит; да мощна не велит. *Пс 985.9* *погов.* Стихов, ради бога стихов! Душа просит. *Пс 380.29*. К морю князь, а лебедь там Уж гуляет по волнам. Князь опять: душа'-де просит... Так и тянет и уносит... И опять она его Вмиг обрызгала всего. *ЦС 629*; и) душа в пятки уходит (о сильном испуге): У меня у самого душа в пятки уходит, как вспомню, что я журналист. *Пс 1197.29*; к) жить душа в душу; жить душа с душою (*жить в согласии, в дружбе*): Мы жили душа в душу. *КД 280.14 bis*. О! сладко жить, мой друг, душа' с душо'ю. *С₁ 6.12 bis*; л) в чем душа держится (о болезненном, слабом существе): Что ты за богатырь? Поглядеть, так в чем душа держится. *КД 349.23*; м) ни одной души, ни души (*никого*): Нет ни одной души' в прихожей. *ЕО VIII 40.6*. Выведи из дому всех наших людей, чтоб ни одной души в нем не оставалось. — *Д 183.37*. Месяц я здесь прожил, не видя ни души, не читая журналов. *Пс 523.22*. || ни одна душа (*никто*): Царь. — Взять меры сей же час; Чтоб от Литвы Россия оградилась Заставами: чтоб ни одна душа' Не перешла за эту грань; *БГХ 98*. Читая в журналах статьи о смерти Карамзина, бешусь. Как они холодны, глупы и низки. Неуж-то ни одна русская душа не принесет достойной дани его памяти? *Пс 272.14*; н) душа-девица, красавица-душа (*народно-поэтич.*): Но не тужи, твой сон не лих. Поверь, душа'-девица. *С₂ 269.172*. Пригоню тебе три кораблика: На первом корабле красно золото, На втором корабле чисто серебро, На третьем корабле душа'-девица. *С₃ 9₃.15*. Королевич Елисей, Помолясь усердно богу, Отправляется в дорогу За красавицей-душо'й, За невестой молодой. *МЦ 139*.

Вторую по числу реализаций группу составляют употребления слова «человек».

ЧЕЛОВЕК (703). 1. *Существо, обладающее даром речи, наделённое разумом, способностью мыслить, трудиться* (587). — Промчалась четверть века! Не сетуйте: таков судьбы закон; Вращается весь мир вокруг челове'ка, Ужель один недвижим будет он? *С₃ 269.23*. <...> Что

и составляет величие человека, ежели не *мысль*? Ж₁ 235.24. Князь. — Страшно Ума лишиться. Легче умереть. На мертвеца глядим мы с уважением, Творим о нем молитвы. Смерть равняет С ним каждого. Но челове'к, лишенный Ума, становится не челове'ком. Р IV 76,77. Изю всех молодых людей, воспитанных в чужих краях (прости господи), царской арап всех более на человека походит. АП 22.25. В назв. а) О Человеке, о его смертности и бессмертии (*философическое рассуждение А. Н. Радищева*): Самое пространное из его сочинений есть философическое рассуждение о Человеке, *о его смертности и бессмертии*. Ж₂ 34.40; б) Об обязанностях человека (*сочинение Сильвио Пеллико «Dei Doveri degli uomini»*): Об обязанностях человека. Сочинение Сильвио Пеллико. Ж₂ 99.1 загл. | бог-человек (*богочеловек; по религиозным представлениям, бог в образе человека. Об Иисусе Христе*): Сегодня следуя душой Закону бога-челове'ка, С тобой цалуюсь, ангел мой. С₂ 127.3. || *То же, как воплощение лучших человеческих качеств, достоинств* [без определения]. Он (*Жуковский*) святой, хотя родился романтиком, а не греком, и человеком, да каким еще! Пс 171.47. Ты скажешь: «Перестань, болтун! Будь челове'к, а не драгун». С₁ 94.19. || *В сочетании с определением употребляется при характеристике каких-н. качеств, свойств личности*: Чудесный жребий совершился; Угас великой челове'к. С₂ 146.2. Тогда старик, приближась, рек: «Оставь нас, гордый челове'к». Ц 510. Быть можно дельным челове'ком И думать о красе ногтей: ЕО I 25.1. Хоть, впрочем, он поэт изрядный, Эмилий — челове'к *пустой*. С₂ 122.2. Дочь. И мог он Как добрый челове'к со мной прощаться, И мне давать подарки. Каково! Р I 200. || что (я, ты, он) за человек: Я скорее снял шляпу и по стенке стал пробираться до дверей, но он увидел меня <и> спросил, что я за человек. *И ты*: Пугачёв бежал по берегу Волги. Тут он встретил астронома Ловица и спросил, что он за человек. ИП 75.13. | родной человек (*родственник*): У ней не было на свете ни одного родного человека. КД 358.4. <...> В соч. (102). а) молодой человек (*о молодом мужчине от 18 до 30 лет*): Разумеется, что эта счастливая мысль пришла сперва в голову молодому человеку, и что она весьма понравилась романтическому воображению Марьи Гавриловны. М 77.38. Я оставил тебя ребенком, найду молодым человеком; Пс 37.14. <...> || *То же, в обращении к юноше, молодому мужчине*: Ручаюсь вам за успех, — отвечал я с жаром. — Только отпустите меня. «Нет, молодой человек», — сказал он, качая головою. КД 343.12. Молодой человек! если записки мои попадутся в твои руки, вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений. КД 318.40; б) совершенно круглый человек (*буквальный перевод французского выражения «un homme tout rond»*): приятель

мой был un homme tout rond, человек совершенно круглый, как говорят французы, homo quadratus, человек четвероугольный, по выражению латинскому, по нашему – очень хороший человек. О 411.1; в) умертвить в себе ветхого человека (*освободиться от старых привычек, обновиться духовно*): Поэзия мрачная, богатырская, сильная, байроническая; твой истинный удел – умертви в себе ветхого человека; не убивай вдохновенного поэта. Пс 20.47; г) божий человек (*по религиозным представлениям, человек, угодный богу своей святой жизнью, блаженный*): Пришлите мне ради бога стих об Алексее бож. <ием> человеке Пс 1175.30. <...>

Третью группу в сочинениях А.С. Пушкина составляют разнообразные реализации лексемы «лицо» в значении ‘человек’.

ЛИЦО (лице) (350). <...> || *Метонимически о человеке*. Священник: Средь ужаса плачевных похорон, Средь бледных лиц молось я на кладбище, А ваши ненавистные восторги Смущают тишину гробов. ПЧ 179. Самозванец: Но между вас я вижу новы ли'ца. Гаврила Пушкин: Они пришли у милости твоей Просить меча и службы. БГ XI 31. Забытый, преданный презрению, Гарем не зрит его лица'; БФ 471. 2. *Человек вообще, человек как отдельная личность*. (85). Поминутно входили новые лица, и насилу могли пробраться до хозяина. Д 191.25. Я удостоверился, что Пугачёв и он были одно и то же лицо. КД 329.11. Все упомянутые лица, кроме Н.П.О., имели значительное влияние на мою жизнь. Ж₂ 290.19. – Этот Германн, – продолжал Томский, – лицо истинно романическое: у него профиль Наполеона, а душа Мефистофеля. ПД 244.1. Стоическое лице Барклая есть одно из замечательнейших в нашей истории. Пс 1259.4. || *О персонаже, действующем лице литературного произведения*. Вы говорите справедливо, Что странно, даже неучтиво. Роман не конча перервать, Отдав уже его в печать, Что должно своего героя Как бы то ни было женить, По крайней мере уморить, И ли'ца прочие пристроя, Отдав им дружеский поклон, Из лабиринта вывесть вон. С₃ 246.12. Лица, созданные Шекспиром, не суть, как у Мольера, типы такой-то страсти, такого-то порока; Ж₂ 159.34. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова Хлопоухиным, Димитрия Самозванца Каторжниковым, а Марину Мнишек княжною Шлюхиной; зато и лица сии представлены несколько бледно. Ж₁ 207.30. Расин понятия не имел об создании трагического лица. Пс 76.46. <...>

Реализации лексемы «особа» обнаруживают важные прагматические ограничения, которые отмечены в словаре.

ОСОБА (30). *Лицо, человек (обычно о людях из привилегированных сословий, образованного, культурного общества)*. Между тем некоторые из особ, приближенных к государю, собралися во дворец. АП 11.24. Невольник сей, безо всякого сомнения, был особа важная. Ж₂ 28.28.

Так как я действительно в Москве читал свою трагедию некоторым особам, то поставлю за долг препроводить ее Вашему превосходительству *Пс* 298.11. Мысль, что уже в последний раз провожает она день посреди своего семейства, стесняла ее сердце. Она была чуть жива; она втайне прощалась со всеми особами, со всеми предметами, ее окружавшими. *М* 78.36. Кто-то (казалось, его поверенный по делам) писал ему из Москвы, что *известная* особа скоро должна вступить в законный брак с молодой и прекрасной девушкой. *В* 70.19. | его особа (*указанное лицо*); В его (*Вольтера*) молодости заключение в Бастилию, изгнание и преследование не могли привлечь на его особу сострадания и сочувствия, в которых почти никогда не отказывали страждущему таланту. *Ж*₂ 80.28. || особа *кого* (*употребляется при сущ., означающих высокое звание, должность, официальное положение какого-н. лица*): До 1716 г. Ганибал находился неотлучно при особе государя. *Ж*₂ 312.10. Государь отправился в армию в сопровождении генерала Рене, остававшегося в окрестностях Ярослава с частью конницы для охранения особы его величества. *ЗМ* 304.32.

Слово «личность» используется А. С. Пушкиным достаточно широко, но все же реже, чем приведенные выше лексемы. Сравните.

ЛИЧНОСТЬ (14). 1. *Отдельный человек в его своеобразии, отличии от других* (4): Твои первые четыре стиха на счет его в послании к Дмитриеву — прекрасны; остальные, нужные для пояснения личности, слабы и холодны *Пс* 13.8. || *Отдельное лицо в его человеческом достоинстве, личных и общественных правах*. Эпиграмматические же разборы его могут казаться обидными самолюбию авторскому, но к. Вяземский может смело сказать, что личность его противников никогда не была им оскорблена. *Ж*₁ 97.12. У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры, именно *обиняки*. *Ж*₁ 168.2. 2. *Оскорбительный выпад против определённого лица* (10): Иная брань, конечно, неприличность, Нельзя писать: *Такой-то де старик, Козел в очках, плюгавый клеветник, И зол, и подл*: всё это будет личность. *С*₃ 101.8. Вы скажете, что по большей части журнальная критика заключается в личностях и брани. *Ж*₁ 132.23. В другой газете объявили, что я собою весьма неблагообразен, и что портреты мои слишком льстивы. На эту личность я не отвечал, хотя она глубоко меня тронула. *Ж*₁ 162.24.

В творчестве Пушкина обнаружено лишь пять реализаций слова «персона»: ПЕРСОНА (5). Особа, *лицо*: Государь мой, ты провинился во-первых, подошел к сей молодой персоне, не отдав ей три должные реверанса; *АП* 17.25. Ну, ваше благородие, по всему видно, что персона знатная. *КД* 329.34. Поздравляю тебя, моя радость, с романтической трагедиею, в ней же первая персона Борис Гудунов! *Пс* 223.22.

|| *Изображение особы*: А в бане, слышно, показывал царские свои знаки на грудях: на одной двуглавый орел, величиною с пятак, а на другой персона его. *КД* 329.39.

И лишь однажды писатель использует слово «индивидуальность»: ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ (1). *Проявление своеобразия, отличительной особенности, присущей какому-н. лицу*: Героиды, элегии любовные, и самая поэма «*Ars amandi*», мнимая причина его изгнания, уступают «Элегиям Понтийским». В сих последних более истинного чувства, более простодушия, более индивидуальности и менее холодного остроумия. *Ж*₂ 84.38.

Научный интерес представляет также использование прилагательного «личный», относящегося к рассматриваемому полю. По его реализациям в творчестве А. С. Пушкина можно судить о разветвленности соответствующих значений в языке — от широкого социального содержания до яркого психологического отпечатка.

ЛИЧНЫЙ (20). 1. *Прил. к личности в 1 знач.* (9): В статье г. Полевого личная честь г. Каченовского не была оскорблена. *Ж*₁ 79.39. Конечно, есть достоинство выше знатности рода, именно: достоинство личное *Ж*₁ 162.[12]. Вольтер искал убежища на берегу Женевского озера. Слава не спасала его от беспокойств. Личная свобода его была не безопасна; *Ж*₂ 76.1. || *Направленный против личности кого-н.*: У нас, где личность ограждена цензурою, естественно нашли косвенный путь для личной сатиры именно *обиняки*. *Ж*₁ 168.3. <...> 2. *Осуществляемый самим лично* (3): После Ревеля и Пернау князь Меншиков, не найдя Выборга достойным своего личного присутствия, отрядил к оному генерал-лейтенанта Брекольса. *ЗМ* 300.21. Отец мой получает орден по личному ходатайству А. В. С**<уворова>. *Ж*₁ 190.4. 3. *Свойственный именно данному лицу, касающийся только данного лица, лиц* (7): Критик сильно и остроумно доказывает преимущественную пользу немецких философов на тех из наших писателей, которые, не отличаясь личным дарованием, тем яснее показывают достоинство чужого, ими приобретенного. *Ж*₁ 106.30. Покамест мы будем [удерживаться] руководствоваться личными нашими отношениями, критики у нас не будет. *Пс* 175.82. На Испанию родную Призвал мавра Юлиан. Граф за личную обиду Мстить решился королю. *С*₃ 238.3. Ночуя в одной комнате с человеком, коего мог он почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. *Д* 203.1.

Наконец, весьма значимо в рассматриваемом контексте использование в пушкинских сочинениях местоимения «сам», указывающего на целенаправленный и самостоятельный характер действий человека.

САМ (818). 1. *Указывает на лицо, являющееся лично, непосредственно источником или объектом действия или носителем признака* (610): Ночью Карл, сам осматривая наш лагерь, наехал на казаков, сидевших у огня. *П Прим.* 31.1. Скажи, чтоб поспешила Она спасти меня, друзей бы упросила, Иль даже бы пошла к наместнику сама'. *А I* 86. Я тебе моего француза не выдам, покаместь сам не разберу дела. *Д* 206.18. В 1826 г. государь император изволил объявить мне, что ему угодно быть самому моим цензором. *Д/б* 20.4. Вы са'ми знаете давно, Что вас любить немудрено. *С₃* 96.5. Горе! малый я не сильный; Съест упырь меня совсем, Если сам земли могильной Я с молитвою не съем. *ЗС* 13.15. Пчела ужалила медведя в лоб. Она за соты мстить обидчику желала; Но что же? Умерла сама', лишившись жала. *С₃* К 300.15. Лежу, не слышу ничего, Смекая: обману его! Но сам жестоко обманулся. *РЛ* III 441. | сам себя (сам себе, сам собой *и т. п.*): Евгений Наедине с своей душой Был недоволен сам собой; *ЕО* VI 9.14. Теперь поэт говорит сам от себя не по вымыслу Бояню, по былинам сего времени. *Ж₂* 152.3. Альбер: Что? что ты говоришь, я тебя не понял? Франц: Так, я думал сам про себя. *РВ* 224.8. | самого себя (самому себе, самим собой *и т. п.*): Старик. Послушай: расскажу тебе Я повесть о само'м себе. *Ц* 371. Трудов напрасно не губя, Любите самого' себя, Достопочтенный мой читатель! *ЕО* IV 22.11. <...> || *Указывает, что данное лицо является носителем признака или исполнителем действия подобно другим лицам*: Дитя сама', в толпе детей Играть и прыгать не хотела. *ЕО* II 25.11. Ты теперь сам начальник; сам требуешь повиновения от своих. *КД* 332.39 bis. Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа, и если наши меценаты (чорт их побери!) этого не знают, то тем хуже для них. *ЕН* 266.7.2. *По собственной воле, почину, желанию, без чьего-н. побуждения, принуждения* (34). Земфира: Я разбужу его... Старик: Напрасно, Ночного духа не гони – Уйдет и сам... *Ц* 322. Пушкин: Басманов сам с раскаяньем усердным Свои полки привел ему к присяге. *БГ* XXII 10. Ведь рифмы запросто со мной живут; Две придут са'ми, третью приведут. *ДК* 8. Полагая, что Вы заблагорассудите сами потребовать меня, до сих пор я Вас не беспокоил. *Пс* 334.5. Кокетничать я сам тебе позволил, но читать о том лист кругом подробного описания вовсе мне не нужно. *Пс* 988.14. <...> 3. *Самостоятельно, без посторонней помощи* (6). Мартын: Как минуло мне четырнадцать лет, покойный отец дал мне два крейцера в руку, да два пинка в гузно, да примолвил: ступай-ка, Мартын, сам кормиться, а мне и без тебя тяжело. *РВ* 215.11. Солдаты хотели было приподнять Кирджали, но он встал сам. *К* 258.29. Приехав домой, она спешила отослать заспанную девку, нехотя предлагавшую ей свою услугу, сказала, что разденется сама, и с трепетом вошла к себе,

надеясь найти там Германна. ПД 243.8. 4. *Употребляется при сущ., означающем лицо, в знач., близком к «не кто иной как» или «даже», подчёркивая особую важность, значительность этого лица* (117): Исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский. Д 206.14. Где тебе тягаться со мною, Со мною, с самим Балдою? Б 96. А стихотворец... с кем же равен он? Он Тамерлан иль сам Наполеон. ДК 40. Лиза, его смуглая Лиза, набелена была по уши, насурмлена пуше самой мисс Жаксон; БК 120.2. || *Употребляется для выделения лица, важного в каком-н. отношении, из числа других лиц, упоминаемых в том же контексте: Но какое разнообразие! Гусар, Эда и сам поэт, всякой говорит по своему.* Пс 246.23. Раненый Елагин и сам Биллов оборонялись отчаянно. ИП 19.21. Но может быть сам Радищев не понял всей важности своих безумных заблуждений. Ж₂ 33.3. 5. *Употребляется в знач., близком к частице «именно»* (4): — «А сказывал он вам имя этого повесы?» — «Нет, ваше сиятельство, не сказывал... Ах! ваше сиятельство, продолжал я, догадываясь об истине, извините...я не знал... уж не вы ли?...» — «Я сам», — отвечал граф. В 73.12. — Кто этот Валериан? — спросил встревоженный старик. — Неужели тот сирота, стрелецкий сын, что воспитывался у тебя в доме? — Он сам, — отвечал Гаврила Афанасьевич АП 26.29. Русалка: — Он нам близок, Он твой отец. Дочь: Тот самый, что тебя Покинул и на женщине женился? Русалка: Он сам; Р V 24. () В соч. (47). а) сам большой (*независим, самостоятелен*): Мой идеал теперь — хозяйка, Мои желанья — покой, *Да щей горшок, да сам большой.* ЕО Пут.9.14; <...> 1) *Самостоятельно, независимо от другого или других*: желаем, чтоб оба журнала друг другу не старались вредить, а действовали каждый сам по себе для пользы общей и для удовольствия жадно читающей публики. Ж₂ 97.5; *При противопоставлении или сопоставлении кого-, чего-н.* [в знач. сказ.]: Микита кузнец и сказал ему: и полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей, Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы божи да государевы; Д 174.26 bis.

Таким образом, факты использования составляющих лексико-семантического поля «личность» в творчестве А.С. Пушкина подтверждают тезис о том, что становление понятия «личность» в русском языке и русской культуре во многом связано с влиянием Пушкина. Великому русскому поэту удалось воспринять все многообразие смыслов, связанных с этим понятием в истории русского языка и в современную ему эпоху, и гениально воплотить их в своих сочинениях.

Примечания

1. Виноградов В. В. Личность // История слов. Рос. акад. наук. Отд. лит-ры и языка. Ин-т рус. языка им. В. В. Виноградова РАН; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1999. С. 271.
2. Там же. С. 272.
3. Там же. С. 273.
4. Там же.
5. Там же. С. 276.
6. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1970. С. 518.
7. Там же. С. 566.
8. Цит. по: Виноградов В. В. Указ. соч. С. 277.
9. Словарь языка Пушкина: в 4 т. / отв. ред. В. В. Виноградов; РАН. Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 2-е изд., доп. М., 2000.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ КАК ЭЛЕМЕНТ ПОРТРЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПЕРСОНАЖА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.С.ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»)

В. В. Катермина,

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Имена собственные (ИС) обладают определенной актуализацией в любом художественном тексте, то есть они всегда что-то «говорят». Как справедливо заметил Ю. Тынянов, «в художественном произведении нет неговорящих имен. В художественном произведении нет незнакомых имен. Все имена говорят. Каждое имя, названное в произведении, есть уже обозначение, играющее всеми красками, на которые только оно способно. Оно с максимальной силой развивает оттенки, мимо которых мы проходим в жизни» [1]. Передачей коннотативных смыслов они выполняют свои *художественные функции*. Имя может сравниваться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации ИС в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции).

Одним из приемов проникновения во внутренний мир человека может служить этимология имени, являющаяся внутренней формой самого имени. Данный эффект проявляется в соответствии либо несоответствии этимологии имени и образа персонажа. В некоторых случаях имя получает дополнительный смысл, который еще лучше помогает нам понять внутренний мир героя.

Определенный намек на внутренний мир персонажа содержится в этимологическом значении обычных индивидуально-личных имен.

Так, например, этимология имени *Василиса* — *греч. царица, жена правителя, царя*, раскрывает характер Василисы Егоровны Мироновой: ... да все равно, батюшка, я (Василиса Егоровна) его хозяйка. Прошу любить и жаловать...

— Василиса Егоровна прехрабрая дама, — заметил важно Швабрин.

Имя *Пётр* (*греч. камень*) ассоциируется в сознании читателя с человеком, имеющим непоколебимые нравственные устои:

...Только не трейбуй того, что противно чести моей и христианской совести...

Я (Петр Гринёв) отвечал с негодованием, что я, как офицер и дворянин, ни в какую службу к Пугачёву вступить и никаких поручений от него принять не мог.

Давая персонажу имя, писатель учитывает характер, внешний и внутренний мир своего героя. Личное имя собственное входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения. Иногда автор не всегда осознанно вводит то или иное имя, но оно может сказать «больше, чем задумал писатель» [2].

«Имя нежное» *Мария*, встречающееся и в других произведениях А. С. Пушкина (см. «Бахчисарайский фонтан», «Полтава», «Метель», «Выстрел», «Дубровский»), безусловно, знак не только общекультурного языкового выбора, но и следствие особого авторского отношения к имени, ассоциативно связанного для самого писателя с лучшими женскими чертами (нет ни одной отрицательной характеристики у пушкинских Марий — все добры, верны, любящи).

Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики. Подобная зависимость выражается в том, что «как в выборе существующих, так и в создании новых фамильных имен автор руководствуется исторически сложившимися структурными и этимологическими моделями имен, социальными, национальными и диалектными особенностями их употребления» [3].

В языковом сознании образованных носителей русского языка XIX века присутствовал список имен, воспринимаемых как простонародные, в них словно бы образно воплотилась тяжелая и грубая российская действительность — социальный статус героев показан при помощи уменьшительно-ласкательных/презрительных суффиксов: *прачка Палашка, коровница Акулька*.

Особо стоит отметить вариант номинации крестьян по отчеству — *дядька Савельич*, что указывает на особый тип простого русского челове-

ка – мудрого, художественно одаренного (не случайно именно Савельич точно находит пословичные характеристики житейских ситуаций).

Результаты исследования имен собственных в художественном тексте подтверждают имеющиеся в науке следующие данные.

1. Отбор имен собственных для персонажей в художественном тексте всегда произволен (исключение составляют исторические и хроникально-документальные произведения, хотя и в них возможно существование вымышленных имен), то есть свидетельствует об определенных пристрастиях – языковых, несобственно языковых и неязыковых – автора.

2. Имя в художественном тексте, в силу антропоцентричности последнего, значимая деталь в создании образа, который творится в целом тексте и составляет основное его содержание. Поэтому речевое воплощение художественного образа является текстообразующим фактором, лингвистическое изучение которого в настоящее время может стать одной из новых и чрезвычайно важных задач лингвистического анализа художественного произведения.

3. Имя собственное выполняет не только функции номинативную, апеллятивную, но и функцию социальной маркировки, отражает характерные для данного времени нормы межличностных взаимоотношений, то есть выбор имени позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических, общекультурных, групповых и индивидуально-специфических свойств языковой личности «номинатора».

4. В художественном тексте, кроме собственного его ономастико-на, входят и имена из других текстов, а также имена-знаки культурного «вертикального контекста», концептуализировавшиеся в истории мировой и/или национальной культуры либо в данном тексте, причем автор может использовать как «концепты-штампы», так и «видоизмененные» концепты, вступающие в сложные отношения с привычно существующими в сознании массы носителей языка концептуальными представлениями о данных личностях [4].

Примечания

1. Тынянов Ю. Архаисты и новаторы. М., 1929.
2. Магазаник Э.Б. Ономапозитика или «говорящие имена» в литературе. Ташкент, 1978.
3. Шетинин Л. М. Слова, имена, вещи. Ростов н/Д., 1966.
4. Исаева Л.А., Катермина В. В. Языковая личность А.С. Пушкина: особенности проявления в номинации персонажей // Поэтика русской литературы (Пушкинская эпоха. Серебряный век). Краснодар, 1999. С. 45 – 53.

«СТАРИННЫЕ ЛЮДИ» В ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Л. К. Алахвердиева,

*Ростовский государственный строительный университет,
г. Ростов-на-Дону*

Главные события повести разворачиваются в Белогорской крепости, где проверяется не только крепость оружия, но и крепость характеров. Характеры молодых героев «Капитанской дочки» складывались в семье, доме, крепком своими традициями, нравственными устоями. Для представителей дворянства долгом было верное и честное служение Царю и Отечеству. И потому своего сына Андрей Петрович Гринёв напутствует словами, главными для него в жизни: «служить верно», за лаской начальников «не гоняться», помнить пословицу: «береги платье снову, а честь смолоду». «Береги честь смолоду» — эти слова можно отнести к каждому из членов семьи капитана Миронова и семьи Гринёвых.

Удивительно похожи старики Гринёв и Миронов, много послужившие стране: Андрей Петрович Гринёв хочет, чтобы сын служил не в столице, а в отдаленной крепости в зоне военных действий, чтобы «понюхал пороху», «потянул лямку» и стал настоящим солдатом, продолжателем семейных традиций. В крепости Гринёв видит настоящий пример того, что значит служить Отечеству не за честь, а за совесть. Этим образцом стал для молодого военного капитан Миронов, вышедший в офицеры из солдатских детей и получивший офицерский чин за безупречную службу и исключительную храбрость. Капитан исполнил свой долг — постоял «за матушку государыню», доказал свою верность присяге: перед виселицей, когда Пугачёв грозно обращается к старому офицеру, тот, собрав последние силы, изнемогая от раны, но твердым голосом отвечает: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь, ты!» Казнь свершилась, примеру доблестного капитана последовал его верный помощник Иван Игнатъич. Готов повторить слова своего командира и Гринёв.

Судьбы Андрея Петровича Гринёва и Ивана Кузьмича Миронова не похожи. Один дослужился до чина премьер-майора, вышел в отставку и спокойно дожил свой век в деревне, окруженный семьей и внуками. Другой погиб, сражаясь против Пугачёва. Но мы понимаем, что если бы на месте Миронова оказался Андрей Петрович, долг также был бы исполнен. Слова отца, напутствующие Петрушу, — не пустой звук, а жизненная позиция.

Встреча Гринёва со «старинными людьми» Белогорской крепости и любовь героя к дочери капитана Миронова укрепили то чистое в характере Петруши, что было заложено отцом. Семья капитана стала для героя той крепостью, ограждающей его от бесчестных поступков. Так, поступки Василисы Егоровны проистекают из евангельского определения христианского брака. Сама Василиса Егоровна следующим образом объясняет свое активное участие в служебных обязанностях мужа: «Ах! мой батюшка! Да разве муж и жена не один дух и едина плоть?» «Един дух и едина плоть» — на этом духовном основании выстраивается семейный дом капитана Миронова. Отсюда — жертвенность и бесстрашие Василисы Егоровны, верность супружескому долгу до смертной минуты. Иван Кузьмич Миронов и его супруга Василиса Егоровна, и их друг дома, кривой поручик Иван Игнатьевич — все они, действительно, старинные люди. Слово «старинные» включает в себе мудрость эпохи, честность, все более вытесняемую последующими столетиями.

Таким образом, пушкинские страницы открывают простое величие простых людей, светлые и благородные характеры, которые поражали воображение поэта. «Что же вы, детушки, стоите, умирать, так умирать, дело служивое», — восклицает Иван Кузьмич. В последние минуты своей жизни бесхитрость и кротость, а вместе с тем и мужественность благородной души проявляет капитан Миронов. Это и есть простота и величие духа.

В повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» содержится совет всем: оберегайте и охраняйте то наследие, которое передавалось нам из поколения в поколение, то самое наследие, которое много лет ценили и уважали наши предки, бережно относившиеся к тому, что им передали с раннего детства родители. Именно история, оставленная нашими предками, является хранилищем драгоценных сведений, из которого мы можем черпать огромное количество интереснейшей информации о прошлом, о традициях, нравственных устоях, лучшими из которых являются верность семье и Отечеству.

СТРУКТУРНАЯ ТИПОЛОГИЯ ПОРТРЕТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Л. В. Дюсупова,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Среди всех прозаических произведений А. С. Пушкина повесть «Капитанская дочка», на первый взгляд, одно из самых простых и вместе с тем самых загадочных. Вот уже на протяжении двух веков она остается неиссякаемым источником вдохновения для всех ее читателей. При этом каждое новое поколение прочитывает эту повесть по-своему, в зависимости от новых нравственных представлений и ценностных ориентаций.

О том, что такие основополагающие понятия истории общества, как «справедливость», «добро», «Бог», «душа» изменяют свое содержание в зависимости от социальных условий, говорил в свое время известный французский социолог Поль Лафарг, и в наше время, на рубеже двух веков, мы можем наблюдать изменение сущности этих понятий в связи с преобразованием духовных и культурологических ориентаций. Однако именно эти категории, а именно «справедливость», «добро», «душа», «Бог», оказываются основополагающими и в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Особенно ярко они проявляются в портретных характеристиках персонажей.

Традиционная структура портрета, как в живописи, так и в литературном произведении, предполагает описание таких привычных при восприятии внешности категорий, как овал лица, глаза, губы, взгляд и цвет волос и т.п., эти категории обогащаются в русской литературе XIX века их психологической наполненностью, стремлением связать внешние черты характера с духовным миром героя.

Структурный подход к анализу литературного произведения возникает только в начале XX века, в тот период, когда достижения в естественных науках позволили понять, что все явления, доступные наблюдению, могут быть разложены на элементарные составляющие. Элементы какого-либо явления, взаимодействуя определенным образом, создают единое целое, и значимость одного элемента определяется одновременным наличием прочих.

Хотя повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» написана задолго до того, как в лингвистике и литературоведении развиваются структуралистские и методы, тем не менее принципы построения портретных характеристик в этом произведении удивительным образом предвосхищают возникновение типологических приемов описания внешности человека.

При внимательном сопоставлении портретных характеристик таких разных персонажей повести, как Емельян Пугачёв и Екатерина II, Пётр Гринёв и Швабрин, можно увидеть, насколько близки они типологически. Типологическое сходство портретов проявляется вне зависимости от образа, который создает автор, они не зависят от отношения автора к тому или иному герою.

Сравним портрет Емельяна Пугачёва и портрет императрицы Екатерины. Портрет Е. Пугачёва: «Я взглянул на полати и увидел черную бороду и два сверкающих глаза ... мужик слез с полатей. Наружность его показалась мне замечательной: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали, лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары...» [1].

Портрет императрицы Екатерины: «Она была в белом утреннем платье, в ночном чепце и в душегрейке. Ей казалось лет сорок. Лицо её, полное и румяное, выражало важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую» [2].

И в том и в другом портрете можно обнаружить определенное структурное тождество. Сначала автор выражает собственную оценку личности, затем сообщает о возрасте героя, о его фигуре, описывает лицо, глаза, затем уже переходит к одежде. При этом повтор таких элементов портрета, как цвет волос, глаза, общее впечатление усиливает эмоциональную окраску портрета, способствует появлению у читателя определенного отношения к данному человеку.

По мнению Ю. М. Лотмана, одного из создателей школы структурализма в отечественном литературоведении, «ни в одном из жанров искусства точка зрения не может быть выражена с такой нравственной силой, как в портрете» [3].

Портрет, по наблюдениям Ю. М. Лотмана, всегда обладает формальной способностью быть знаком сходства. Понятие сходства предполагает выделение того признака, который составляет основу доминанты. Так, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» такими доминирующими признаками в портрете любого персонажа оказываются возраст, овал лица, глаза, волосы.

С другой стороны, портрет в художественном произведении всегда выделяет те черты личности человека, которые представляются наиболее значимыми, связанными не только с внешним, но и с духовным миром человека.

Вместе с тем художественный портрет (в живописи или в литературе) всегда динамичен, что обнаруживается при сравнении его с фото-

графией. «Время портрета динамично, его «настоящее» всегда полно памяти о предшествующем и предсказанием будущего» [4].

Вероятно, поэтому в портретах Пугачёва, представленных на страницах «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, преобладают мрачные, темные, зловещие черты, а в портретах Екатерины II доминируют светлые, оптимистические тона.

Несмотря на то, что Емельян Пугачёв и императрица Екатерина II — это явные антиподы, портреты их оказываются типологически тождественными, изоморфными.

Таким образом, портрет является не только способом запечатлеть внешность того или другого лица, но прежде всего отпечатком культурного языка эпохи и личности его создателя. При этом выбор типа портрета того или иного человека определяется тем культурным стереотипом, с которым связывается изображаемое лицо. Так, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» одна из ярких портретных характеристик представлена в описании внешности одного из сподвижников Емельяна Пугачёва, Хлопуши: «Никогда не забуду его товарища. Он был высокого роста, дороден и широкоплеч и показался мне лет сорока пяти. Густая рыжая борода, серые сверкающие глаза, нос без ноздрей и красноватые пятна на лбу и на щеках придавали его рябому широкому лицу выражение неизъяснимое. Он был в красной рубахе, в киргизском халате и в казацких шароварах».

Любопытно, что принципы описания внешности человека, т.е. его портретные характеристики, сохраняются в повести А. С. Пушкина по отношению к большинству его персонажей. Так, «комендант, старик бодрый и высокого росту, в колпаке и китайчатом халате». Или Маша — «девушка лет осьмнадцати, круглолицая, румяная, с светло русыми волосами, гладко зачесанными за уши, которые у нее так и горели».

Таким образом, среди доминирующих в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» принципов описания внешности человека отчетливо обнаруживаются следующие свойства: возраст, рост, фигура, волосы, глаза, одежда, но над всеми этими характеристиками преобладает оценка героя автором, которая неизменно проявляется в том впечатлении, которое человек производит на автора повествования.

Известно, что живопись XVIII века утвердила два стереотипа портрета — официальный государственный, торжественный и повседневный, бытовой. Примером торжественных портретов могут служить произведения Дмитрия Григорьевича Левицкого, а образцовые бытовые портреты представлены в живописи Владимира Лукича Боровиковского.

Мастерство А. С. Пушкина, его гениальное всевидение проявилось в повести «Капитанская дочка» еще и в том, что в этом произведении представлены одновременно два типа портретов – и торжественный, и бытовой.

Так, в портретной характеристике императрицы Екатерины II благодаря гению А. С. Пушкина объединяются две тенденции: и торжественное воспроизведение величественного облика государыни, и представление о реально существующей женщине.

«Пушкин в «Капитанской дочке» подсветил свой образ Екатерины II двумя лучами: один отсылал человека к торжественным портретам Левицкого, другой – к связанному с просветительской концепцией власти (государь – человек) портрету Боровиковского. Литературный образ, созданный А. С. Пушкиным, колеблется между двумя живописными портретными концепциями Екатерины: персонификацией мощи государственного разума и воплощением гуманной человечности монарха эпохи Просвещения» [5].

Исследование портретных характеристик, представленных в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», позволяет заключить, что в каждом из портретов обнаруживаются структурное тождество, определенный изоморфизм в подходе к описанию внешности человека, при котором главное место занимает впечатление от его внешности, затем определяется возраст человека, а после этого характеризуется его облик (глаза, волосы, взгляд, одежда), и все это вместе позволяет представить данный персонаж во всей его неповторимости, в его своеобразии и вместе с тем в его принадлежности к лицам данной эпохи.

Примечания

- 1 Пушкин. А. С. Собр. соч. в 3-х т. Т. III. М., 1987. С. 243.
2. Там же. С. 319.
3. Лотман Ю. М. Портрет. Статьи по семиотике культуры и искусства. Спб., 2002. С. 2002 – 275.
4. Там же.
5. Там же.

ПОЕДИНОК ХАРАКТЕРОВ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» (ОБРАЗЫ ГРИНЁВА И ШВАБРИНА)

Ализада Мохаммад Шах,
г. Кабул, Афганистан

Повесть А. С. Пушкина, равная роману по описываемым историческим событиям и жизненным ситуациям в судьбе героев, привлекает не только с точки зрения языка и стиля, но и поднятыми в ней вечными проблемами противостояния сил и характеров.

Пётр Гринёв и Алексей Швабрин – духовные дуэлянты, две стороны человеческого характера, которые проявлялись и в мирные, и в полные испытаний моменты жизни. Пётр Андреевич, сын симбирского помещика, много лет безвыездно живущего в своем имении, и бедной дворянки, рос и воспитывался в обстановке простонародной жизни. Добросердечие, искренность, совестливость, родственно-благожелательное отношение к родным и окружающим, верность долгу – все это впитал пушкинский герой в семье. Именно верность воинской присяге и чувство милого его сердцу дома помогают ему с честью выходить из самых трудных ситуаций.

Открытость и благожелательность Гринёва обезоруживают всех. Трудно представить его в конфликтной ситуации с кем-либо. Нравственное начало, заложенное в семье, хранит его от компромиссов, даже во имя собственной жизни. Он не отступает от велений долга и чести: отказывается от присяги Пугачёву, защищает честь Маши, идя на поединок со Швабриным. Этот поединок длится на протяжении всей повести. «Швабрин Алексей Иванович вот уже пятый год» переведен в Белогорскую крепость «за смертоубийство», и «человеческого лица», в отличие от Гринёва, он не увидел ни в ком. Постепенно Гринёву все меньше нравилось общение с ним, ему были неприятны шутки в адрес семьи коменданта и Маши. Для Гринёва было противоестественно издеваться над всеми и над всем. Назревал конфликт. Гринёв называет мерзавца мерзавцем и готов ответить за свои слова. Разница лишь в том, что Гринёв вступает за честь девушки, а Швабрин жаждет крови за нанесенное ему оскорбление. «Злоречие» Швабрина в адрес дочери коменданта подло вдвойне, так как он в свое время сватался и получил отказ. В дуэльном поединке за свою честь Швабрин бесчестно нарушает дуэльный кодекс: ранит Гринёва, воспользовавшись тем, что он отвлекся. Не ведая законов чести, он сообщает семье Гринёва о состоявшемся поединке.

Полярные жизненные позиции пушкинских героев особенно контрастны в момент появления в крепости Пугачёва и жесткой его расправы с ее защитниками: Швабрин, «обстриженный в кружок и в казачком кафтане», примкнувший к мятежникам, и Гринёв, предпочитающий «лютую казнь подлому унижению». Плюнуть да поцеловать руку у злодея, как советовали вокруг, он не может. «Малодушием непросительным» ему кажется признать «бродягу государем». На землю падали головы и тела людей, с которыми Гринёв служил в Белогорской крепости. Но у него нет суетного страха за свою жизнь на фоне такой человеческой трагедии. Уйдя от смерти, он еще не однажды пойдет ей навстречу, пытаясь спасти дочь коменданта. Отстаивая свое право на счастье, Гринёв совершает отчаянный поступок: во время предпринятой им самовольной поездки в «мятежную слободу» он не только рискует быть схваченным пугачёвцами, но ставит на карту карьеру, благополучие, доброе имя, честь. У Гринёва одно оружие – правда и искренность. Именно искренность и поразила Пугачёва. Пётр Гринёв не лжет, он спокоен, все правильно в его душе.

Нравственный поединок продолжается. Во время суда, снова рискуя жизнью, Гринёв не считает возможным назвать имя Маши Мироновой, справедливо опасаясь, что она будет подвергнута унижительному допросу, а Швабрин предает ее, понимая, что этим подвергает опасности, сообщая Пугачёву, что она дочь коменданта. Худым, бледным, совершенно поседевшим предстает Швабрин в последней главе повести. Злоба, заполнившая его сердце, сделала его неузнаваемым. Спокойно смотрел на Швабрина Гринёв. Им была одержана нравственная победа.

Многому можно поучиться у Петра Гринёва, отправленного отцом на военную службу вместо столичной гвардии в оренбургские степи в 17 лет. Были ли в жизни пушкинского героя искушения? Были, но чувство стыда, совесть не позволили ему превратиться в Швабрина, циника, выбирающего то, что ему в данный момент выгодно.

Таким образом, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина значительное место занимают вопросы формирования духовного мира человека в семье и способности распорядиться этим во взрослой жизни.

ОТБРАЖЕНИЕ РУССКОГО НАРОДНОГО СОЗНАНИЯ В ОБРАЗАХ ГЕРОЕВ ПОВЕСТИ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» А. С. ПУШКИНА

Т. А. Хохлова,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

В двадцатые годы XIX века в русской литературной критике начало активно обсуждаться значение национальной компоненты. А. С. Пушкин в статье «О народности в литературе» отмечал, что народность есть «достоинство, которое вполне может быть оценено одними соотечественниками — для других оно или не существует, или даже может показаться пороком» [1]. В этой же статье указаны «параметры» народности, дающие «каждому народу особенную физиономию, которая более или менее отражается в зеркале поэзии»: это, по Пушкину, «климат, образ правления, вера». Различный у каждого народа «образ мыслей и чувствований» по-своему отражается в литературном творчестве. Что же касается русского «образа мыслей», то поздний Пушкин убежден: «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» [2].

Сегодня наиболее актуальной трактовкой «Капитанской дочки» А. С. Пушкина является трактовка Ю. М. Лотмана в его работе «Идейная структура «Капитанской дочки». Согласно его прочтению, «вся художественная ткань «Капитанской дочки» отчетливо распадается на два идейно-стилистических пласта, подчиненных изображению двух миров: дворянского и крестьянского» [3]. Пушкинская мысль понимается таким образом, что «народ и дворянская интеллигенция («старинные дворяне») выступают как естественные союзники в борьбе за свободу. Их противник — самодержавие, опирающееся на чиновников и созданную самодержавным произволом псевдоаристократию, «новую знать»» [4]. Однако, по мнению Лотмана, «социальное примирение сторон (в пушкинской повести. — Т.Х.) исключено. В трагической борьбе обе стороны имеют свою классовую правду» [5].

Вопрос о единстве русского мира при таком подходе не может быть не только осмыслен, но и корректно поставлен. По-видимому, авторскую позицию следует искать на границе этого взаимодействия сознаний, понимая саму границу как соединяющую, а не разделяющую точки зрения двух сторон — при всем резком своеобразии каждой из них в структуре художественного целого «Капитанской дочки».

Подобное же взаимодействие «дворянского» и «простонародного» усматриваем и в этическом поле пушкинской повести, изображающей единую картину русского мира. Мы, рассматривая произведения

А. С. Пушкина, не должны игнорировать твердого убеждения русского гения в том, что именно «греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». В поэтике Пушкина и воплощаются важнейшие грани русского национального характера; при этом важно не забывать о духовном истоке его «особенности»: православии.

Пушкинское произведение может быть понято как эстетический образец следования православной этике. Существенно, что в этот характерный для русского менталитета этический ореол попадают *практически все пушкинские персонажи*. Так, Пётр Гринёв, который принципиально «чувствовал, что любовь моя не слишком его (отца. — Т.Х.) тронет и что он будет на нее смотреть, как на блажь молодого человека» (отец видит в этой «романтической» любви «проказы», за которые виновника надлежит «проучить <...> путем»), после постигших Машу Миронову бедствий «знал, что отец почтет за счастье и вменит себе в обязанность принять дочь заслуженного воина, погибшего за отечество». Удивительно, но христианский этический подтекст такой готовности персонажа, насколько нам известно, никогда не фиксировался в пушкиноведении. Между тем мы видим, что «обязанность» (т.е. долг гостеприимства) непосредственно следует за счастьем принять пострадавшую сироту. За такой готовностью стоит, конечно, *христианское отношение к ближнему* (прямо противоположное меркантильному прагматическому расчету на выгодную женитьбу сына).

Уверенность рассказчика вполне подтверждается: «Марья Ивановна принята была моими родителями с тем искренним радушием, которое отличало людей старого века. Они видели благодать Божию в том, что имели случай приютить и обласкать бедную сироту. <...> Моя любовь уже не казалась батюшке пустой блажью; а матушка только того и желала, чтоб ее Петруша женился на милой капитанской дочке». Ключевым понятием является именно благодать Божия (источник соборного единения), которую люди «старого века» видели в деятельной поддержке наиболее нуждающегося и наиболее слабого поэтому человека: не «обласкать бедную сироту» — значит, поступить противно христианской православной совести.

Существенно, что такое поведение персонажей диктуется не юридическими (правовыми) рамками закона, но имеет совершенно иной подтекст. Мы видим не холуйское заискивание перед богатым и удачливым, а христианскую помощь неимущему и нуждающемуся. Возникает новое — во Христе — благодатное единение людей. Причем оно изображается во вполне реалистическом произведении, а не в нормативном тексте. Таким образом, соборное единение людей не может

быть объяснено в «законнической» системе координат: требуется иная, более сложная научная аксиология для описания этого явления.

Множество совпадений в речевой детализации с гоголевскими «старосветскими помещиками» (искреннее радушие, люди старого века, благодать Божия) свидетельствует о том, что мы описываем не столько индивидуальное явление, свойственное именно и только поэтике Пушкина (или даже поэтике лишь данного произведения), сколько общий православный пласт и фон для всей русской классической литературы, подхватившей христианскую установку древнерусской словесности на воцерковление человека.

В рассматриваемом нами пушкинском тексте даже Пугачёв, хотя и «потрясал государством», но в своем бытовом поведении, как оно представлено в пушкинской повести, пытается вписаться в аксиологию христианской морали: «Кто из моих людей смеет обижать сироту?» – закричал он. «Будь он семи пядей во лбу, а от суда моего не уйдет. Говори: кто виноватый?» Характерно, что в споре «енералов» Пугачёва об участии явившегося из Оренбурга Гринёва, Хлопуша, винясь «в пролитой христианской крови», тем самым духовно покидает ряды безблаготной разбойничьей общности, добавляя при этом: «я губил супротивника, а не гостя». Слова, которыми определяется Хлопуша («угодник», «жалость»), сигнализируют о потенциальном его приобщении к другому, истинному, типу человеческого единения – соборному. Тогда как «товарищ» Хлопуши, которому «бы все душисть да резать» – «старичок в голубой ленте» – выпадает из христианского этического поля в силу того, что он «изменник», подобно другому инородному православной этике персонажу – Швабрину. Именно этот маргинал высказывает удивление сохранившимся в сердце «ссылного преступника, три раза бежавшего из сибирских рудников» островком христианской совести: «Да ты что за угодник?.. У тебя-то откуда жалость взялась?..» Можно сказать, что в этом случае проявляется чрезвычайно существенное для христианского понимания человеческой природы, а также для понимания авторского отношения к герою – надежда и вера в любого человека, хотя бы и живущего вне закона, потенциальная возможность покаяния, пока этот человек жив. Показательна реакция Гринёва: «Не могу изъяснить то, что я чувствовал, расставаясь с этим ужасным человеком (Пугачёвым. – Т.Х.), извергом, злодеем для всех, кроме одного меня... В эту минуту сильное сочувствие влекло меня к нему...»

Не должно удивлять исследователей и читателей и то, что проблема *благословения* является центральной проблемой поэтики «Капитанской дочки». Для эгоцентричного секуляризованного сознания не требуется никакого благословения. Поэтому и этот пласт художественного со-

держания пушкинской повести может быть интерпретирован как одно из проявлений соборного начала. Приведем характерные примеры, свидетельствующие о значимости данного мотива в художественном мире произведения: «Родители мои благословили меня. Батюшка сказал мне: «Прощай Петр. Служи верно, кому присягнешь, <...> и помни пословицу: береги платье снову, а честь смолоду»».

Авторитетность напутственного отцовского слова подкрепляется в данном случае не только отсылкой к народной мудрости, зафиксированной пословицей, но и тем, что авторской волей повторяется — в расширенном варианте — известный эпитаф к повести. Соседство христианского благословения и фольклорного текста чрезвычайно знаменательно: оно выражает глубинную укорененность жизни героев одновременно как в стихии народного (простонародного) космоса, так и в христианском этическом континууме, проявляющемся на уровне бытового поведения. В эпизоде сна Гринёва, в котором тот видит «не-что пророческое», центральное место занимает, как известно, именно благословение. Матушка, обращаясь к «Андрею Петровичу» (в этом эпизоде сна — до того, как герой «устремил глаза <...> на больного» — метаморфоза с «отцом» еще не стала фактом сознания героя и читателя), говорит: «Петруша приехал; он воротился, узнав о твоей болезни; благослови его». Уже после трансформации «больного» в мужика «с черной бородою» и вопроса Гринёва — «с какой стати мне просить благословения у мужика?», матушка произносит: «Все равно, Петруша <...> это твой посаженный отец; поцелуй у него ручку, и пусть он тебя благословит...» Наконец, сам «страшный мужик» «ласково меня (Петра Гринёва. — Т.Х.) кликал, говоря: «Не бойсь, подойди под мое благословение...» Трагическая коллизия, которую пытается разрешить герой («ужас и недоумение овладели мною»), таким образом, имеет в своей основе как раз проблему благословения.

Пётр Гринёв, как мы помним, «решился <...> писать к батюшке <...> прося родительского благословения» взять в жены Машу Миронову, и получив отказ («моего благословения <...> дать я тебе не намерен»), заявляет «я готов на все». В этом месте повести возникает романтический вариант возможного сюжета, для которого взаимная любовь героев является вполне достаточным условием венчания — без благословения. Однако пушкинская героиня отвергает эту возможность: «Бог лучше нашего знает, что нам надобно»; «Покоримся воле Божией»; «Нет... Я не выйду за тебя без благословения твоих родителей. Без их благословения не будет нам счастья»; «Она чувствовала, что судьба ее соединена была с моею. Но она повторила, что не иначе будет моею женой, как с согласия моих родителей. Я ей не противуречил».

Накануне мученической смерти Василиса Егоровна, обращаясь к мужу, говорит: «...В животе и смерти Бог волен: благослови Машу». «Маша <...> подошла к Ивану Кузьмичу, стала на колени и поклонилась ему в землю. Старый комендант перекрестил ее трижды; потом поднял и, поцеловав, сказал ей изменившимся голосом: «Ну, Маша, будь счастлива. Молись Богу: он тебя не оставит»».

Благословение в данном случае соседствует с наказом «молись Богу». Обратимся поэтому к эпизодам повести, связанным с *молитвой*. Оказывается, что молитва, как и благословение, возникает в тексте повести в самых кульминационных, решающих, пороговых ситуациях.

Гринёв перед решающим приступом крепости, прощаясь с Машей, говорит: «Что бы со мной ни было, верь, что последняя моя мысль и последняя молитва будет о тебе!» Он же, ожидая «очереди» на виселицу, сдерживает свое слово: «Мне накинули на шею петлю. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля Его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу».

В ожидании расправы после вылазки в Белогорскую крепость Савельич «крестился, читая про себя молитву». Он же говорит Пугачёву: «Век за тебя буду Бога молить». Казалось бы, эти слова — обычная хитрость Савельича, а потому относиться к ним всерьез решительно невозможно. Однако и Пётр Гринёв более чем серьезно говорит Пугачёву, погубившему незадолго до этого отца и мать его невесты: «Где бы ты ни был и что бы с тобой ни случилось, каждый день будем Бога молить о спасении грешной твоей души». При этом «казалось, суровая душа Пугачёва была тронута».

Будучи под арестом и ожидая суда, Гринёв «не терял присутствия ни бодрости, ни надежды. Я прибегнул к утешению всех скорбящих и, впервые вкусив сладость молитвы, изливаемой из чистого, но растерзанного сердца, спокойно заснул, не заботясь о том, что со мной будет».

В пушкинской повести для спасения Петра Гринёва необходимо *соборное участие* сразу нескольких персонажей, сопровождаемое молитвой матушки героя.

Чрезвычайно важен для адекватного истолкования пушкинской повести тот факт, что понятие чести входит в ту же сферу *благодати*, что и христианская совесть. Так, Андрей Петрович Гринёв говорит о чести своего казненного «прашура», которая понимается им «святынею своей совести». Его сын заявляет Пугачёву: «Только не требуй того, что противоречит чести моей и христианской совести», тем самым неразрывно сопрягая в единстве своей личности «честь» и «христианскую совесть», а также ставя это единство, как и «прашур», превыше жизни

(«...Бог видит, что жизнью моей рад бы я заплатить тебе за то, что ты для меня сделал. Только не требуй...»).

В пушкинской повести понятие чести становится словно бы атрибутом благодати, но не законнического «удовлетворения», поскольку неотделимо от христианской совести.

Таким образом, христианские константы милосердия, сострадания, благословения, молитвы, соборности, чести, благодати и формируют национальное русское сознание героев повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка».

Примечания

1. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 7. М., 1964. С. 39.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Т. 8. М., 1965. С. 130.
3. См.: Лотман Ю. М. Идеинная структура «Капитанской дочки» // Он же. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь: книга для учителя. М., 1988. С. 110.
4. Там же. С. 109.
5. Там же. С. 113.

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТРУКТУРЫ ПОВЕСТИ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Л. В. Иванова,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Текст как речетворческая единица должен обязательно иметь такие признаки, как содержательную (смысловую, семантическую) целостность и структурную связность. Реализуются указанные признаки различными путями. Так, структурная связность и ее специфика у А. С. Пушкина, которые будут охарактеризованы в данной работе, осуществляются, в первую очередь, с помощью межфразовых средств — единиц разных уровней языка (лексического, словообразовательного, морфологического, синтаксического).

1. Среди лексических средств наиболее активным является лексический повтор, который, включаясь в каждый компонент структурно-семантического целого (ССЦ), привлекает внимание к значению слова, к его важности для восприятия контекста, например: «— Ведь Петруша записан в Семеновский полк...(фраза матушки — Л.И.). — Записан! А мне какое дело, что он записан? Петруша в Петербург не поедет... Записан в гвардии! (речь батюшки — Л.И.); Крепости выстрое-

ны были в местах, признанных удобными, населены по большей части казаками, давнишними обладателями яицких берегов. Но яицкие казаки, долженствовавшие охранять спокойствие и безопасность сего края, с некоторого времени были сами для правительства беспокойными и опасными поданными».

Необыкновенно выразительным выглядит у А. С. Пушкина средство реализации родо-видовых связей, ср.: «Я чувствовал в себе великую перемену. Волнение души моей было мне гораздо менее тягостно, нежели то уныние, в котором еще недавно был я погружен. С грустью разлуки сливались во мне и неясные, но сладостные надежды, и нетерпеливое ожидание опасности, и чувство благодарного честолюбия; или: Чтение сего письма (от батюшки – Л.И.) возбудило во мне разные чувствования. Жестокие выражения, на которые батюшка не поспешил, глубоко оскорбили меня. Пренебрежение, с каким он упоминал о Марье Ивановне, казались мне столь же непристойными, как и несправедливыми. Мысль о переведении моем из Белогорской крепости меня ужасала. Но всего более огорчило меня известие о болезни матери. Я негодовал на Савельича, не сомневаясь, что поединок мой стал известен родителям через него; или: Жизнь моя сделалась мне несносна. Я впал в мрачную задумчивость, которую питали одиночество и бездействие. Любовь моя разгоралась в уединении и час от часу становилась мне тягостнее. Я потерял охоту к чтению и словесности. Дух мой упал: я боялся сойти с ума или удариться в распутство».

Отмечено нами в повести ряд случаев использования описательного оборота, своеобразно расширенного синонима: «Эта книга (придворный календарь – Л.И.) имела всегда сильное на него (батюшку – Л.И.) влияние... Матушка, зная наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подалее...»; «Деньги были доставлены Зурину. С беспокойной совестью и с безмолвным раскаянием выехал я из Симбирска, не простясь с моим учителем; Старичок (Иван Игнатьич – Л.И.) своим одиноким глазом поглядывал на меня с любопытством... я удовлетворил его любопытство..., но – продолжал неутомимый вопрошатель».

А. С. Пушкин применяет и средства межфразовой связи синонимов, например: «Известно, что сочинители иногда...ищут благосклонного слушателя. Итак, переписав мою песенку, я отнес ее к Швабрину, который один из всей крепости мог оценить произведения стихотворца; Батюшка у окна читал Придворный календарь, ежегодно им получаемый. Эта книга имела всегда сильное на него влияние...».

Антонимы как средство связи компонентов ССЦ также отмечены в «Капитанской дочке»: «Мысль о скорой разлуке со мной так поразила

матушку, что она уронила ложку в кастрюльку и слезы потекли по ее лицу. Напротив того, трудно описать мое восхищение; И так, все мои блестящие надежды рушились. Вместо веселой петербургской жизни ожидала меня гарнизонная скука в стороне глухой и отдаленной.

Оставшись один, я погрузился в размышления... Долг требовал, чтобы я явился туда, где служба моя могла еще быть полезна отечеству... Но любовь сильно советовала мне оставаться при Марье Ивановне и быть ей защитником и покровителем».

Специфичными в использовании лексических средств А. С. Пушкиным можно считать, во-первых, высокую частотность, повторяемость местоимения Я, что объясняется жанром повести – записками Петра Андреевича Гринёва, ср.: «В ту же ночь приехал я в Симбирск... Я остановился в трактире... соскучась глядеть из окна на грязный переулочек, я пошел бродить по всем комнатам. Вошел в биллиардную, увидел я высокого барина. Он играл с маркером... Я стал смотреть на их игры»; во-вторых, чрезвычайная многоликость палитры тех синонимов и описательных оборотов, которыми характеризуется Пугачёв – как в речи автора, так и в речи многих персонажей повести: разбойник, мошенник, собачий сын, злодей, вор, пьяница, оголелый бестия, бродяга, обманщик, презренный бунтовщик, бездельник, самозванец, ужасный человек, изверг, старый злодей, беглый каторжник.

Эти характеристики проходят через всю повесть, осуществляя прочную структурную спаянность всего текста.

2. Морфологические средства межфразовой связи имеют значительный инвентарь, в повести «Капитанская дочка» их использование также имеет ряд особенностей.

Местоименная замена представлена широко и многообразно: 1) *личными* («Мнение мое было принято чиновниками с явной неблагосклонностью. Они видели в нем опрометчивость и дерзость молодого человека»); 2) *притяжательными* («Швабрин был очень неглуп. Разговор его был остер и занимателен»); 3) *определятельными* («Приближаясь к Оренбургу, увидели мы толпу колодников с обритыми головами. Иные вывозили в тележках сор, наполнявших двор. Другие лопатками копали землю»); 4) *указательными* («Отец мой Андрей Петрович Гринёв в молодости своей служил при графе Минихе и вышел в отставку премьер-майором в 17... году. С тех пор жил он в своей симбирской деревне...»).

В использовании местоименной замены можно отметить такие пушкинские особенности: во-первых, активное употребление притяжательных местоимений ее, его, их; во-вторых, включение в контекст самых различных форм указательных местоимений, в том числе архаичных.

Обращение к видо-временным формам глагола как средству межфразовой связи в творчестве А. С. Пушкина можно назвать идеальным, оно должно служить для всех писателей и поэтов образцом.

Когда автор рисует статистическую картину, все глаголы у него в контексте в одной и той же форме, ср.: «...я стал глядеть в узенькое окошко. Передо мной простиралась печальная степь. Наискось стояло несколько избышек. По улице бродило несколько кур. Старуха, стоя на крыльце с корытом, кликала свиней, которые отвечали ей дружелюбным хрюканьем».

Но когда по сюжету необходима смена картины, своеобразное напряжение действий или подготовка к этому, писатель сразу же меняет видовые формы глаголов, ср.: «Очнувшись, я несколько времени не мог опомниться и не понимал, что со мной сделалось. Я лежал на кровати в незнакомой горнице и чувствовал большую слабость. Передо мной стоял Савельич со свечкою в руках. Кто-то бережно развивал перевязи, которыми грудь и плечи были у меня стянуты (все глаголы несовершенного вида). Мало-помалу мысли мои и прояснились. Я вспомнил свой поединок и догадался, что был ранен. В эту минуту скрипнула дверь... Я хотел оборотиться, но не мог. «Где я? Кто здесь?» — сказал я с усилием. Марья Ивановна подошла к моей кровати и наклонилась ко мне... Савельич ахнул. Радость изобразилась на его лице» (все глаголы совершенного вида).

Наречия как средство межфразовой связи также отмечены в тексте повести. Это могут быть наречия времени: «Он (Швабрин — Л.И.) медленно поднял голову, взглянул на меня и произнес: «Вешать его...и всех... кроме ее». Тотчас толпа злодеев окружила нас и с криком потащила к воротам».

Выделяет А. С. Пушкин и наречия места: «Я бросился вон из комнаты, мигом очутился на улице и опрометью побежал в дом священника, ничего не видя и не чувствуя. Там раздавались крики, хохот и песни: Пугачёв пирувал со своими товарищами».

Еще одно средство связи компонентов контекста достаточно широко представлено в повести — союзы, в основном — но, который формирует своеобразное противопоставление или сопоставление микротем, например: «Несмотря на предсказания, башкирцы не возмущались. Спокойствие царствовало вокруг нашей крепости. Но мир был прерван внезапным междуусобием; Я хотел было продолжать, как начал, и объяснить мою связь с Марьей Ивановной так же искренно, как и все прочее. Но вдруг почувствовал непреодолимое отвращение; Пытка в старину так была укоренена в обычаях судопроизводства, что благодетельный указ, уничтоживший оную, долго оставался без всякого дей-

ствия... Даже и ныне случается мне слышать старых судей, жалеющих об уничтожении варварского обычая».

3. Обращается А. С. Пушкин и к словообразовательным средствам межфразовой связи, вводя в контекст однокоренные слова: «Желание наказать дерзкого злоязычника сделалось во мне сильнее, и я с нетерпением стал ожидать удобного случая. Я дождался недолго; К нам навстречу плыла виселица,... три тела висели на перекладине. Я захотел взглянуть на лица висельников».

Повтор корня, помимо текстообразующей роли, выполняет также роль активизатора внимания к семантике однокоренных слов.

4. Из синтаксических средств связи весьма активно А. С. Пушкин эксплуатирует параллелизм, причем почти всегда одной модели — с прямым порядком слов.

Многие конструкции с параллелизмом могут являться образцом описываемого средства, ср.: «Небо было ясно. Луна сияла. Погода была тихая. Волга неслась ровно и спокойно. Лодка... быстро скользила по темным волнам. Я погрузился в мечты воображения».

К синтаксическим средствам связи относится также анафора. Ее особенностью в повести является то, что нередко единоначатие оформляется местоимениями, чаще других — личными: «Мы отправились далее...мы приближались к городку...Мы были остановлены караульными; Все мнения оказались противными моему. Все чиновники говорили о ненадежности войск, о неверности удачи, об осторожности и тому подобном. Все полагали, что благоразумнее остаться под прикрытием пушек...».

Обобщая вышеприведенные наблюдения, можно еще раз подчеркнуть, что глубочайшее знание А. С. Пушкина русского языка убедительно проявляется и в том, как формируется структура текста — стройно, логично, доказательно.

ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ ПОРТРЕТНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПУГАЧЁВА В РОМАНЕ А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Ян Боян,

г. Шицзячжуан, Китайская Народная Республика

Известно, что содержательная языковая форма художественного произведения «вложена» в его композиционную структуру, взаимодействует с сюжетной линией, расстановкой персонажей, жанровой спецификой, поэтическими приемами изображения действительности.

Одним из средств создания неповторимой художественной структуры произведения является художественная характеристика действующих лиц в произведении. Сущность любого художественного текста, по мнению известного исследователя А. А. Потебни, «в известной гибкости образа...», и на этой основе художественное произведение отличается от научного. Художественной характеристикой образа является и портрет героя. Портрет сочетает описание наружности персонажа: физические и возрастные свойства (черты лица и особенности фигуры, цвет волос), а также те свойства, что сформированы социальной средой и национальными традициями. В портрете могут фиксироваться характерные для персонажа телодвижения и позы, жесты и мимика, выражение лица и глаз. Среди всех других способов изображения портрет отличается особой зрительной наглядностью, он становится первой ступенью на пути постижения внутреннего мира героя. В зависимости от характера литературного направления меняется содержание портрета и место, которое ему уделяется в художественном тексте. На разных этапах литературного развития портрет отличается различной степенью своей типичности и степенью индивидуализации на основе идейного содержания.

Портрет героя в произведении, его описание, как фактора, несущего добавочную информацию о характере самого героя, очевиден. В последнее время литературоведы и лингвисты все больше обращаются к словесному описанию взгляда, глаз героев.

Для писателей-реалистов становится актуальна портретная живопись, изобилующая эпитетами и метафорами. Портреты, созданные в реалистическом стиле, лаконичны и точны. Как правило, подмечается одна или две, но очень важные в смысловом отношении детали, к примеру, волосы, улыбка или глаза.

«Глаза — зеркало души», — истина, закреплённая в сознании многих поколений. М. Булгаков писал: «Глаза — значительная вещь. Вроде барометра. Всё видно, у кого великая суть в душе, кто ни за что, ни про что может ткнуть носком сапога в ребра, а кто и сам всякого боится». Глаза представляют собой самый информационный компонент во внешности человека, они играют существенную роль в искусстве распознавания людей, в глазах отражаются особенности характера, прошлый опыт и даже интеллектуальные возможности человека. Во взгляде может проявляться внутреннее переживание, тончайшие оттенки эмоциональных состояний и мимолетные настроения. По глазам можно судить не только о чувствах человека в данный момент, но и о его душевных качествах. Наверное, поэтому, стремясь к психологической детализации портрета, писатели обращают внимание читателя на глаза своих персонажей.

Примечательны в этом плане портретные характеристики героев романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Большое внимание Пушкин уделяет описанию внешности Емельяна Пугачёва. Особенно привлекают автора глаза бунтаря. А. С. Пушкин пишет, что глаза Пугачёва выдают в нём человека сильного, решительного, не лишённого наблюдательности. Автор характеризует их как «живые», «сверкающие», «ястребиные», «огненные». В них читается многое: смелость, удаля, широта натуры, жестокость. Писатель-реалист А. С. Пушкин несколько раз сообщает читателю о некоторых особенностях портрета своего героя, показывая нам портрет не застывшим, а в развитии. С первых страниц, когда мы встречаемся с описанием внешности Пугачёва, то перед нами возникает следующий портрет: «Наружность мне его показалась замечательна... живые большие глаза так и бегали... Лицо имело выражение довольно приятное, но плутовское». Мы убеждены, что герой не так прост, как может показаться. «Бегающие» глаза, которые, очевидно, и придают плутовское выражение, заставляют Гринёва напряжённо вглядываться в лицо незнакомца, но оно остаётся неразгаданным как для него, так и для читателя. На протяжении всего произведения автор неоднократно обращается к портрету Пугачёва. Для примера можно привести описание портрета Пугачёва в главе «Приступ». Здесь обращает внимание на себя тот факт, что перед нами предстаёт совсем иной Пугачёв, теперь он «царь», военачальник, спаситель простого народа. В его образе появляется нечто сверхъестественное, сказочное. Он похож на героя казачьих песен и былин. С истинно царской широтой он говорит: «Казнить так казнить, миловать так миловать». Сам образ Пугачёва свидетельствует о том, какое представление о царе-батюшке сложилось у народа, перед читателем предстаёт практически лубочная картинка, однако фон для неё весьма противостоит: «Пугачёв сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нём был красивый казачий кафтан, обшитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза». Эпитет «сверкающие» точно определяет саму суть характера Пугачёва. Он сам подобен молнии, вспышке, ни с чем не сравнимой по силе и яркости, но время которой – мгновение. В этом сверкании можно увидеть признак огромной внутренней силы, огня, решительности, азарта, а главное, этот взгляд полон жизни. Он будто предсказывает способность к высоким чувствам, к милосердию и состраданию. Однако во время вынесения смертного приговора автор намеренно не показывает выражение лица и глаз лже-царя, который «мрачно нахмурился и махнул белым платком». Создается впечатление, что Пугачёву трудно смотреть на кого-либо, он прячет глаза. И вновь читатель чувствует, что этот ге-

рой не лишён сострадания, что в его душе есть место сочувствию, и он не в силах равнодушно созерцать, как умирает человек. Чем дальше мы читаем роман, тем больше узнаем Пугачёва, тем более появляются новые черты в портрете Пугачёва. В уста попадьи Акулины Памфиловны автор вкладывает необыкновенно точную характеристику Пугачёва — «ястребиный», хищный взгляд. Двойственность лица Пугачёва подчёркивает его сложную внутреннюю организацию: то выражение его лица приятное и плутовское, то вдруг глаза загораются свирепым огнём. Он заслужил любовь народа своим буйством и удалью, своей мечтой о свободе. А рядом с этим — жестокость, массовые бессмысленные казни, «вором и разбойником» называет его комендант крепости Миронов. В другом эпизоде Гринёв говорит: «Пугачёв смотрел на меня пристально, изредка прищуривал левый глаз с удивительным выражением плутовства и насмешливости». Он опять превращается в весёлого вожака, который спас молодого офицера во время бурана. Пушкинского Пугачёва невозможно презирать, ненавидеть. В его образе есть нечто таинственное, загадочное, его взгляд ощутим физически, он манит и притягивает.

При исследовании описаний глаз в портретной характеристике Пугачёва в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка» возникает вопрос, какие особенности улавливает автор, как соотносится описание глаз героя с описанием всего портрета. В книге «Мой Пушкин» Марина Цветаева обратила внимание на «магическую» внешность Пугачёва, в которую сразу влюбляешься. Чара — в его чёрных глазах, чара — в его опасной ласковости, чара — в напускной важности. И не случайно она говорит о его чёрных глазах. Они сами по себе являются своеобразным символом страстности.

Образ Пугачёва, царя народного, крестьянского, сравнивается с образом Екатерины II на основе тех же портретных характеристик. Какова милость Екатерины, таков и её портрет: «Лицо её полное и румяное, выражающее важность и спокойствие, а голубые глаза и лёгкая улыбка имели прелесть неизъяснимую». Воспитанный в традициях безропотного служения царскому престолу, Гринёв, даже сам не видевший императрицы, не мог представить её иначе, чем как полубожественное существо. Автор вновь обращает внимание на глаза персонажа. Голубые глаза таят обман. Это холодный цвет, который может свидетельствовать о сильной воле, целеустремлённости, спокойствии и постоянстве. Такой взгляд лишён излишней нежности и страстности. Портрет же Пугачёва отличается живостью, реальностью.

Несколько раз можно повторить, что «Глаза — зеркало души». Никто не может возразить и усомниться в правдивости или ложно-

сти данного высказывания. В сознании человека оно давно получило подтверждение. И цвет, и разрез глаз создают целый спектр впечатлений, на основе которых возникает литературный портрет с подобной детализацией. Таким образом, черты внешности литературного героя, в частности глаза, в его портрете теснейшим образом связаны с внутренним миром его переживаний. В соответствии с этим утверждением раскрывается характер и внутренний мир одного из главных героев романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» – Пугачёва.

АНТИТЕЗА КАК КОМПОНЕНТ ИДИОСТИЛЯ А. С. ПУШКИНА В РОМАНЕ «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

О. В. Досковская,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Изучение иностранного языка как мировоззренческого предмета, по нашему убеждению, в числе других гуманитарных дисциплин призвано обеспечивать единство и взаимодействие культуры личности студента и его профессионального мастерства. Для этого на занятиях по иностранному языку очень часто приходится обращаться к произведениям высокохудожественным. Не случайно на занятиях по иностранному языку во время изучения экспрессивных художественных средств, связанных с переводом текстов, нами использовался материал известного произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка», ведь эта повесть написана на оренбургском материале, который позволяет студентам неязыковых факультетов больше узнать о своем родном крае, его истории, народах, его населяющих.

Связывая идейное содержание произведения, студенты наблюдают за художественными особенностями произведения, отмечают простоту и вместе с тем ясность изложения, неповторимость пушкинского слова.

По нашему мнению, работая над художественными средствами на занятиях по иностранному языку, большое место необходимо обратить внимание на такой стилистический прием как антитеза.

Антитеза в переводе с древнегреческого означает противоположение, риторическое противопоставление текста, стилистическая фигура контраста в художественной речи.

Фигура антитезы может служить принципом построения для целых поэтических пьес или отдельных частей художественных произведений в стихах и прозе.

Антитеза применяется как средство усиления выразительности. Антитетический образ (или понятие) может привлекаться для оттенения другого образа, который стоит в центре внимания.

В литературе под антитезой подразумевают художественный приём, предполагающий резко выраженное противопоставление каких-либо понятий или явлений.

Антитеза, по нашему наблюдению, становится одним из ведущих средств в построении произведения А. С. Пушкина «Капитанская дочка». Противопоставление звучит уже в самом названии романа. Ударение как бы падает на слово «дочка», смысл которого настраивает на умиротворяющий лад. Вероятно, это связано с идеей произведения, имеющей философский образ семьи и дома. С другой стороны, звучит и военная тематика в слове «капитанская». Речь идёт о капитанской дочке, Маше Мироновой.

Одна из центральных нравственных проблем романа – проблема чести и бесчестия. Разрешение этого вопроса прослеживается в первую очередь на судьбах Гринёва и Швабрина.

Роман А. С. Пушкина «Капитанская дочка», несмотря на то, что основное действие его развёртывается на небольшом пространстве и в сравнительно короткое время, воссоздаёт сложную картину жизни России XVIII века. Перед нами проходят исторические лица, а также множество вымышленных героев. Но среди них нет случайных, бездейственных фигур. За каждым персонажем стоит определённая общественная сила, так или иначе причастная к изображаемым событиям.

Нам бы хотелось сравнить двух довольно ярких представителей своего времени: Гринёва и Швабрина. Сравнение, как известно, занимает важное место в системе изобразительных средств языка. Оно помогает ярко и точно представить авторское видение описываемых событий и вместе с тем участников данных событий.

Пётр Гринёв – молодой человек, которого отец с детства готовил к военной карьере. Ещё до рождения наследника Андрей Петрович Гринёв, в молодости служивший при графе Минихе и вышедший в отставку в чине премьер-майора, записал Петрушу в Семёновский полк сержантом.

Пётр Гринёв был воспитан в дворянской семье и свято чтит представления о долге и чести офицера.

Швабрин в изображении А. С. Пушкина – типичный представитель «золотой» дворянской молодёжи екатерининского времени. Он исполнен равнодушия и презрения к простым и честным людям, а чувство чести в Швабрине развито очень слабо. Внешняя образованность и блеск соединились в этом человеке с внутренней моральной опусто-

шенностью, потребительским отношением к жизни и к окружающим. Именно в сравнении с этим героем положительные черты Гринёва — честность, порядочность, готовность защищать любимого человека — выглядят очень ярко.

Эти качества особенно заметны в отношении к Маше Мироновой, которой оба героя были увлечены. Из-за этой девушки между Гринёвым и Швабриным произошла дуэль. Швабрин проявил настоящую низость, выкрыв Машу, Гринёв же не пожелал оставить любимую девушку в беде, приехал освободить её, не побоявшись гнева Пугачёва. А. С. Пушкин представил полярное отношение этих героев к объекту любви. Гринёву придаёт любовь смысл его существования. Напротив, Швабрин пытался заставить Машу выйти за него замуж, реализуя свои эгоистичные помыслы. Эта любовная линия предельно важна в философском и психологическом контекстах. Ведь любовь связана со спокойствием, миром и постоянством, что противопоставляется войне, бунту и жестокости. Дуэль описана как результат противоположности не только во взглядах, но и в поступках.

Жизнь не раз сталкивала Петра Гринёва с предводителем крестьянского восстания Емельяном Пугачёвым, но для Гринёва, преданного России и государыне, движение, возглавляемое этим бунтарём, связано было в первую очередь с людьми, отказавшимися от честного труда. Крестьянское восстание он воспринимал как постоянные грабежи, злодейство и насилие.

Как офицер и дворянин, он не мог поступить на службу Пугачёву. По его мнению, любой офицер, нарушивший присягу и дворянский долг — преступник. А Швабрин — наглый эгоист, который стал сторонником Пугачёва не из идейных, а корыстных соображений. Он беспринципный карьерист, бесчестный и коварный.

Воплотив все эти положительные качества в образе дворянина и офицера Петра Гринёва, автор утверждает свою любимую теорию: старинное «коренное» дворянство, там много сделавшее для создания Русского государства, оттеснённое от власти, разочаровавшееся, тем не менее сохраняет в себе лучшие сословные свойства.

В образе же Швабрина А. С. Пушкин воплотил черты полностью противоположные, тем самым показывая, что «новая знать», которая приобрела политическую и экономическую власть, лишена благородства, совести, чести и любви к родине.

Известно, что литературное наследие Александра Сергеевича Пушкина настолько велико, что нам хотелось бы предложить студентам работу над художественным переводом данного романа.

Перевод дает возможность найти нужное слово из синонимического, антонимического и омонимического рядов.

Так как в основу нашего исследования положен такой компонент идиостиля писателя как антитеза, то, на наш взгляд, было бы интересно провести сравнение употребления антонимов в русском и английских языках.

Для работы на занятиях нами использовались два персонажа романа – Гринёв и Швабрин – с их чертами характера и поступками.

Далее нами приводятся антонимы отдельных слов, словосочетаний, идиом с переводом на английский язык. Это можно отразить в следующей схеме.

Гринёв	Швабрин
1. честность (honesty)	1. низость (dishonesty)
2. сочувствие (sympathy)	2. равнодушие (indifference)
3. порядочность (decency)	3. бесчестие (disgrace)
4. готовность защищать (readiness to protect)	4. предательство (betrayal)
5. преданность (faithfulness)	5. измена (treachery)
6. благородство (nobility)	6. подлость (meanness)
7. любовь (love)	7. ненависть (hatred)
8. доброта (kindness)	8. злость (malice, fury)
9. радость (joy)	9. разочарование (disappointment)

10. храбрость
(bravery)

10. трусость
(cowardice)

11. счастье
(happiness)

11. горе
(grief)

Decent

Вести себя порядочно – behave decently

Порядочный человек – a decent person

Noble

Благородный порыв – generous impulse

Благородный поступок – noble action

Readiness

Быть готовым к чему-либо – be ready for smth

Выражать готовность – express one's readiness

Love

Любовь к родине – love of /for one's country

Любовь с первого взгляда – love at first sight

Hatred

Ненависть к кому-либо – hatred of smb

Malice / Fury

Говорить со злостью о ком-либо – speak angrily about smb

Меня зло берет – it makes me furious

Sympathy

Сочувствовать чужому горю – sympathy for another's grief

Из сочувствия – out of sympathy for

Не находить сочувствия – meet with no sympathy

Cruelty

Жестокий поступок – act of cruelty

Жестокий человек – a cruel person

Учинить жестокую расправу над кем-либо – deal brutally with smb

Duty

Долг перед родиной – one's duty to one's country

По долгу службы – in one's official capacity

Kind – kindness – kindly

Добрые люди – kindly souls

Добрая слава – good fame

Добрые дела – kindness

Honor

Дело чести – matter of honor

С честью выполнить что-либо – honorably fulfill smth

Это делает вам честь — it does you credit

Honest — honestly

Честные люди — fair — minded people

Честные намерения — honest intentions

Честное имя — a good name

Честное слово! — upon my word!

Полагаем, что данная лексика поможет студентам справиться с переводом отдельных словосочетаний и фраз при работе над романом.

ПУГАЧЁВ И ПОИСКИ ГЕРОЯ ЭПОХИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОТ ПУШКИНА ДО ПЛАТОНОВА)

И. А. Голованов,

Челябинский государственный педагогический университет, г. Челябинск

Традиционный для русской литературы вопрос — о герое времени — не раз решался через обращение к образу предводителя народного бунта Емельяна Пугачёва. Так, в «Капитанской дочке» А. С. Пушкин делает попытку максимально историзованного изображения этого персонажа и с его помощью решает задачу художественного исследования взаимоотношений народа и власти, народа и дворянства. Пугачёв предстает в повести сложным и противоречивым воплощением народных представлений о заступнике и царе.

Позднее, в XX веке, к образу Пугачёва обращается другой русский писатель — Андрей Платонов, в рассказе «Иван Жох» [1]. Платоновский Пугачёв — это совершенно иной, чем у Пушкина образ. Для его воссоздания писатель избирает путь мифологизации, образно-интуитивного осмысления персонажа через традиционные мифо-фольклорные схемы и мотивы.

Отметим, что в 1920-е годы не было необходимости в поисках главной идеи эпохи, она была очевидной: рождение нового мира и человека. Важно было определиться лишь с тем, кто является носителем этой идеи, кто воплотит ее в жизнь? В поисках ответа Платонов осмысляет художественный опыт своих предшественников: А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, М. Е. Салтыкова-Щедрина, изучает наследие отечественных и западных философов: В. Соловьева, Н. Федорова, Н. Бёрдяева, Ф. Ницше, О. Шпенглера и др.

Уже в первых рассказах Платонова очевидна попытка писателя представить *своего* героя. Поиски его будут продолжаться и в дальнейшем. При этом с самого начала в художественном дискурсе Платонова складывается полисемантический и противоречивый тип персонажа, парадоксально соединяющий в себе активное (творец-кудесник, практик-преобразователь) и пассивно-созерцательное («усомнившийся», «сокровенный человек») начала. Крайнюю степень выражения двух этих начал мы обнаруживаем в русском фольклоре: в эпических сюжетах о Емеле (или Иванушке-дурачке) и о Василии Буслаеве. Сказочный Емеля предстает как выражение созерцательного, а былинный Васья Буслаев — активно-деятельностного типа поведения. В русском фольклоре при этом очевидна мысль, что и та, и другая идеи жизнестроения в равной степени присущи русскому народу, что и составляет его сущность и загадку.

Платоновские персонажи по-настоящему становятся понятны тогда, когда мы видим в них русский «извод» общечеловеческих стихий, пороков и страданий. Судьба русского народа такова, что многие из его внутренних сил, возможностей и органических способностей не получили настоящей реализации. Русский человек всегда доверял (и доверяет?) знанию, поэтому находится в постоянном поиске (скитании, странничестве). Отсюда и ключевое противоречие русской личности: быть «соборным», признавать право большинства и одновременно проходить путь «блудного сына». Отсюда склонность разрушить все «до основания», все подвергнуть сомнению (Васья Буслаев). Нет абсолютной истины, нет непререкаемых авторитетов, вплоть до принятия идеи «Бога нет» или даже — «Бог умер». Человеку лишь на определенном этапе жизненного пути (и не обязательно в старости) дано понять, *что* он имеет, наследником *какого* редкого богатства он является.

Таким образом, Платонов стремится преодолеть поверхностное, недостаточно глубокое бытописание. Как он сам отмечал: «Мифы, исторические и современные факты и события, бытовые действия, запечатленная воля к лучшей судьбе, — всё это, изложенное тысячами безмянных, но живых и красных уст, сотнями «сухих», но бесподобных по насыщенности и стилю ведомственных бумаг, будет полуфабрикатами для литератора, так как это всё сделано ненарочно, искренно, бесплатно, нечаянно — и лучше не напишешь: это оптимум, это эквивалент в 100% с жизнью, преломленный и обогащенный девственной душой» [2]. Как известно, читателю нередко открывается лишь поверхностно-фабульная сторона жизни героев, а внутренняя, скрытая, проходит мимо.

Герои платоновских рассказов и повестей 1920-х гг., в числе которых Иван Жох, – полисемантические образы, соединяющие в себе смысловые уровни мифологии, фольклора и литературы. Особенностью словесного дискурса А. Платонова является единство процесса эстетического осмысления действительности, в котором через созерцание, отбор, монтаж писатель приходит к синтезу и художественному открытию. Становится ясным, что нравственные ценности существуют, даже если они не соответствуют реальной действительности. И сверхзадача писателя – создать художественный образ-гештальт *претворенной* реальности.

Воспроизведение традиционных мифо-фольклорных схем и моделей в рассказе Платонова «Иван Жох» не приводит к созданию идеального образа царя – народного заступника. Целый ряд деталей, сюжетных характеристик формирует в сознании читателя ощущение «ложности», «мнимости» героя, его целей и судьбы. Решение Жоха объявить себя государем не было естественным развитием его собственных духовных устремлений, а было связано с потребностью использовать жизненную ситуацию: «Дай, – думал, – я себя жирной жизнью угощу – раз она обнаружилась!» [3].

Введение в текст топонима *Аушин* вольно или невольно обращает читателей к теме «края, предела», странничества и первых русских землепроходцев, к освоению северо-восточных окраин России. Аушин в русской истории – название камчадальского селения, на месте которого в 1740 г. возник Петропавловский острог (ныне Петропавловск-Камчатский). С ним были связаны первые попытки достичь восточного побережья Сибири и Тихого океана. В платоновской версии Аушин уже не «неведомый край земли», продвижение к которому может прибавить доблести и уважения, а важный штрих, подчеркивающий несоответствие ожиданий раскольников, казаков: «герой, открывающий уже давно открытые дали». Этим образом Платонов подводит читателей к мысли, что истинное обретение смысла жизни возможно лишь через обретение сознания.

Есть еще одна «червоточина», связанная с образом Ивана Жоха (за которым стоит исторический Пугачёв). Она открылась во время пребывания героя в раскольничьем Иргизе: «сведущий знахарь, попытав Жоха за живот, почувал, что в пузе у него завелась змея, которая ночью ползает и нахальничает по всему нутру» [4]. Здесь реализован один из традиционных мифо-фольклорных мотивов – мотив змеи / червя, появление которого в творчестве Платонова не случайно. В одной из своих ранних статей писатель утверждает: «человек вышел из червя» [5], и этот тезис явно восходит к библейскому источнику: «Тем менее че-

ловек, [который] есть червь...» (Иов. 25, 6). Очевидно, что в Библии человек сравнивается по своему ничтожеству с червем. Истинная «ничтожность» личности обнаруживается у Ивана Жоха. Другой возможный ход размышлений писателя связан с мотивом наказания героя за послушание, за несправедность дел, с выражением презрения и отвращения к нему, поскольку червь служит образом вечной смерти и вечного мучения (Ис. 66: 24).

Пятая глава повествования продолжает тему противопоставления жизни «мнимой», бессмысленной и смутной с «неимоверной жизнью, цветущей уже второй год» [6]. Эта новая, настоящая жизнь зародилась в Москве после 1917 г. Через север в районе устья Оби пять красно-зеленых партизан решают пробраться в Москву, «к Ленину в соседни». Платонов вновь обращается к мысли о неосознанности своей судьбы героями, заплутавшими в тайге, где «природа не шевелится», а путников окружают «бессмысленные роскошные ландшафты» [7]. Обессиленный герой (как это часто бывает у Платонова) находится между жизнью и смертью и мечтает только об одном: «Как, действительно, хорошо перемешаться с сырой старой землей и застлаться вечным забвением!» [8]. Герои оказываются в ситуации, подобной сказочному инициальному переходу, т.е. умиранию в одном качестве и возрождению в другом. Происходящее с ними можно обозначить как обретение себя (=идентификация): «Утром нас так пробрал холод, что мы сразу стали людьми и вспомнили всю свою биографию» [9].

В сказочной традиции описан эпизод встречи со стариком «в длинной холстинной рубашке и без порток»; в поэтике легенды изображен «каменный вечный невозможный город» [10]. Переправа на лодке, на дно которой поставлены деревянные ведра с сытной пищей, отсылает к похоронному обряду, так же как и «безвозвратное путешествие» к Ледовитому океану. Подобные апелляции к фольклорным универсалиям позволяют автору генерализовать мысль о нереальности, призрачности «надменного и задумчивого» города, напоминающего своей архитектурой ионическую культуру далекого, давно умершего прошлого. В этом легендарном утопическом мире нет женщин (для Платонова женщина-мать — обязательный элемент мира). В рассказе попутчика-проводника Кузьмы Сорокина, оформленном как вставной эпизод, происходит окончательное развенчание утопической идеи раскольников о «далекой земле». Вечный Град-на-Дальней реке стал миром «большого достатка и благополучия», «царством покойного богатства и сытой жизни», т.е. по сути миром мертвых, а не живых. «Наверно, богатство и было настоящей силой, что влекла сюда исконных раскольниковых людей? <...> Все прочее — вера в правильность двуперстного

сложения руки, осьмиконечный крест, борода и другое — было так, лишь для признака дружной хозяйственной жизни» [11].

Кузьма Сорокин, как и Иван Жох, совершает неправильный выбор, он из тех, кому так и не открылся «всеобщий исторический смысл жизни», — отправляется из Вечного Града «через Архангельск на юг, к генералу Деникину! Драться с красными» [12]. Финал жизни Сорокина предопределен: его убил «таманский командир в камере армавирской тюрьмы в 1920 г.» [13]. С этой смертью завершается линия Ивана Жоха и его потомков, последователей — тех, кто жил ложной идеей стремления к достатку и благополучию, поэтому и не смог достичь истины. Игумен Георгий, посвятивший жизнь философским поискам, это всего лишь «случайность, так сказать, жемчужина мечты в том царстве покойного богатства и сытой жизни, что вы прозвали вечным Градом-на-Дальней реке» [14]. Можно предположить, что именно Алексей, от лица которого ведется повествование, должен был стать тем, кому открылось «коренное изменение своей судьбы». Но это, по-видимому, тема другого произведения, романа, который так и не был написан.

Думается, что открытый финал рассказа «Иван Жох» обусловлен не столько незавершенностью замысла автора, сколько непреодолимостью задач, которые стояли перед Платоновым-писателем и мыслителем. Произведения А. Платонова, несмотря на их сюжетную открытость, вполне можно рассматривать как художественно самодостаточные, идейно и содержательно исчерпанные, в связи с наличием в них устойчивого образно-смыслового ядра, проясненностью главной идеи автора, в данном случае — поисками истинного героя времени, что раскрывается в процессе последовательного анализа вербального, мифологического и фольклорного контекстов.

Примечания

1. Голованов И.А. Диалог с А.С. Пушкиным в рассказе А. Платонова «Иван Жох» // Повесть А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко-литературном контексте: Третьи научные Пушкинские чтения: сб. статей / под ред. А.В. Федоровой. Оренбург, 2012. С. 187–192.

2. Платонов А. Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика / сост., коммент. Н.В. Корниенко. М., 2011. С. 49.

3. Платонов А. Иван Жох. Усомнившийся Макар: рассказы 1920-х гг. Стихотворения. М., 2009. С. 72.

4. Там же. С. 70.

5. Платонов А. Чутье правды / сост. В.А. Верин. М., 1990. С. 77.

6. Платонов А. Чутье правды / сост. В.А. Верин. М., 1990. С. 88.

7. Там же. С. 78.

8. Там же.

9. Там же.
10. Там же.
11. Там же. С. 81.
12. Там же.
13. Там же. С. 82.
14. Там же. С. 81.

ИМЯ СОБСТВЕННОЕ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ А.С.ПУШКИНА

В.А. Матяшева,

*соискатель кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета;*

В. В. Катермина,

*доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой
Кубанского государственного университета*

Достаточно распространенное мнение об асемантической природе имени собственного (ИС) не может быть применено в полном объеме к ИС в художественном тексте, в котором в силу его абсолютной антропоцентричности ИС создают особое тематическое поле и выполняют дополнительные смысловые функции [1]. Прагматический потенциал имени связан с его возможностью выступать не только знаком авторского отношения к персонажу и отношений персонажей между собой, но и способностью создавать своего рода «интимное поле» [2].

Давая персонажу имя, писатель учитывает характер, внешний и внутренний мир своего героя. Личное имя собственное входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения.

ИС обладают определенной актуализацией в любом художественном тексте, то есть они всегда что-то «говорят». Передачей коннотативных смыслов они выполняют свои художественные функции. Имя может сравниваться с загадкой, ответ на которую мы получаем, опираясь на общеязыковые и культурно-психологические коннотации ИС в сознании народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции).

Создание реалистичных и художественно убедительных образов литературных персонажей требует от автора соответствия их имен закономерностям национальной ономастики. Подобная зависимость выражается в том, что «как в выборе существующих, так и в создании новых фамильных имен автор руководствуется исторически сложившимися

структурными и этимологическими моделями имен, социальными, национальными и диалектными особенностями их употребления» [3].

На материале произведений А. С. Пушкина обратимся к рассмотрению ономастикона писателя. В данной статье мы рассмотрим роль имени собственного в изображении человека как личности: его внутреннего мира; показ человека как члена определенной социально-общественной группы и, наконец, характеристику общества через его отдельных представителей.

Изображение внутреннего мира человека тесно связано с этимологией его имени, которая является внутренней формой самого имени. Особая роль этого приема проявляется в соответствии либо несоответствии этимологии имени и образа персонажа. В некоторых случаях имя получает дополнительный смысл, который еще лучше помогает нам понять внутренний мир героя.

В произведениях А. С. Пушкина личное имя героев, в силу своего частого употребления в различных произведениях, получает дополнительное значение, не совпадающее с его этимологией. Так, например, в творчестве А. С. Пушкина имя *Владимир* встречается четыре раза: Владимир Ленский в «Евгении Онегине», Владимир Дубровский в «Дубровском», Владимир в «Метели» и Владимир в «Романе в письмах». Налицо определенное родство их судеб. (*Владимир Ленский* помолвлен с Ольгой Лариной, скоро должна состояться их свадьба, но его убивают на дуэли, а его возлюбленная выходит замуж за другого человека; *Владимир Дубровский* любит и любим Машей Троекуровой, она соглашается на свое похищение, но опоздание Дубровского оказывается роковым для него: Маша обвенчана, а ее муж ранит Владимира; *Владимир*, герой «Метели», опаздывает к венчанию со своей возлюбленной, которая бежит для этой цели тайком из родительского дома. Узнав о роковой ошибке (его невесту обвенчивают со случайным проезжим), он уходит на войну, где вскоре погибает; судьба *Владимира* из «Романа в письмах» не совсем ясна, так как роман остался неоконченным, но можно предположить, исходя из судеб остальных трех Владимиров, что его жизнь также сложится крайне неблагоприятно). Таким образом, в произведениях А. С. Пушкина имя Владимир ассоциируется со злополучным женихом или возлюбленным.

Некоторые женские имена в текстах А. С. Пушкина также получают дополнительную коннотацию.

Авдотья — дочь (*Авдотья Самсоновна (Дуня)* [*«Это твоя дочка?» — спросил я смотрителя. «Дочка-с (Дуня), — отвечал он с видом довольного самолюбия» (Станционный смотритель)*].

Арина, Орина – нянька (*Орина Егоровна Бузырева [Остаюсь твоя верная раба, нянька Орина Егоровна Бузырева (Дубровский)]*).

Независимо от этимологии имя человека указывало на принадлежность к определенной среде. Несмотря на единый церковный список, каждому классу и сословию соответствовал определенный набор имен. Социальная ономастика, в которой «должна рассматриваться вся ономастическая лексика под углом зрения ее обусловленности экстралингвистическими факторами общественного развития» [4], ставит вопрос о существовании особых «именников» для дворян (Сергей, Софья), церковников (Никон, Мисаил, Варлаам), купцов (Савва, Гордей, Фома), крестьян (Матрена, Фекла). Эта дифференциация «именника» сказалась и в наименованиях персонажей художественных произведений. Некоторые имена относятся к нейтральным, например: Василий, Иван, Павел; Анна, Мария. И тем не менее тяготение к «именнику» дворянства хотя бы в виде закреплённости официальных и диминутивных форм прослеживается. Так, женское имя Анна (в официальной форме) встречается у людей высшего круга (графиня Анна Федотовна в «Пиковой даме»).

Для церковников были свойственны Никон, Мисаил, Варлаам (Варлаам и Мисаил в «Борисе Годунове»). Для крестьян – Василиса, Лукерья, Архип (Ср. Василиса, Лукерья, Архип в «Дубровском»).

Противопоставление барышни крестьянке в одноименной повести А. С. Пушкина выражается в использовании определенных имен: барышня Лиза превращается в крестьянку Акулину.

Некоторые имена, распространенные в среде дворянства, с течением времени выходили из моды, переходя в крестьянский «именник». Таковы, например, имена Прасковья, Матрена. В своей работе «Имя и общество» В. А. Никонов отмечает: «Дочь Кочубея в действительности звали не Марией, а Матреной – в начале XVIII века имя Матрена было у дворянок в четверке самых частых имен. Но через сто лет дворянки брезговали им, как грубым, оно стало простонародным, первое место у них заняло имя Мария. И автор «Полтавы» пожертвовал подлинным именем, которое придавало образу нежелательную окраску» [5].

С другой стороны, мог происходить и обратный процесс: имя Татьяна считалось простонародным и ассоциировалось у Пушкина с «представлением о старине, о народном просторечии» [6]. Простонародный характер имени Татьяна подтверждается таким свидетельством журнала «Невский зритель» (1821 г. февраль): «Взгляните по крайней мере на Фекл, Татьян, переименованных в Дориды, Аглаи, Темиры, в Хариты, в Венеры». После Пушкина имя Татьяна «переходит» в другой именник.

Отдавая дань моде, имена в дворянском обществе употреблялись на английский или французский манер.

«Но всех более занята была им (Алексеем Берестовым) дочь англомана моего Лиза (или Бетси, как звал ее обыкновенно Григорий Иванович)» (Барышня-крестьянка).

Функцию социальной характеристики лиц в личных именах собственных выполняет также группа уменьшительных суффиксов, среди которых суффикс **-ка** является наиболее употребительным. «В период московского абсолютизма в XV–XVII веках, в особенности в частном употреблении, был суффикс уменьшительного значения **-ка**. Бояре и прочие лица верхов были перед лицом великого князя Юрками, Васьками, Денисками, а по отношению к низшим классам «государями». Крестьяне же и низшего ранга служилые люди были «людишками» – Ивашками, Якимками, Петруньками и т.д.» [7]. Суффикс **-ка**, таким образом, выражал пренебрежение, грубость, уничижение. С 18 века личные имена с таким суффиксом стали подчеркивать зависимое положение слуги, крестьянина (*кучер Андрюшка, денщик Кузька, девка Палашка и др. [«Евгений Онегин», «Выстрел», «Капитанская дочка» и т.д.]*).

Социально значимы не только имена, но и фамилии. Одним из средств социальной окрашенности фамилии являются различные суффиксы.

Суффикс **-ич** в составе фамилии придает ей оттенок знатности, почтения. Это связано с особым способом употребления данного суффикса. Он обозначал сначала принадлежность к определенному племени (угличичи, дреговичичи), а затем к одному княжескому роду (Ольговичичи, Изяславичичи). В былинах он присоединяется к именам богатырей для выражения большего уважения (Алеша Попович, Добрыня Никитич) [8]. Суффикс **-ский** является показателем принадлежности к знатному роду (Верейский, Дубровский, Ленский, Вольская) ...*ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным (Дубровский)*.

Социальная неоднородность проявляется и в структуре наименования лиц разных сословий и классов. Трехчленная структура антропонимов (имя, отчество и фамилия) или двухчленная (имя и отчество) в художественной литературе характеризует высшие классы: *Григорий Иванович Муромский (Барышня-крестьянка); Кирила Петрович Троекуров (Дубровский)*.

Одночленная структура антропонимов называет низших: горничных, ключниц, слуг, лакеев, крестьян (Акулька, Палашка, Филька, Фомка и подобные) (*Прачка Палашка, толстая и рябая девка, и кривая*

коровница Акулька как-то согласилась в одно время кинуться матушке в ноги, внясь в преступной слабости... [Капитанская дочка]).

Для понимания социального положения человека важную роль играло отчество. Употребление отчества указывало на принадлежность к определенному сословию. У крестьян и у людей низких сословий название только по отчеству служило способом возрастной характеристики: к старым, а также к наиболее уважаемым слугам обращались по отчеству («Филипповна седая» [Евгений Онегин], дядька Савельич [Капитанская дочка], няня Егоровна [Дубровский]).

Итак, рассмотрение функционирования имени собственного в текстах А. С. Пушкина позволяет точнее понять глубинный смысл его текстов, а также увидеть особенности развития общества определенного периода.

Примечания

1. Гореликова М.И., Магомедова Д.М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1989; Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М. 1970.
2. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
3. Щетинин Л.М. Слова, имена, вещи. Ростов н/Д., 1966.
4. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М. 1970.
5. Никонов В.А. Имя и общество. М., 1974.
6. Ефимов А.И. Язык сатиры Салтыкова-Щедрина. М., 1953.
7. Селищев А.Н. Происхождение русских фамилий, имен и прозвищ // Ученые записки МГУ. М., 1948. Вып. 128.
8. Жаглова З.П. Стилистические функции имен собственных в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя // Ученые записки Азербайджанского пед.института русского языка и литературы. Серия филологическая. Баку, 1957. Ч. 1. Вып.5.

ФЕНОМЕН ДОМАШНЕГО ВОСПИТАНИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА. НЕДОРОСЛЬ МИТРОФАНУШКА ГРИНЁВ?

Е. Н. Бекасова,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

В составленной по распоряжению Николая I «Записке о народном воспитании» (15 ноября 1826 г.) А. С. Пушкин определяет главную задачу воспитания — «защитить новое, возрастающее поколение, ещё не наученное никаким опытом и которое скоро появится на попри-

ще жизни со всею пылкостью первой молодости, со всем её восторгом и готовностью принимать всякие впечатления» [1]. Но это должно быть именно воспитание, потому что «не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или, лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» [2].

В связи с этим А. С. Пушкин категорически возражал против домашнего воспитания: «в России домашнее воспитание есть самое недостаточное, самое безнравственное: ребёнок окружён одними холопями, видит одни гнусные примеры, своевольничает или рабствует, не получает никаких понятий о справедливости, о взаимных отношениях людей, об истинной чести. <...> Нечего колебаться: во что бы то ни стало должно подавить воспитание частное» [3].

Однако феномен домашнего воспитания и даже казарменного воспитания, против которого также протестовал А. С. Пушкин в своей записке Николаю I, давал удивительные всходы людей чести и достоинства.

Подтверждение этому — целая галерея образов произведений А. С. Пушкина.

Иван Петрович Белкин, получивший «первоначальное образование от деревенского дьячка», в 1815 г. вступивший «в службу в пехотный егерский полк, в коем находился до самого 1823 г.» [4]. Именно он написал по воле А. С. Пушкина удивительные повести.

«Ужасный повеса», шаловливый Бурмин, после войны 1812 г. — «раненый гусарский полковник», «с Георгием в петлице» [5].

Легкомысленный ротмистр Минский — притворившийся больным гусар, женившийся — таки на Дуняше, дочери станционного смотрителя.

Владимир Дубровский «воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию», «будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем...» [6].

Здесь же и «сельские барышни», воспитанные «на чистом воздухе, в тени садовых яблонь», «которые знания света и жизни черпают из книг» [7] — Марья Гавриловна Ненарадова, воспитанная на французских романах в поместье своего гостеприимного батюшки; Лиза, барышня-крестьянка, дочь настоящего русского барина, проказника на английский манер Г. И. Муромского.

Но главный аргумент — Татьяна Ларина, воспитанная старой нянькой, чуждая своей семье, сумевшая освоить библиотеку петербургского денди и ставшая «величавой и небрежной законодательницей зал» [8] — «не этой девочкой несмелой, Влюблённой, бедной и простой, Но равнодушною княгиней, Но неприступною богиней» [9]:

«Она была нетороплива,
Не холодна, не говорлива,
Без взора наглого для всех,
Без притязаний на успех,
Без этих маленьких ужимок,
Без подражательных затей...
Всё тихо, просто было в ней,
Она казалось верный снимок
Du comme il faut... Шишков, прости:
Не знаю, как перевести.
К ней дамы подвигались ближе;
Старушки улыбались ей;
Мужчины кланялися ниже,
Ловили взор её очей;
Девицы проходили тише
Пред ней по зале... [10]

Вот они, плоды домашнего воспитания! Невольно опять вспомнишь А. С. Пушкина: «теория, мой друг, суха, а древо жизни вечно зеленеет»...

Но почему-то «Повести Белкина» А. С. Пушкин предварил эпиграфом из комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль», поставленной в 1782 г. и изданной в 1783 г.:

«Г-жа Простакова.

То, мой батюшка, он ещё сызмала к историям охотник.

Скотинин.

Митрофан по мне».

Диалог братца с сестрицей состоялся сразу же после успешного, по их мнению, экзамена Митрофана по грамматике с его знаменитым определением приложенной к косяку *двери* как существительного, а стоящей в чулане ненавешенной *двери* как прилагательного и по этой же логике отнесения слова *дурак* к прилагательным, так оно «прилагается к глупому человеку» [11]. Митрофану теперь предстоит экзамен по истории, и успех обеспечен, так как мать знает, что он «к историям охотник» [12], а Скотинин подтверждает своё родство с семейкой, потому как любит слушать истории выборного — «мастер, собачий сын, откуда что берётся!» [13].

Что же таится в этом эпиграфе? Мы будем читать повести, по сути перекликающиеся с блистательным «Недорослем»? или это такие народные, житейские истории, о которых мы так любим судачить? или это намёк на особенности мастерства автора, при этом вспоминается, что Пушкин в пылу восторга также назвал себя собачим отпрыском?

или это упрёк читателям, которым, как Митрофану со Скотининым, такие истории «по мне»?

А. С. Пушкин как будто заморожен «Недорослем», где «сатиры смелый властелин», «друг свободы» [14] впервые обнажил целый ряд проблем России эпохи просвещения: «сатирик превосходный Невежество казнил в комедии народной» [15]. Обрушившись на систему домашнего воспитания, Д. И. Фонвизин заклеил недорослей. Если до его комедии слово *недоросль* было официальным названием «молодого человека, не достигшего совершеннолетия» [16], то после так именовали «глуповатого, малоразвитого молодого человека» [17]. И уже А. Радищев констатирует: «где есть няньки ...есть ребята, которые ходят на помочах; от чего у них бывают нередко кривые ноги» ... «и совершенной на возрасте будет калека», «Недоросль *будет всегда Митрофанушка* (выделено нами — Е.Б.), без дядьки не ступит, без опекуна не может править своим наследием».

Уж очень это похоже на Петрушу Гринёва с его дядькой Савельичем. А. С. Пушкин не только называет своего героя недорослем («Я жил недорослем, гоня голубей и играя в чехарду с дворовыми мальчишками» [18]), соединив, как считают авторы комментариев [19], оба значения этого слова, но и указывает на сходства семьи Гринёвых с семейством Скотининых.

В частности, г-жа Простакова поясняет Стародуму, что она «по отце Скотининых. Покойник батюшка женился на покойнице матушке. Она была по прозванию Приплодиных. Нас, детей, было с них восемнадцать человек; да все, кроме меня с братцем, ...померли» [20]. У Гринёвых было девять детей, но все братья и сестры Петруши «умерли во младенчестве» [21], тогда как у Приплодиных немалая часть детей погибла по недосмотру родителей.

И Митрофанушка, и Петруша — единственные сыновья, они почти ровесники — в момент явления комедии «Недоросль» в 1782 г. Митрофан, видимо, был на излёте своей «недорослевой карьеры»: не зря же он хочет жениться, а Правдин в итоге семейных разборок забирает его служить; Петруши семнадцатый годок пошёл в 1772 г., и, как утверждает его батюшка, он тоже бегаёт по девичьим [22].

Несмотря на «старшинство» Гринёва, Митрофан старше его по своей «литературной жизни» и давно перерос в фигуру символичную, довлеющую над последующими образами русской литературы: достаточно лишь упоминать слова *недоросль* или *Митрофан*, как тут же воплощается во всей своей испорченности сын своих родителей (Митрофан от греческого *meter* — мать и *phaino* — являть, обнаруживать [23], то есть копия своей матери).

Но А. С. Пушкин в «Капитанской дочке» почему-то усиливает пересечения жизни двух недорослей.

Митрофан уже в первом действии бежит резвиться на голубятню, и Петруша «гонял голубей»; «умное, разумное» дитя, «сердечный друг» Простаковых любит покушать, причём и днём и ночью, и Петруша при самом повороте своей судьбы привычно облизывался на кипучие пенки медового варенья.

Не повезло обоим и с учителями. В когорту учителей Митрофана, «числом поболее, ценою подешевле», помимо знаменитых отставных солдата и монаха Цыфиркина и Кутейкина, по моде тех лет входит немец Адам Адамыч Вральман, бывший кучер, у которого после потери места выбор был невелик — либо «с голот мереть, липо ушить...» [24]. У Петруши в учителях был Савельич, «за трезвое поведение пожалованный в дядьки», «под его надзором» Петруша «выучился русской грамоте и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля» [25]. На двенадцатом году из Москвы «вместе с годовым запасом вина и провансальского масла» был выписан мосье Бопре, который «в отечестве своём был парикмахером, потом в Пруссии солдатом, потом приехал в Россию» [25]. Недоросль с французом «поладили», и вместо учения «*по-французски, по-немецки и всем наукам*», мусье от своего ученика «наскоро выучился болтать по-русски, — и потом каждый уже занимался своим делом» [26]. Как пишет Пётр Гринёв, «воспитание кончилось», когда батюшка наконец-то застал «мёртво пьяного» Бопре и вытолкал его со двора [27].

Такое сознательное одевание «тришкина кафтана» Митрофана на Петрушу определённым образом цементирует образ пушкинского героя и направляет читателя по пути Д. И. Фонвизина. Зачем это делает А. С. Пушкин? Для того, чтобы показать типичность жизни молодых дворянчиков того времени, чтобы сохранить историческую правду? Или он стремился сломать стереотипы? Ведь в ту эпоху многие «университетов не кончали» (в том числе и «первый наш университет»), но выходили в великие люди.

Так кто перед нами? Митрофанушка Гринёв? Но зачем нам очередной Митрофан и зачем гению повторяться, тем более, что после блистательного, по мнению А. С. Пушкина, Д. И. Фонвизина добавить нечего. Может, это надо было, чтобы показать, как из Митрофанов получаются порядочные люди? Ведь действие «Капитанской дочки» начинается там, где оно заканчивается в «Недоросле», — герои отправляются служить, причём оба без сопротивления: «Митрофан (махнув рукою). По мне, куда велят» [28]. — «Итак, все мои блестящие надежды рушились!» [29]

Параллели с «Недорослем» приводят некоторых исследователей к утверждению немотивированной эволюции главного героя «Капитанской дочки». Наиболее последовательно и категорично о «превращении Митрофана в Пушкина» [30] пишет Марина Цветаева. Для неё Пётр Гринёв — «ещё вчера лизавший пенки рядовой дворянский недоросль», «тип», который «в молниеносной постепенности» — за три месяца — превращается в личность — в Пушкина [31].

Но ведь чем-то отличались Митрофанушка и Петруша в своём недорослевом бытии. Кутейкин и Цыфиркин «бьются» с Митрофаном более трёх лет, а тот «новой строки не разберёт, да и зады мямлит» и «трёх перечесть не умеет» [32], Петруша же не только выучил Бопре русскому, но и, видимо, набрался от него французского, о чём свидетельствуют его беседы со Швабриным, бывшим гвардейским офицером, который через пять лет пребывания в Белогорской крепости получил возможность говорить по-французски [33]. Затем Петруша стал читать французские книги, которые были у Швабина, и «упражняться в переводах» [34]. Так что полным Митрофаном он не был не только по исходному сопротивлению знаниям и возможностям их впитывания, но и по дальнейшему желанию учиться. И хотя Марина Цветаева подчёркивает «митрофанушность» Петруши отсутствием в доме Гринёвых книг, кроме Придворного календаря, но ведь этот календарь, «ежегодно получаемый» [35], «целыми часами не выпускал из рук» Андрей Петрович и, вероятно, пространно комментировал, поэтому матушка «старалась засунуть несчастную книгу как можно подале» [36]. У Простаковых не только вообще не было книг, но и было стойкое, генетическое их отторжение — до непонимания целого ряда понятий типа история и география.

И здесь опять-таки есть параллель с комедией Д. И. Фонвизина: в эпиграфе главы III «Капитанской дочки» А. С. Пушкин продолжает цитировать г-жу Простакову, которая уже рассказала о своём Скотининско-Приплодинском происхождении (что уже использовал А. С. Пушкин), а теперь она поясняет Стародуму, что её родители были «старинные люди, мой отец!» [37].

У А. С. Пушкина в эпиграфе «Старинные люди, мой батюшка» неужели разница только в обращении? Действительно, в «Недоросле» предпочтение отдаётся слову *отец*, в «Капитанской дочке» — слову *батюшка*.

Но дело гораздо сложнее — не столько в описании Ивана Кузьмича и Василисы Егоровны, которым, казалось, и предпослан эпиграф, и не в отсылке к содержащей так много реминесценций из фонвизинской комедии I главе «Капитанской дочки», где описано семей-

ство Гринёвых, сколько в объяснении мировоззрения людей XVIII в., их патриархальных нравов, понятий долга и чести. Для Простаковых и Скотинина таких понятий не существовало, но именно Простакова, представитель того же поколения, что и супруги Мироновы и Гринёвы, обращаясь к опыту своего скотининового семейства, даёт определение *старинным людям*. И именно в родителях, на наш взгляд, заключается несомненная разница между недорослями Митрофаном и Петрушей, что требует отдельного исследования «душой беспечных невеж» [38].

Примечания

1. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. V. СПб., 1994. С. 145.
2. Там же.
3. Там же.
4. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 107.
5. Там же. С. 128.
6. Там же. С. 145.
7. Там же. С. 15.
8. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. III. СПб., 1994. С. 181.
9. Там же. С. 174.
10. Там же. С. 175.
11. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 91.
12. Там же. С. 92.
13. Там же.
14. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. III. СПб., 1994. С. 15.
15. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. I. СПб., 1994. С. 250.
16. Словарь русского языка XVIII в. СПб., 2004. Вып. 14. С. 170.
17. Там же.
18. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 15.
19. Там же. С. 388.
20. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 75.
21. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 8.
22. Там же. С. 10.
23. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён (около 2600 имён) / Изд. второе, стереотипное. М., 1980. С. 160.
24. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 101.
25. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 8.
26. Там же. С. 8–9.
27. Там же.
28. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 103.

29. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 11.
30. Цветаева М. Мой Пушкин. Челябинск, 1979. С. 90.
31. Там же.
32. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 75.
33. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. IV. СПб., 1994. С. 25.
34. Там же. С. 27.
35. Там же. С. 9.
36. Там же. С. 9–10.
37. Фонвизин Д. И. Бригадир. Недоросль: комедии. Свердловск, 1980. С. 103.
38. Пушкин А. С. Собр. соч. в 5 т. Т. I. СПб, 1994. С. 533.

ДВА ПОКОЛЕНИЯ В ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»

Аден Абдурахман Мохаммед,
г. Кабул, Джибути

Несомненно, связь времен поддерживается и духовным родством разных поколений в семье. В повести «Капитанская дочка» силой молодых становится их верность старинным традициям. Две семьи, Гринёвых и Мироновых, находят отклик доброты у читателей разных стран, потому что дети и родители, этот родственный союз, и есть крепость, защищающая от неверных поступков.

Пётр Гринёв выбирает правду «самым простым, а вместе и самым надежным» способом оправдания. В своей короткой жизни единственными примерами отношения к жизни и людям были его отец и капитан Миронов. И он не посрамил имени предков и чести своего рода, а повторил пример честности и верности. Хотя перед ним не было явного врага — турка или шведа — перед ним был современный ему русский народ, расколовшийся на две половины. Участником страшных событий стал сам Гринёв. Долг перед Отечеством вызвал необходимость принять единственно справедливое решение, стал долгом перед человеком, перестав быть абстрактным пониманием служения Отечеству. Для этого нужно было обладать многими нравственными качествами.

Молодой Гринёв, по его же словам, «жил недорослем», но нравственный багаж накапливался. Воспитанием его с пяти лет занимался дворовый человек Савельич, добрый и мудрый, который и обучил его русской грамоте, не доверяя возможностям учить русского дворяни-

на французу Бопре. Отец Андрей Петрович Гринёв уступил моде того времени, но атмосфера дома исключила необходимость воспитывать Петрушу приглашенным французом.

Нужно отметить, что записав еще не родившегося сына на военную службу, в обход закона для дворян начинать службу рядовыми, Андрей Петрович отправляет его в 17 лет в чине «гвардии-сержанта» не в Семеновский гвардейский полк в Петербурге, а в отдаленную крепость. Здесь тоже заведенная традиция в дворянских семьях находит логическое семейное завершение: служить по-настоящему, «не повесничать».

Благословение родителей, напутственные слова, заплаканное лицо матушки, выданный дрожащей рукой паспорт не исчезнут из памяти Петра Андреевича, а будут направлять его во взрослой жизни. Рушились его «блестящие надежды» на петербургскую жизнь, но не разрушились родительские заветы. Обращение к сыну никогда не имело у Андрея Петровича оттенка злобы или произвола. Не стремясь к мелочной опеке, он, в сущности, доверяет сыну, который должен стать личностью, в понимании отца — настоящим солдатом: «Да будет солдат, а не шамотон». Важно и ответное доверие сына: Пётр без сомнения принимает волю отца, не подозревая в ней ничего враждебного для себя, хотя ему и приходится расстаться со своими проказами и мечтами о легкой гвардейской службе. Молодой Гринёв, его отец, капитан Миронов — два поколения, хранившие верность семье и Отечеству. Понятие чести, службы и семейного долга поставлены в обеих семьях в один ряд испокон веков. Не выслуживается, а служит и Савельич, выполняя свой долг хранить и оберегать господского «дитя».

Для женских образов повести также присуще понятие долга, которое перерастает в понятие верности и произрастает из семейного уклада. Маша Миронова — истинная дочь своего отца, человека мягкого и добродушного. В экстремальной же ситуации он проявил решительность, достойную русского офицера. Его дочь падала в обморок от выстрела пушки, но когда речь зашла о ее чести, она готова была, как и отец, скорее умереть, чем сделать что-либо противное ее совести. Ускользящее понятие «совесть» было основным для героев пушкинской повести. Ее героини по-разному понимают понятия совести, чести, верности и поступают по-разному, а Маша осталась верна сердечной привязанности вопреки страху.

Белогорская крепость является, по сути, большим домом, большой семьей, и Пётр Гринёв не случайно быстро и легко входит в новую жизнь, прибыв в Белогорскую крепость. Все ему напоминает его родной дом. Дом Мироновых всегда открыт для гостей. Родительская эстафета, которую принимает Маша Миронова — также эстафета до-

бра и чести. И если не были сказаны ей слова «береги честь смолоду», то жизнь отца и матери служила тому примером. Добрый, честный, простой Иван Кузьмич вышел в офицеры из солдатских детей. Он по-отечески ласков с солдатами, храбрый, верный долгу и присяге, службе, много воевал, защищал Отечество. Василиса Егоровна, верная, радушная, общительная, словоохотливая, простодушная, «не робкого десятка», «прехрабрая дама», «управляла крепостью так точно, как и своим домком». То, что «муж и жена один дух и едина плоть», она не только повторяла, но и доказала своей жизнью: 40 лет военной службы мужа — это и ее служба семье и Отечеству.

В таком семейном союзе была воспитана Маша, глубокая натура, ответственная за любимого человека, самоотверженная, благодарная. Она думает о родителях Гринёва, которые ждут известий. Она олицетворяет чистоту и законность в судьбе Гринёва. Абсолютно покорная своим родителям, Маша проявляет мудрость, отказавшись выйти замуж за Гринёва без благословения его отца.

Семейные записки Петра Андреевича Гринёва содержат описание «странного сцепления обстоятельств», при котором герои вынуждены обращаться друг к другу за помощью, уповая на милосердие и прощение. Только семейное родство способно вывести из тупика героев. И только так должно быть в семье. «Потомство их благоденствует» — так заканчивает повесть Пушкин. Автор данным произведением не опровергает, а подтверждает житейскую христианскую мудрость: дети и отцы поистине едины, их связь лишена лжи и подозрений, хотя не лишена противоречий.

А что же Швабрин? Мы не знаем, кто его отец. В нем нет черт Петра Гринёва и Маши Мироновой, нет связи с его родителями. Такая бескорневая система взросления человека лишает его человеческого облика.

РОМАН А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В ОЦЕНКЕ Н.И. ЧЕРНЯЕВА (1853–1910)

Т. Е. Беньковская,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Последнее пушкинское творение неоднократно привлекало внимание как собратьев по перу, так и исследователей — литературоведов, лингвистов, историков, философов. О «Капитанской дочке» оставили свои впечатления писатели Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, В. Г. Короленко, Д. Мережковский, А. М. Горький и другие; исто-

рик Ключевский; литературные критики XIX—начала XX вв. — В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, А. Григорьев, Н. Страхов. Ю. Айхельвад и др.

«Капитанская дочка» традиционно считается в пушкиноведении, особенно советского периода, одним из глубоко изученных текстов поэта. Достаточно назвать имена Д. В. Благого, Н. В. Измайлова, А. Г. Гуковского, Б. В. Томашевского, Н. Я. Эйдельмана, Н. Степанова, П. Макогоненко, Н. Н. Скатова, Ю. М. Лотмана, С. А. Фомичева, В. Непомнящего и других.

Сегодня мало кому известно, что первая монография, посвященная «Капитанской дочке», принадлежит Николаю Ивановичу Черняеву (1853—1910), русскому публицисту, театральному и литературному критику, жанр которой сам автор определил как «историко-критический этюд». Книга первоначально печаталась в журнале «Русское обозрение», вышла отдельным изданием в 1897 г. Эту работу в свое время высоко оценил известный пушкинист Б. Нейман.

Имя Н. И. Черняева практически не упоминается современными исследователями творчества Пушкина. Между тем оно представлено в знаменитом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, в котором Н. И. Черняев назван выдающимся русским мыслителем, ставшим одним из идеологов русской монархии (см. его работы: «Русское самодержавие», «Из записной книжки русского монархиста» и др.). Пушкин привлекал Черняева как историк, мыслитель, но, прежде всего, как художник, равных которому, по его глубокому убеждению, не было во всей мировой литературе. Кроме названного труда, Пушкину им посвящены литературно-критические работы: «Пророк» Пушкина с его «подражанием Корану» (М., 1898) и «Критические статьи и заметки о Пушкине» (Харьков, 1900).

Работа о «Капитанской дочке» и сегодня не может не вызвать интереса исследователей тщательностью и глубиной анализа, концепционностью прочтения пушкинского творения, чего не скажешь о многих исследованиях советского времени, хотя Н. И. Черняев не был профессиональным филологом. Родился он в дворянской семье, окончил Харьковскую гимназию, затем Харьковский императорский университет, юридический факультет, был оставлен в вузе для приготовления к профессорскому званию по истории русского права. Начал печататься в 1881 г.

Примечательно то, что Черняев первым определил жанр «Капитанской дочки» как «в полном смысле слова исторический роман, написанный в стиле мемуаров» [1], что вполне отвечало пушкинскому представлению. Известно, что Пушкин назвал «Капитанскую дочку»

романом, направляя ее цензуре. Первый отклик на «Капитанскую дочку» принадлежал В. Ф. Одоевскому, назвавшему ее повестью. Так и пошло: повесть-роман. Хотя в советском литературоведении до недавнего времени прочно утвердилось определение жанра «Капитанской дочки» как повести. Действительно, на первый взгляд, — это произведение средней эпической формы, представляющее собой ряд эпизодов из жизни Гринёва (на это указывал и Н. Н. Страхов). А роман принадлежит к большой эпической форме. Но сам Пушкин, размышляя о жанре «Капитанской дочки», писал: «Под словом «роман» разумею историческую эпоху, развитую в вымышленном повествовании», — подчеркивая тем самым эту синтетичность большой эпической формы и то, что в ней изображается именно сложный жизненный процесс — эпоха. Роман предполагает несколько сюжетных линий, на которые впервые указал Черняев и которые имеют место в «Капитанской дочке, в то время как Страхов настаивал на одной сюжетной линии: «Капитанская дочка» — это рассказ о том, как Гринёв женился на дочери капитана Миронова». Позже известный пушкинист Г. П. Макогоненко определил другую, но тоже только одну сюжетную линию — «народная война». И уже в наше время В. Г. Маранцман называет «Капитанскую дочку» «повестью о Пугачёвском мятеже».

Не может не поразить многоаспектное и глубокое прочтение Черняевым пушкинского романа, предвосхитившее его интерпретацию блестящими исследователями творчества Пушкина — Ю. М. Лотманом и В. Непомнящим. Автор обращается к истории создания «Капитанской дочки», анализу ее композиции, стиля, соотношению с «Историей Пугачёва», совершенно справедливо отмечая реализм романа, подчеркивая, что «Пушкин объединил в романе верность бытовой и исторической правде с идеализмом своего романа», что «главное для Пушкина не подробное описание казацкого быта, нравов — а воспроизведение духа века, характеров действующих лиц и тот фон, на котором поэт писал свою историческую картину». Черняев отмечает значение «Капитанской дочки» как исторического и бытового романа, которое «усиливается еще оттого, что в нем нет и тени чего-либо похожего на сатиру и прикрашивание; он принадлежит к гениальнейшим образцам чисто объективного искусства».

Автор дает подробную характеристику действующих лиц «Капитанской дочки» и, прежде всего, рассматривает их с психологической точки зрения: «Нет ни малейшего сомнения, что Пушкин дал в «Капитанской дочке» образчик художественного воспроизведения русского быта и русских типов, но и высказал себя в ней великим психологом, создав целый ряд характеров, представляющих глубокий об-

щечеловеческий смысл», — пишет он. Здесь видится нам несомненное влияние «потепнианства» — психологической школы в литературоведении, возникшей в последней трети XIX века и оказывавшей мощное влияние на принципиально новый подход к художественному произведению. «По сложности, по глубине, по оригинальности и по разработке характеров «Капитанская дочка» принадлежит к числу гениальнейших романов», — вот так высоко оценивает Черняев пушкинское творение. Не случайно он проводит параллели между героями Пушкина и Шекспира. «В Марье Ивановне мы видим целый ряд свойств, редко уживающихся в одном лице: «благоразумие» и «чувствительность», мягкость чисто женственной природы и твердую, решительную волю, простодушие и прозорливость, здравый практический смысл и высокие идеальные стремления, искренность и замкнутость, способность сильно чувствовать и неспособность увлекаться страстями и терять под их влиянием чувство долга». Черняев отмечает, что Маша Миронова не уступает героиням Шекспира (Корделии, Офелии, Дездемоне и др.) «ни по изяществу отделки, ни по глубине замысла, в то время как разбирать характер Марьи Ивановны никому не приходило в голову». И Швабрин, на его взгляд, не менее интересен для психолога, чем Яго. То же самое касается и других героев романа, проанализированных с удивительной тщательностью. В отличие от советского литературоведения, Черняев рассматривает «Капитанскую дочку» прежде всего как художественное произведение, высоко оценивая и язык, и стиль романа, считая, что «стиль «Капитанской дочки» составляет главное право ее на бессмертие»: «Он написал единственный в своем роде роман, — единственный по чувству меры, по законченности, по стилю и по изумительному мастерству описывать типы и характеры в миниатюре, не вводя ни одного лишнего слова, ни одной лишней черты». Черняева восхищает сжатость пушкинского слога, что его выгодно отличает от многих романистов, многословно описывающих состояние героев.

Критик замечает, что роман Пушкина от этого «только выигрывает и оказывает более сильное воздействие на читателя». Н. И. Черняев подробно анализирует сцену прощания Маши с могилами родителей, отмечая, что в романе сцене отводится всего несколько строк со слов Гринёва: «Марья Ивановна пошла проститься с могилами своих родителей, похороненных за церковью. Я хотел ее проводить, но она просила оставить ее одну; через несколько минут она воротилась молча, обливаясь тихими слезами». «Тихие слезы», — какая точная характеристика ее душевного состояния, — замечает автор. «Язык действующих лиц «Капитанской дочки», — с восторгом пишет Черняев, — выше всякой похвалы. Каждое из них говорит своим особым языком, вполне

соответствующим его характеру, образованию и общественному положению», аргументируя обстоятельным анализом лексики, синтаксиса речи отца Гринёва, капитана Миронова и его жены, Пугачёва и других героев пушкинского творения.

Изучая перемены, происходившие в обществе и литературоведческой науке 1920-х годов, мучительно овладевавшей марксистским прочтением произведений Пушкина, в том числе и его последнего романа-завещания, выхолащиванием, опрIMITивлением пушкинского гения, и перемены, происходящие в современном нам обществе отчуждения от искусства, культуры, Пушкина, проникаешься уважением и доверием к безвозвратно ушедшей эпохе, к которой принадлежал П. И. Черняев.

Примечания

1. Цит. по изд. Черняев Н.И. «Капитанская дочка» Пушкина: историко-критический этюд. М.: Университ. тип., 1897. [Электронная версия, подготовленная доктором ист. наук, проф. Харьковского ун-та им. В.Н. Каразина А.Д. Каплиным специально для Русской Народной Линии]: http://www.ruskline.ru/analitika/2010/11/kapitanskaya_dochka_pushkina

ПРОБЛЕМЫ ПУШКИНОВЕДЕНИЯ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н. В. ИЗМАЙЛОВА В ОРЕНБУРГСКИЙ ПЕРИОД ЕГО ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

А. Г. Прокофьева,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Известный русский литературовед, сотрудник Пушкинского Дома, крупный специалист-текстолог Н. В. Измайлов более десяти лет прожил в Оренбурге. И хотя приезд ученого в Оренбург не был добровольным, тем не менее, научная жизнь литературоведа в оренбургский период (1941 – 1953) оказалась довольно плодотворной. К этому времени в творчестве Н. В. Измайлова уже определилась основная тема изысканий ученого – жизнь и литературная деятельность поэта А. С. Пушкина.

В Оренбурге Николай Васильевич работал в педагогическом институте. В тематическом плане научно-исследовательской работы преподавателей института на 1942 год указана общая тема научной работы Измайлова – «Творчество А. С. Пушкина» и тема диссертационного исследования – «Поэма «Полтава» в творчестве А. С. Пушкина». В годовом отчете кафедры литературы о научно-исследовательской ра-

боте преподавателей за 1943 год отмечено: «В качестве диссертации т. Измайлов представил в ИМЛИ в Москве свои прежние исследования о Пушкине с добавлением его последней еще не напечатанной работы о стихах Пушкина, посвященных Мицкевичу (6 п. л.), которые раньше никем не комментировались. Диссертация защищена 30 — XI с.г. Оппоненты расценивали диссертацию Измайлова как весьма ценный вклад в пушкиноведение».

В 1945 г. Н. В. Измайлов читал публичные лекции для преподавателей и студентов пединститута. Об этом сообщал в своем отчете зав. кафедрой литературы А. В. Бардин: «27 октября 1945 г. кафедра на открытом заседании в присутствии студентов слушала сообщение члена кафедры доцента Н. В. Измайлова на тему «История русского народа в творчестве А. С. Пушкина».

Перспективные тематические планы научно-исследовательской работы кафедры института на 1945—1949 г. говорят о продолжении Измайловым прежней темы и о появлении новых проблем, интересующих его: «1). Дальнейшее изучение поэм А. С. Пушкина «Езерский» и «Медный всадник»; 2). Изучение исторических поэм, повестей, баллад и других произведений второстепенных поэтов 1810—1830-х годов в журналах, альманахах и др.»

В 1946 г. Измайлова избирают в комиссию для подготовки общепедagogической научной конференции, в ходе проведения которой он делает доклад на тему «История создания «Полтавы» А. С. Пушкина».

Учеными института в это время готовился первый выпуск «Ученых записок». На статьи этого сборника были запрошены отзывы специалистов АН РСФСР. В Оренбургском архиве хранится копия ходатайства дирекции ЧГПИ (Оренбург был переименован в г. Чкалов, поэтому и институт назывался Чкаловским) о разрешении на издание в 1947—1948 учебном году «Ученых записок», перечень работ с указанием авторов и фамилий рецензентов.

Н. В. Измайловым для этого сборника предложено «извлечение из кандидатской диссертации, защищенной в ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР, «К истории создания поэмы А. С. Пушкина «Полтава». Краткая характеристика работы гласит: «Исследование работы А. С. Пушкина над «Полтавой», основанное на материале рукописей поэмы и анализе «Полтавы» как произведения принципиально нового жанра, обновляющего существующие жанры исторической и лирической поэмы». Отзывы на эту работу представили проф. Д. Д. Благой, проф. Н. Л. Бродский, проф. М. А. Цявловский.

1947 год, судя по отчету [4], в научной деятельности Измайлова был достаточно плодотворным: «Доцент Н. В. Измайлов подготовил

в 1947 г. к печати (по академическому изданию сочинений Пушкина) именной указатель (исследовательского типа, заменяющий комментарий) к XV тому издания «Переписка Пушкина за 1832 – 1834 гг.», кроме докторской диссертации, в минувшем году Измайлов пересмотрел, дополнил и подготовил к печати в «Ученые записки» института статью «К истории создания «Полтавы» А. С. Пушкина», разработал доклад для научной конференции института на тему: «Проблема историзма в русской поэзии первой трети XIX века» (тезисы этого доклада сохранились в Оренбургском архиве. Наряду с этим «он пересмотрел, дополнил и переработал статью, печатавшуюся ... в издании «Пушкинский временник Пушкинской комиссии АН СССР», – «Мицкевич в стихах Пушкина (к интерпретации стихотворения «В прохладе сладостной фонтанов»)). Краткий доклад по последней теме Николай Васильевич сделал в Москве в Государственном Литературном музее.

В 1948 г. Измайлов подготовил материалы к статье «Историческая тематика в поэзии Пушкина» для пушкинского сборника ИМЛИ, статью о поэме А. С. Пушкина «Полтава» для «Ученых записок», написал вступительную статью для редактируемого им однотомника стихотворений и поэм А. С. Пушкина (издание Чкаловского областного издательства, 2 п.л.).

Наиболее часто фамилия Измайлова встречается в оренбургских архивных документах за 1949 год – год, когда отмечалось 150-летие со дня рождения А. С. Пушкина. В отчете за этот год [5] указывается, что ученый был в командировке в Москве и Ленинграде, работал «над последними томами (II, III и XVI) академического издания сочинений Пушкина (правил корректуры вариантов, сверял их с подлинниками, редактировал указатель и т.д.), в Чкалове наблюдал за изданием «Пушкин. Стихотворения и поэмы», написал вступительную статью для него; работал над статьей-докладом на тему «Пушкин – родоначальник новой русской литературы», собрал в Чкалове, Москве и Ленинграде материал для монографии «Пушкин в Оренбургском крае» и написал ее, продолжал заниматься вопросами об источниках «Истории Пугачёва», связанными с предыдущей темой. На заседаниях кафедры и конференциях прочитал доклады: «Пушкин и Оренбургский край», «Пушкин – родоначальник новой русской литературы».

В плане мероприятий пединститута к 150-летию со дня рождения А. С. Пушкина [6] указаны темы:

– выступлений Н. В. Измайлова на Пушкинских чтениях – «Пушкин и декабристы», «Историческое прошлое русского народа в творчестве А. С. Пушкина»;

– статей – «Пушкин и Оренбургский край» (для «Ученых записок» ЧГПИ), «История создания повести «Капитанская дочка» (для альманаха «Степные огни»), «Пушкин и декабристы» (для газеты «Чкаловская коммуна»);

– докладов – «Образ русской женщины в творчестве Пушкина», «Образ Евгения Онегина», «Пушкин – певец декабризма» (для оренбургских школ).

Сохранилась институтская газета «За педагогические кадры» (1949, 6 июня), в которой в статье «Пушкинские дни в институте» рассказывается о «ярком, содержательном докладе Н. В. Измайлова на тему «Пушкин и Оренбургский край».

В начале 1950-х гг. в учебную нагрузку Н. В. Измайлова входит чтение лекций по русской литературе начала XIX века (в протоколах отмечено «заслушивание текста лекции «Литературные направления и литературная борьба первых лет XIX века»).

Очевидно, жизнь в Оренбурге определила интерес Н. В. Измайлова к теме Пугачёвского восстания в произведениях А. С. Пушкина. В плане [7] научно-исследовательской работы преподавателей кафедры литературы Чкаловского пединститута на 1952 год записана тема докторской диссертации Н. В. Измайлова – «Пугачёвское восстание и крестьянский вопрос в творчестве А. С. Пушкина» и тематика работ на ближайшее время:

- 1). Архивные занятия и архивные материалы Пушкина для «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочки»;
- 2). Крестьянский вопрос в творчестве Пушкина 1820-х годов;
- 3). Крестьянский вопрос в творчестве Пушкина 1830-х годов. «История села Горюхина» и «Дубровский».

Известно, что Н. В. Измайлов, разрабатывая проблему «Пугачёвское восстание в творчестве А. С. Пушкина», тщательно изучил оренбургские архивные материалы и даже вместе с известным оренбургским краеведом С. А. Поповым выезжал в район расположения оренбургских сёл Татишево и Нижнеозёрной, предполагая, что именно эти места описаны Пушкиным в «Капитанской дочке».

В шестом выпуске «Ученых записок» Чкаловского пединститута была опубликована одна из последних оренбургских работ Измайлова «Мицкевич в стихах Пушкина» (Чкалов, 1952).

После смерти Сталина Н. В. Измайлов получил возможность вернуться в Ленинград, в Пушкинский Дом, сотрудником которого он был с 1920 г. В отчете кафедры литературы ОГПИ за 1953–1954 учебный год указано, что в начале учебного года выбыл из института Н. В. Измайлов. Но и после отъезда из Оренбурга Николай Васильевич

продолжает работать над проблемами пушкиноведения, привлекая внимание ученого в оренбургский период жизни. В 1953 г. в Трудах Третьей Всесоюзной Пушкинской конференции была опубликована статья Измайлова «Оренбургские материалы Пушкина для «Истории Пугачёва» и «Капитанской дочки». Позже, в 1976 г., в Ленинграде издательством «Наука» была выпущена в свет монография Н. В. Измайлова «Очерки творчества Пушкина», в которую вошла вышеназванная статья и другие работы ученого, когда-то начатые ещё в Оренбурге.

Примечания

1. Государственный архив Оренбургской области. Ф. 971. Оп. 1. Д 65.
2. Там же.
3. Там же.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.

Г. О. ВИНОКУР О ЯЗЫКЕ ИСТОРИЧЕСКОГО РОМАНА А. С. ПУШКИНА

Ндахируа Дезире, г. Кигали, Руанда

Язык любого художественного текста наиболее полно и ярко воплощает в себе лучшие качества языка народа, на котором творил или творит мастер художественного слова, на примере которых формируется языковой вкус и самого народа. Это понимали лучшие представители русского классического языкознания, уделявшие пристальное внимание изучению языка художественной литературы.

Исследование языка лучших писателей ведет к углубленному пониманию духа народа, отношения художника слова к судьбе народа и государства.

Вот почему предметом анализа языка художественной литературы сделали свои исследования как литературоведы, так и лингвисты Ю. М. Лотман, А. А. Потебня, В. В. Виноградов, Б. А. Ларин и др. Не исключением стали труды крупнейшего лингвиста-исследователя Григория Осиповича Винокура, посвятившего несколько своих статей изучению и анализу языка исторических произведений А. С. Пушкина.

Повесть Капитанская дочка — одно из ярких исторических художественных произведений мастера художественного слова, открываю-

шее целый цикл шедевров, в котором тема родины раскрывается в образах истории. Оно связано с его чисто исторической работой «История Пугачёва».

Роль А. С. Пушкина Г. О. Винокур выделял особо, так как изучение пушкинского творчества приближало его к решению многих нерешенных проблем, касающихся развития русского литературного языка.

Одна из ранних работ Г. О. Винокура об А. С. Пушкине представляет собой главу из книги «Культура языка», где проза писателя рассматривается не только с точки зрения словесно-художественного творчества, но и с точки зрения языковой культуры вообще. На примере прозы Пушкина обосновывается и сама правомерность такой постановки вопроса.

По мнению Г. О. Винокура, в этой работе личность А. С. Пушкина связана с поисками пути для сближения простого, народного, разговорного языка и литературы, со стремлением сделать языковой обиход современного ему общества нормативным, вдохнуть в него культуру.

В упомянутой уже нами работе о Пушкине Г. О. Винокур признает принцип большего или меньшего приближения к языку эпохи, которое должно быть основано на понимании того, что строгий параллелизм между историей языка и историей жизни отсутствует. В этой связи он выдвинул очень важный тезис о творческой целесообразности опираться в языковой стилизации не на «текущее», изменчивое, а на «вечное» и общее, то есть на то, что способно сделать язык исторического произведения понятным и эстетически удовлетворительным для читателя, одновременно отвечая его желанию почувствовать колорит эпохи.

Изучая творчество великого писателя, следует обратить внимание на следующее утверждение Г. О. Винокура: «...я имею право сказать, что, без всякого сомнения, можно написать роман на любую историческую тему без единого языкового архаизма, исключительно средствами нейтрального языкового запаса...». Здесь важно и то, что понятие нейтральности осмысляется не как абсолютное. Препятствий к раздвижению границ этого понятия автор не видел, считая, что все диктуется нуждами эстетической сообразности. И в этом смысле принципиальным является различие Г. О. Винокуром анахронизмов языка и анахронизмов вещественных. Если писатели ищут стиль, который не довольствуется нейтральным слоем языка, а требует вещественных доказательств, взятых из языка изображаемой эпохи (а именно этой тенденцией автор характеризует современную ему историческую романистику, противопоставляя ей «Капитанскую дочку»), то сам язык включается в круг тех предметов, которые изображаются в этих произведениях. И тогда возникает собственно поэтическая задача: соответ-

стве языка изображаемому перестает быть проблемой внешней, технической. Она согласно взгляду автора работы «становится насущной художественной проблемой изображения», когда эстетический критерий оказывается равным критерию правдоподобия и убедительности.

Далее Г. О. Винокур решает поделить некоторые соображениями, возникшими по поводу проблемы языка в историческом романе. Он убежден, что проблема возникает, прежде всего, как проблема соответствия языка всему изображаемому в произведении, то есть язык в историческом произведении должен полностью совпадать с языком той среды и той эпохи, которую воспроизводит исторический романист. Совершенно очевидно, что о полном и исчерпывающем совпадении этого рода просто не может быть никакой речи. Вообще говоря, у нас бывают такие литературные произведения, которые сплошь написаны языком не самого автора, а как бы чуждого лица. Но в историческом жанре такие стилизации, как цельные произведения, практически принципиально невозможны именно потому, что это требовало бы совершенно невыполнимого абсолютного тождества языка с языком соответствующей эпохи. В то же время нам хорошо известны такие исторические романы, которые написаны от лица не автора, а героя, но авторским, а не историческим языком. Значит, обратное, по мнению известного исследователя, вполне возможно: лучший пример — «Капитанская дочка».

И как вывод можно констатировать утверждение исследователя языка творчества А. С. Пушкина: историческое произведение непременно должно быть написано на языке автора и его среды. И в то же время язык исторического романа должен быть языком не автора и его среды, а той эпохи, которую он изображает. Следовательно, речь может идти лишь о большем или меньшем приближении к языку изображаемой среды и эпохи, т.е. об известном отборе имитируемых или цитируемых фактов языка. Это может достигаться только путем известного отбора тех средств, какими обладает автор, изучающий эпоху, которая служит ему темой. Как нельзя лучше подтверждается эта мысль языком повести «Капитанская дочка».

Но следуя за мнением автора критических статей Г. О. Винокура, посвященных изучению языка исторических произведений А. С. Пушкина, с уверенностью можно констатировать, что это зависит от очень многого, находящегося далеко за пределами самой проблемы языка и проблем романа. Нужно знать всего автора — с его мировоззрением, с его общим стилем, с его биографией и т.д.

Мы убеждаемся, пишет Г. О. Винокур, что язык исторического романа может и не заключать в себе ничего несовместимого с языко-

вым опытом автора и его читателей и, тем не менее, быть достаточным средством для исторического изображения. Но ясно, что этому утверждению можно придать как раз обратную силу. Можно утверждать, что язык исторического романа может не содержать ничего несовместимого с нашим представлением об известной эпохе и в то же время быть вполне языком нашего времени. Правда, здесь есть та разница, что наш язык дан нам непосредственно, и мы его знаем (т.е. понимаем) не задумываясь; а язык других эпох есть величина в значительной мере неизвестная не только для читателей, но и для писателей и даже для ученых. Поэтому вполне возможно безупречное функционирование в тексте исторического романа таких фактов языка, которые на точных весах истории языка могут оказаться анахронизмами. Так, например, можно не сомневаться, что слова вроде *пока* вместо *покамест* и *надо* вместо *надобе*, *нужда* вместо *нужа* или другие выражения являются анахронизмами для эпохи, описываемой в романе, в историческом смысле.

Г. О. Винокур убежден, что язык исторического романа – это современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя. И это возвращает нас к исходному моменту, что язык исторического романа, как всякого другого литературного произведения, есть язык своего времени и своей среды.

Как все остальное, изображаемое, по справедливому замечанию исследователя языка А. С. Пушкина Г. О. Винокура, в историческом романе (быт, нравы, события, характеры, вещи), является для нас предметом такой критики, которая исходит из критериев правдоподобия и убедительности, так и язык требует, чтобы к нему был применен этот критерий.

Другой метод изображения языка в историческом романе, также составляющий только возможный момент в языковой работе исторического романиста, Г. О. Винокур называет (может быть, не очень удачно, с его точки зрения) наводящим методом изображения языка эпохи. Речь здесь идет о том, что в литературном произведении язык вообще может быть не только предметом прямого показывания, но и предметом рассказа или описания портрета героя. Это, конечно, портрет не лингвистический в собственном смысле слова, а, скорее, психологический. Автор исследования обращает внимание только на одну подробность в этой очень большой проблеме портретной характеристики языка, которая в иных случаях прекрасно заменяет демонстрацию языка самого по себе. Подробность касается языковых портретов, когда речь идет о персонажах нерусских и когда автор хочет дать понять читателю, что они не владеют русским языком. Автору это нужно потому, что иначе мы ему не верим.

В числе других особенностей языка А. С. Пушкина того же характера можно указать, вслед за Г. О. Винокуром, например, на употребление вариантов некоторых отклонений от норм литературного языка, например, в «Капитанской дочке» формы родительного падежа единственного числа слов мужского рода на – у: «Он был лет сорока, *росту* среднего, *худощав* и *широкоплеч*».

Таким образом, попытка проследить некоторые особенности языка исторических произведений А. С. Пушкина убеждает нас, вслед за исследователем Г. О. Винокуром, в том, что в исторических произведениях проблема «писатель и язык его народа» – одна из самых значимых проблем. Язык в историческом романе должен полностью совпадать с языком той среды и той эпохи, которую воспроизводит исторический романист. Одновременно язык исторического романа – это современный язык, приспособленный для изображения прошлого, а не язык прошлого, приспособленный для современного читателя.

Ю.М. ЛОТМАН – ОДИН ИЗ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

А.А. Бобылева,

Оренбургский государственный аграрный университет, г. Оренбург

«Александр Сергеевич Пушкин – первый русский писатель мирового значения, участвующий не только в русском, но и в мировом литературном (и шире – культурном) процессе, <...> вся последующая великая русская литература “вышла прямо из Пушкина”», – такими строками начал свой очерк о Пушкине в 1989 г. Юрий Михайлович Лотман, один из известнейших литературоведов, культурологов и семиотиков [1].

Постараемся проследить жизненный путь Ю. М. Лотмана, а особенно – путь становления его как учёного и исследователя.

Юрий Михайлович родился 28 февраля 1922 г. в семье петроградских-ленинградских интеллигентов, в знаменитом доме в начале Невского проспекта, где в пушкинское время помещалась кондитерская Вольфа-Беранжера. В семье он был младшим из четверых детей – родители воспитывали еще трех дочерей. Возможно, литературоведческий круг друзей старшей сестры Лидии и повлиял на выбор профессии – в 1939 г. Юрий Михайлович поступил на филологический факультет Ленинградского университета, где тогда преподавали знаменитые про-

фессора и академики: Григорий Александрович Гуковский читал введение в литературоведение, Марк Константинович Азадовский – русский фольклор, Александр Сергеевич Орлов – древнерусскую литературу. В фольклорном семинаре Владимира Яковлевича Проппа Юрий Михайлович написал свою первую курсовую работу.

В октябре 1940 г., вместе со своими сверстниками, Лотман был призван в армию. То, что он еще до начала Великой Отечественной войны стал кадровым военным, возможно, спасло ему жизнь, т.к. призывники 1922 г. рождения и старшие их сослуживцы, пройдя подготовку, могли потом и воевать более умело.

Артиллерийский полк резервов главного командования, в котором Юрий Михайлович служил сначала простым солдатом, потом сержантом, в первые же дни войны был переброшен на передовую и почти все четыре года находился в жестоких боях. Юрий Михайлович пересёк с отступающей армией всю европейскую часть страны, от Молдавии до Кавказа, а затем наступал на запад, до самого Берлина. За храбрость и стойкость в боях получал ордена и медали, но судьба его удивительно миловала: он ни разу не был ранен, лишь однажды контужен.

В конце 1946 г. Лотман демобилизовался и продолжил учёбу в Ленинградском университете. Уже в студенческие годы Юрий Михайлович делал первые научные открытия. В рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, в тетради масона Максима Невзорова, он обнаружил копию программного документа одного из раннедекабристских тайных обществ, Союза (Ордена) Русских Рыцарей, основателями которого были графы М.А. Дмитриев-Мамонов и М.Ф. Орлов. Найденный источник – «Краткие наставления р. р.» (т. е. русским рыцарям), созданные Дмитриевым-Мамоновым – был давно известен по названию: он упоминался в переписке, фигурировал в следственных делах декабристов, но документ считался утерянным. Статью о своей находке вместе с найденным текстом Юрий Михайлович опубликовал в «Вестнике Ленинградского университета» за 1949 год.

В студенческие же годы Лотман на материале своих научных разысканий подготовил крупную, в три печатных листа, статью «Из истории литературно-общественной борьбы 80-х гг. XVIII века. А.Н. Радищев и А.М. Кутузов» и опубликовал её в сборнике Ленинградского университета (1950). Статья была посвящена полемике Радищева с его другом и идеологическим антагонистом масоном Кутузовым. Здесь же была предпринята попытка хотя бы в общих чертах реконструировать потерянную обширную переписку друзей. Проблема реконструкции несохранившихся записей, замыслов, разговоров всегда интересовала

и будет интересовать учёного. Много позднее, например, он напишет статью о пушкинском замысле, от которого сохранилось только одно слово-заглавие «Иисус».

В 1950 г. Юрий Михайлович с отличием окончил университет, но ему как еврею был закрыт путь в аспирантуру. Лотману удалось найти работу в Эстонии: он стал преподавателем Тартуского университета.

Кандидатскую диссертацию о творческих взаимоотношениях Радищева и Карамзина Юрий Михайлович защитил в Ленинградском университете в 1952 г., после чего опубликовал целый ряд работ об этих писателях. Кроме того, Лотман изучал жизнь и творчество писателей и общественных деятелей начала XIX века, принадлежавших к следующим после Карамзина и Радищева преддекабристским поколениям: А.Ф. Мерзлякова, В.Г. Анастасевича, Андрея Тургенева, Андрея Кайсарова, П.А. Вяземского и др.

В 1954 г. Лотман был приглашён на штатную должность доцента, а в 1963 г. получил звание профессора и стал заведующим кафедрой русского языка и литературы Тартуского учительского института, которую возглавлял без малого 20 лет, с 1960 по 1977 гг., хотя негласным её руководителем оставался до самой кончины.

Докторская диссертация «Пути развития русской литературы преддекабристского периода» была защищена Лотманом в том же Ленинградском университете в 1961 г. Во время работы над диссертацией Юрий Михайлович снова расширил круг своих научных интересов: он начал основательно изучать декабристов, Пушкина, Лермонтова (в дальнейшем он более интенсивно будет заниматься русской общественной мыслью и литературой пушкинской эпохи, сделав её главным объектом своих исторических и историко-литературных исследований). В своих трудах, посвящённых данной эпохе, Лотман убедительно демонстрирует, что в литературе и искусстве тех лет существовала тенденция, нашедшая отражение и у позднего Пушкина, и у Лермонтова, и у Гоголя и условно названная «толстовской»: это упование на патриархальный демократический строй, свободного труженика, неприятие цивилизации, современных общественно-политических систем и художественное воспроизведение идеальной, гармонической, патриархальной жизни.

Одновременно в двух статьях — «Истоки «толстовского направления» в русской литературе 1830-х годов» (1962) и «Идейная структура «Капитанской дочки»» (1962) — Юрий Михайлович по-новому раскрывает и художественное, и этическое значение творческих исканий позднего Пушкина, наиболее глубоко выраженных в «Капитанской дочке»: социальные интересы и пристрастия разных сословий антагонистичны, но над ними возвышаются проявления человечности, миро-

сердца, которые и оказываются самыми ценными для Пушкина 30-х гг.

Юрий Михайлович написал о Пушкине несколько десятков статей, каждая из которых содержит открытия и заслуживает особого анализа. Но вершинами его пушкинианы являются три книги: «Роман в стихах Пушкина „Евгений Онегин“». Спецкурс. Вводные лекции в изучение текста» (1975), «Роман А. С. Пушкина „Евгений Онегин“». Комментарий. Пособие для учителя» (1980), «Александр Сергеевич Пушкин. Биография писателя. Пособие для учащихся» (1981).

Повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка», а точнее — её идейной структуре, посвящена отдельная глава в работе «В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь», датированной 1988 годом. Удивительно точно и ёмко охарактеризовал Лотман суть произведений Пушкина: «Не смешивайте два понятия: решение вопроса и правильная постановка вопроса. Только второе обязательно для художника. В произведениях Пушкина не решён ни один вопрос, но... все вопросы поставлены в них правильно. <...> Произведения его заключают не ответ, а поиски ответов, многообразие которых отражает неисчерпаемое многообразие жизни» [2].

Прикованный к больницам и госпиталям, потерявший зрение, Лотман до последних дней занимался: ученики читали ему необходимые тексты и записывали под его диктовку новые работы.

Умер Лотман в Тарту 28 октября 1993 г. Похоронен на кладбище Раади там же.

Труды Лотмана удивительно разнообразны и по методам, и по объектам исследований: он занимался не только литературой и общественной мыслью, но ещё и историей, историей журналистики, культурологией, бытом, театром, кино, живописью. Всего им опубликовано свыше восьмисот научных и научно-популярных статей и книг (сюда входят и дубли: перепечатки и переводы на другие языки). Он стал воистину всемирно известным ученым, его наперебой приглашали университеты и институты; многие академии наук избирали его своим членом, например, Британская академия наук (1977), Норвежская академия наук (1987), Шведская королевская академия наук (1989) и др.

Многое из творческого наследия Ю. М. Лотмана вошло и входит в культурную копилку человечества. А ученики и последователи учёного и дальше развивают его идеи.

Примечания

1. Лотман Ю. М. Пушкин // История всемирной литературы. Т. 6. М., 1989. С. 321.

2. Его же. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988 // http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lotm_shk/02.php

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРОЕВ РОМАНА А. С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Л. С. Панина,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Своеобразие любого художественного текста заключается в том, что имея самостоятельную значимость, опирается на исторически сложившиеся культурные ценности, пропущенные через языковую личность писателя. Писатель вносит в текст национальные ментальные стереотипы, использует возможности самого языка, являясь его языковой личностью.

Давно замечено, что «...народ выражает себя всего полнее и вернее в языке своем. Народ и язык один без другого представлен быть не может... Народ действует, его деятельностью управляет ум; и деятельность народа отражаются в языке его». Так говорил крупнейший русский ученый, филолог и этнограф прошлого века Измаил Иванович Срезневский.

Действительно, язык отражает историю народа, общества и государства, и в силу этого оказывается одним из источников для изучения. В свою очередь история языка отражает историю народа, общества.

Возрождая элементы русского литературного языка и предвосхищая появление новых, А. С. Пушкин шел по пути развития общенародного языка и считал, что это единственно истинный для писателя путь: «Слово — творчество, как всякое только хождение по следу слуха народного и природного, хождение по слуху» [1].

При анализе содержания и специфики языка романа «Капитанская дочка» поражает умение автора выбрать такие емкие слова и выражения, которые, называя конкретное лицо, предмет, явление, одновременно «строит модель мира». Можно также заметить, что «писатель выбирает характерные черты и представляет их в таких сочетаниях, которые дают возможность придать художественному произведению видимость реальности...» [2]. Это как нельзя лучше характеризует использование А. С. Пушкиным паремииологического материала: пословиц, поговорок, присловий, молвушек, которые «спрессовывают» народный опыт и народную мудрость. Ведь в этих народных изречениях заложен глубокий смысл: будучи сказанными «кстати», они «получают вдруг значение глубокой мудрости. Мудрые изречения способны воз-

действовать на чувства, сознание, поведение человека, формировать его нравственную культуру» [3]. Своеобразием эпохи, отраженной в известном произведении, А. С. Пушкин сумел сказать о русском национальном характере.

При анализе содержания и специфики языка романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» обращает на себя внимание использование мастером художественного слова одного из разрядов сверхсловных единств, которые трудно по различным грамматическим признакам отнести к пословицам, поговоркам, крылатым словам и выражениям. Это такие слова и выражения, как: *Кто его знает; Как-никак; По крайней мере; Все дно к одному; В конце концов; Не тем будь помянут; Долго ль до греха; Не к ночи будь помянут; Грешным делом; Дело прошлое; Между нами говоря; Вот еще; Да была нужда; Ты ли это; Кого я вижу* и др. До сих пор подобные языковые комплексы не имеют точной «прописки» и точного определения. Известно только то, что в свое время академик В. В. Виноградов, делая попытку заниматься ими, назвал эти единицы модальными словами.

В. И. Даль в своем словаре и в «Напутном» же к своему словарю, выделяя подобные языковые единицы, определил их как присловия или приговорки. Приговорку В. И. Даль характеризует следующим образом: «Приговорка — это изречение, иногда одно слово, часто повторяемое в речи, приговариваемое, без большого толку и значения, а по местной или личной привычке» [4].

Термин же «Молвушки» впервые описал А. С. Спирин в своем словаре как ответную реплику собеседника [5].

В 2005 г. В. И. Зимин в сборнике «Пословицы и поговорки русского народа» упоминает о самостоятельном жанре, таком, как «приговорки», «присловия», «молвушки», сравнивая их друг с другом [6]. «...Иногда их трудно отличить друг от друга. Роднит между собой эти два жанра то, что и присловия и приговорки употребляются в качестве ответной реплики на реплику собеседника. В народе такие выражения, по мнению В. И. Зимина, называют «отговорками» [7].

В своей статье мы попытаемся выявить и описать некоторые приемы использования А. С. Пушкиным этих языковых комплексов в романе «Капитанская дочка», определить их художественно-изобразительные функции в тексте, обращая особое внимание при этом на отдельные индивидуально-авторские особенности их употребления. Ведь они также относятся к паремиологическим единицам и отражают специфику национального русского характера.

Нами замечено, что автор известного произведения также довольно охотно использует заложенные в присловиях, приговорках, мол-

вушках выразительные возможности, высокую степень обобщенности, эмоционально-экспрессивное их наполнение, их стилистическую окрашенность (разговорность, просторечность, книжность и т.д.) и образность.

Обращение А. С. Пушкина к названным паремиологическим единицам (молвушкам, присловиям, приговоркам), их использование в художественном тексте является показательным для определения общего отношения автора к этим выразительным средствам языка. Характер же включения их в текст является одной из черт, позволяющих определить склонность А. С. Пушкина к простоте или сложности решения поставленной художественной задачи.

Нами замечено, что основную массу используемых в «Капитанской дочке» языковых комплексов — молвушек, присловий, приговорок — составляют общеизвестные и часто употребляемые в речи указанные нами выражения, включенные в художественные произведения в общеизвестной форме и значении. Отличительной особенностью этих языковых единиц является то, что они в основном имеют ярко выраженную разговорную и просторечную окраску. Это такие языковые комплексы, как: *Да нечего было делать, Нечего сказать, Да что будет, то и будет, Слава Богу, Ты ли это?* и другие.

Как демонстрируют результаты лингвистических исследований, подобные языковые комплексы употребляются в основном в диалоге, так как они могут восприниматься только как фрагменты каких-то фраз и не более. Употребленные в качестве ответа на реплику собеседника в диалоге, эти языковые комплексы приобретают конкретный смысл. Так, в разговоре дворовой девки Палашки с Петрушей Гринёвым четко прослеживается интонация простой речи необразованного человека. Сравним.

— А, Пётр Андреич, — сказала она, сплеснув руками. — *Боже, какие страсти!* ... У меня так сердце и ёкнуло, *да делать было нечего!*..

Как видим, смысл этих молвушек можно понять только в диалоге, в определенной ситуации. Чтобы осмыслить молвушку, присловие, надо внимательно прислушаться к интонации ее произносящего носителя языка. Типичную русскую интонацию простой необразованной Палашки поможет понять еще один пример использования молвушек.

— Прощайте, Пётр Андреич! *Что будет, то и будет; авось бог не оставит!*

Как видно из приведенного примера, в этой речевой ситуации нет ни удивления, ни изумления. Просто говорящий утверждает, что необходимо покориться ситуации, необходимо принимать все как есть, нужно надеяться на самое лучшее, что может быть в данной ситуации.

Известные, часто употребляемые в разговорной речи простых людей молвушки употребляются в речи героев как фрагменты каких-то фраз и не более. И смысл их становится ясным только из интонации в определенной речевой ситуации. А уяснить смысл этих молвушек в тексте «Капитанской дочки» нередко становится ясным из самого контекста, когда как бы для уточнения используются известные народные выражения, пословицы и поговорки. В художественном тексте «Капитанской дочки» названные устойчивые словосочетания выполняют задачи, обусловленные его эстетической функцией.

Вкладывая в уста персонажей ту или иную языковую единицу, в том числе и паремиологическую, А. С. Пушкин учитывает характер, происхождение, внешний вид и внутренний мир своего героя. Речь героя входит в художественное произведение с уже определенными свойствами персонажа и задачами произведения. Мы убеждены, что автор не всегда осознанно вкладывает слова в уста героев, иногда речь героя может сказать о нем больше, чем задумал сам писатель.

Какими было уже замечено, автор известного романа «Капитанская дочка» в своем произведении активно использует устойчивые словосочетания в речи героев как средство социализации героев, чтобы показать черты русского характера. Так, в речи Гринёва-рассказчика, например, использована пословица «*Семь бед, один ответ*». Есть пословицы и в авторской характеристике, например, знакомой молодого Гринёва, Палашки: «она — девка бойкая, которая и урядника заставляет *плясать по своей дудке*». Или пословица редкая, в современном обиходе не встречающаяся: «*Не приведи Бог видеть русский бунт — бессмысленный и беспощадный*». Те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, или молоды и не знают нашего народа, или уж люди жестокосердные, коим *чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка*».

Богата «красным словом» речь бунтаря Пугачёва. Так, например, разговор Пугачёва и хозяина постоялого двора построен на пословицах, поговорках, присловьях. На вопрос хозяина: «*Отколе Бог принёс?*» вожатый отвечал поговоркою: «*В огород летал, конопля клевал: швырнула бабушка камушком — да мимо*». «Ну, а что ваши?» — «Да что наши! — отвечал хозяин, продолжая иносказательный разговор. — Стали было к вечерне звонить, да попадья не велит: поп в гостях, черти на погосте». — «Молчи, дядя, — возразил мой бродяга, — *будет дождик, будут и грибки; а будут грибки, будет и кузов*»; ср.: у В. И. Даля: «*Поп своё; а чёрт своё*» и «*Будет дождик — будут грибы, а будут грибы, будет и кузов*».

Почти в каждой главе, где появляется Пугачёв, звучат его известные пословицы, присловия, молвушки. Сравним.

– *Так и быть, делать нечего*, ступай на все четыре стороны и *делай что хочешь*.

Эти выражения также воспринимаются как фрагменты каких-то фраз. И смысл этих выражений становится ясным также из интонации в определенной речевой ситуации.

И Савельич скажет, как припечатает: «*Так-то так*». Как бы разъясняя смысл этих слов, Савельич продолжает их известной пословицей: «*Зашёл к куме, да засел в тюрьме*» (по поводу первой встречи с Зуриным), ср. у Даля: «*Пошел к куме, а засел в тюрьме*», «*Быль молодцу не укора: конь о четырёх ногах, он спотыкнется*», «*А с лихой собаки хоть шерсти клок*», «*Из огня да в полымя*».

Капитанша Василиса Егоровна в немногих своих речах также не обходится без пословицы, например, «*На грех мастера нет*» (о Швабрине), «*Девка на выданье, а какое у ней приданое? частый гребень, да веник, да алтын денег* (прости Бог!), с чем в баню сходить» (о Маше).

Эпизодичны такие персонажи, как кривой старичок в офицерском мундире Иван Игнатьич или ямщик, но и их речь яркая благодаря использованию пословиц. Иван Игнатьич, например, произносит: «*Брань на вороту не виснет*». (Ср.: в словаре В.И. Даля существует такой же вариант пословицы), «*Худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров*» (по поводу дуэли Гринёва и Швабрина); ср. у Даля: «*Худой мир лучше доброй драки*». Ямщик: «*Небось: лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой*» (ср. у Даля: «*Лошади чужие, хомут не свой, погоняй, не стой*!»).

Фольклорная образность присуща Хлопуше в споре с Белобородовым: «Конечно, (...) и я грешен, и эта рука (...) повинна в пролитой христианской крови. Но я губил супротивника, а не гостя; на вольном перепутье, да в тёмном лесу, не дома, сидя за печью; кистенём и обухом, а не бабьим наговором».

В речи героев «Капитанской дочки» пословицы, как и в народном их употреблении, живут своей обычной жизнью, претерпевая, например, ситуативное развёртывание и компрессию (то есть усечение или наоборот развёртывание пословицы). Ср.: *Береги честь смолоду* (эпиграф) – *Береги платье снову*, а честь смолоду (Гринёв-отец); *Худой мир лучше доброй ссоры, а и нечестен, так здоров* (Иван Игнатьич).

Во всех примерах отразилось замеченное Пушкиным врождённое свойство русского народа: «...отличительная черта в наших нравах есть какое-то весёлое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться...» (А. С. Пушкин об искусстве).

Использованный Пушкиным паремииологический материал «организует меткое попадание в описываемую ситуацию», например, разговор Пугачёва с хозяином постоялого двора.

Паремиологические единицы, используемые А. С. Пушкиным, часто соответствуют характеру персонажа (ведь уж как охарактеризованы пословицей «те, которые замышляют у нас невозможные перевороты, (...) люди жесткосердные, коим *чужая головушка полушка, да и своя шейка копейка*»), линии его поведения. Так, Савельич дважды употребляет пословицу «*Конь и о четырёх ногах, да спотыкается*» (в разговоре с Пугачёвым), а в письме к старому барину, стремясь оправдать Петрушку, для большей убедительности соединяет с той пословицей другую: «*Быль молодцу не укора: конь и о четырёх ногах, да спотыкается*» (ср.: у Даля: «Конь о четырех ногах, да спотыкается»; «*Быль молодцу не укора*»). Такой яркий штрих к образу Пугачёва, как его бесшабашная удаль, Пушкин передаёт с помощью найденного им эмоционально выразительного варианта пословицы: «*Закусим, запьём — и ворота запрём*». У Даля зафиксирован нейтральный вариант: «*Запьём, так и ворота запрём*»); добавление однородного сказуемого *закусим* в первой части этой двухчастной пословицы и опущение относительного местоименного наречия *так* во второй части существенно меняет ритмическую структуру пословицы.

Как сказал А. Мицкевич: «Его проза изумительной красоты. Она беспрестанно и неприметно меняет краски и приемы свои». Фольклорные единицы в «Капитанской дочке» — это «заветное слово» персонажа, которое удалось уловить Пушкину. Когда Пушкин прибегает к устойчивой языковой единице, он говорит так, что «соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами»

Благодаря использованию «красного слова» полнее раскрывается специфика повести, а именно — изображение народной жизни, народных характеров, образа мысли народа в драматический период российской истории.

Народное слово своей лаконичностью, живописностью, весёлым лукавством ума органично для творчества Пушкина, который и в прозе оставался поэтом. Пушкинское чудо сжатой формулировки высоко ценил Н. В. Гоголь, называя его слово бездной пространства, которое «необъятно, как поэт».

Как показали наши наблюдения, если рассматривать произведения А. С. Пушкина с точки зрения способа привлечения в них паремий, то условно, на наш взгляд, можно выделить три основных типа использования паремиологического материала: а) использование паремий в общепринятой форме и значении; б) наличие в тексте паремий структурно-семантических преобразований; в) создание индивидуально-авторских единиц.

Как нами было уже отмечено выше, большая часть привлеченных А. С. Пушкиным паремий употреблена нормативно, и это ведущая в его творчестве тенденция, однако мы не исключаем и разного рода преобразований устойчивых сочетаний в его текстах. Хотя к преобразованию устойчивых сочетаний А. С. Пушкин обращается крайне редко, а если и обращается, то это чаще всего сводится к уточняющему расширению их границ. Это, например, такие выражения: *плясать под дудку, без гроша в кармане, выбивать дурь* и др.

Об этом говорят примеры и в других пушкинских произведениях: «Мария Ивановна имела с нею всегдашние сношения через Палашку (девку бойкую, которая и урядника заставляет *плясать по своей дудке*) («Капитанская дочка»); «Смотрите ж вы у меня, не очень умничайте — вы, я знаю, народ избалованный: да я *выбью дурь из ваших голов*, небось скорее вчерашнего хмеля» («История села Горюхина»); «*Делать нечего*: написала я сыну письмо, рассказала все и послала благословение без *гроша денег*» («Дубровский»); «Унынья моего ничто не мучит, не тревожит, И *сердце вновь горит* и любит — оттого, что не любить оно не может». («На холмах Грузии»); «Оренбургские *дела принимают худой оборот*» («История Пугачёвского бунта»); «Зачем вечер так рано скрылись? — Был первый Оленькин вопрос. Все чувства в Ленском помутились, И *молча он повесил нос*» («Евгений Онегин») и др.

Еще одним приемом трансформации паремии у А. С. Пушкина является прием замены одного из компонентов устойчивого сочетания синонимом (чаще всего стилистически сниженным), что характерно для речи простого, необразованного носителя языка. А это всегда ведет к эмоциональному подчеркиванию значения устойчивой единицы. Ср.: например, устойчивое сочетание *дитя природы* (в значении: *человек, не подвергшийся влиянию цивилизации, отличающийся непосредственностью выражения своих чувств*) и его семантически равнозначный контекстуальный вариант *сын природы* в следующем примере: «Беспечный *сын природы*, пока златые годы В забвенье трачу, /Со мною неразлучно / Живи благополучно, /Наперсница моя» («К моей чернильнице»). Известное устойчивое сочетание *как у Христа за пазухой* (в значении: *хорошо, вольготно, без хлопот и забот жить и поживать*) в пушкинском употреблении звучит так: «Послушай-ка, батюшка, да и почивай себе до утра, *как у Христа за пазухой*» («Капитанская дочка»).

Сравним еще русское устойчивое сочетание *наложить печать* (отпечаток) (в значении: *оставлять на ком-либо или на чем-либо след какого-либо воздействия, влияния или оказывать сильное влияние на кого-либо или на что-либо*) и его контекстуальный вариант *положить печать* в следующем пушкинском примере: «Излишества всякого рода изнурили его

здоровье и *положили на нем свою неизгладимую печать*» («Дубровский»). Известная единица *чернильная душа* (в значении: *мелкие чиновники*) А. С. Пушкин трансформирует в устойчивое сочетание *чернильное племя* в следующем тексте: «И хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью *чернильного племени*, но мысль сделаться жертвой ябеды не *приходила ему в голову*» («Дубровский»).

Отличительной особенностью использования паремиологического материала А. С. Пушкиным, на наш взгляд, является и то, что большую часть привлекаемых автором паремий составляют устойчивые сочетания, имеющие в языке омонимичные обороты с прямым значением, т.е. сочетания, обладающие потенциальной возможностью обыгрывания прямых и переносных значений всего сочетания или отдельных его компонентов: *качать головой, разинуть рот, упасть без чувств, своей чередой, круглый год, в скором времени* и др. Например: «Вступив в управление имения, Иван Петрович, по причине своей неопытности и мягкосердия, в скором времени запустил хозяйство и ослабил строгий порядок, заведенный покойным его родителем» («Повести Белкина»); «К красну солнцу наконец обратился молодец. «Свет наш солнышко, Ты ходишь *Круглый год* по небу / Сводишь зиму с теплою весной.../ Не видало ль где на свете / Ты царевны молодой?» («Сказка о мертвой царевне...»); «Любезный Пётр Андреевич, пожалуйста, пришли мне с моим мальчиком сто рублей, которые ты мне вчера проиграл... *Готовый ко услугам* Иван Зурин» («Капитанская дочка»); «Марья Ивановна быстро взглянула на него и догадалась, что перед нею убийца ее родителей. Она закрыла лицо руками и *упала без чувств*» («Капитанская дочка») и др.

Все приведенные в настоящей статье примеры показывают, что совершенно очевидной для паремий является синтаксическая функция: они выполняют в предложении роль его членов или компонентов (если иметь в виду вводные слова). В другом виде это можно сформулировать следующим образом: когда, как и с какой целью используются некоторые паремии в пушкинских произведениях. Нам представляется возможным, вслед за Ю. А. Гвоздаревым, выделить четыре основные, на наш взгляд, их функции в этом плане: обобщающую, оценочно-характеризующую, экспрессивно-образную, стилиобразующую [8].

По нашему мнению, обобщающая функция является одной из основных. Например: «Старичок хотел заспорить, / Но с иным накладно вздорить; / Царь хватил его жезлом / По лбу; тот упал ничком. Да и *дух вон*» («Сказка о золотом петушке»); «А как тому два года Иван Кузьмич выдумал в мои именины палить из нашей пушки, так она (Маша), моя голубушка, *чуть со страха на тот свет не отправилась*» («Капитанская дочка»); «Ты меня слишком огорчил предположением, что твоя живая поэзия *приказала долго жить*» (Письмо Вяземскому) и др.

Функции характеризующая и оценочная отмечались лингвистами и литературоведами не раз (А. И. Ефимов, П. А. Краснов, А. И. Олейник, И. А. Федосов, А. М. Бабкин и др.). При этом отбор паремий способствует характеристике персонажей. Подавляющее большинство паремий нацелено на характеристику и на оценку человека и взаимоотношения между людьми. Это вполне и понятно, ибо людей больше всего интересует себе подобное.

Экспрессивная функция паремиологических единиц у А. С. Пушкина тесно связана со стилиобразующей, которая довольно отчетливо вырисовывается в следующих примерах: «Светила ночи затмевались, В дали прозрачной означались Громады светло-снежных гор» («Кавказский пленник»); «Возьми себе свою красавицу; вези ее куда хочешь и дай вам Бог *любовь да совет*» («Капитанская дочка»); «И для нас Погиб животворящий глас, / И за *могильною чертою* / К ней не домчится гимн времен / *Благословение племен*» («Евгений Онегин») и др.

Таким образом, рассмотрев некоторые особенности речи героев в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка», мы пришли к выводу, что использование паремиологических единиц (поговорок, присловий, молвушек, приговорок) позволяет говорить о целом комплексе национально-специфических, общекультурных, групповых и индивидуально-специфических свойств героев произведения. Не вызывает сомнения тот факт, что роман «Капитанская дочка» является результатом речевого акта, непосредственно связанного с действительностью. В результате исследования функционирования паремиологических единиц в речи героев становится очевидным тот факт, что при этом извлекается национально-культурная информация, выявляются и особенности характера отдельных героев, типичные и специфические особенности русского характера. Роман «Капитанская дочка» характеризуется значительным по количеству употреблением устойчивых сочетаний. Наиболее характерным, на наш взгляд, является использование паремиологического богатства русского народа в общеязыковой форме и значении, причем большая часть их имеет ярко разговорную окраску или разговорно-просторечную окраску, с пометой «устаревшее» в современном русском языке. Тематический состав представленных паремий связан с темой «человек».

Примечания

1. Винокур Г. О. Понятие поэтического языка // Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 392.
2. Кожевникова К. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Прага, 1970. С. 63.

3. Снегирев И. М. Словарь русских пословиц и поговорок: Русские в своих пословицах. 2-е изд. Новгород, 1996. С. 203.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М., 1984. С. 20.
5. Спирин А. С. Русские пословицы. Сборник русских народных пословиц и поговорок, присловий, молвушек, приговорок, присказок, крылатых выражений литературного происхождения. Ростов-на-Дону, 1985. С. 193.
6. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. М., 2005. С. 384.
7. Зимин В. И. Пословицы и поговорки русского народа. Большой толковый словарь. Изд. 2-е. М., 2005. С. 389.
8. Гвоздарев Ю. А. Основы русского фразообразования. Ростов-на-Дону, 1977. С. 72.

ОТ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ ПУШКИНА К ГУМАНИСТИЧЕСКОМУ ПОДХОДУ К. РОДЖЕРСА

Ф. А. Ветлугина,

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

В образовательной сфере наряду с процессом передачи знаний происходит и другой процесс — передачи способов самоопределения. Задачу по обучению самоопределению личности в конкретных ситуативно-значимых для нее обстоятельствах и на всем протяжении ее жизненного пути инициируют психологи и педагоги. Именно в образовании создаются прецеденты и образы самоопределения.

Концепция самоопределения по-новому ставит вопрос об объекте образования. Им не может выступать ни отдельная личность, ни группа, а лишь образовательный материал (предметы, явления, символы, модели, ситуации, ценности, деятельность, отношения, психологическая атмосфера) в процессе выбора, исследования и преобразования которого происходит самоопределение и саморазвитие субъекта образования (учителя/преподавателя, ученика/студента, взаимодействие класса/группы, сообщества).

Термин «самоопределение» (жизненное, социальное, профессиональное) в основном использовался в отечественной научной литературе философской, социологической и психологической направленности. В смысловом отношении это понятие близко утвердившемуся на Западе термину «самореализация» (selfrealization), «самоосуществление»(self-fulfillment).

Американский психолог, основоположник гуманистического подхода К. Роджерс, который одним из первых стал рассматривать категорию «самореализация», считал стремление к самоактуализации (самореализации) врожденным. Оно обусловлено тенденцией к утверждению личности и способствует конструктивному продвижению вперед, процессу завершенности и целостности личности. При наличии многих потребностей все они подчиняются базовой тенденции к становлению и самоусилению организма в целом. Заданные наследственно линии самоактуализации постепенно проявляются в связи с естественным созреванием организма. Отметим, что именно различное понимание природы «внутренних детерминант» деятельности субъекта становится основополагающим при разделении понятий «самореализация» и «самоопределение».

В «самоопределении» в большей степени фиксируется модус потенциального, зарождающегося. А «самореализация» объясняет раскрытие, обнаружение «потенциального» в «актуальном».

Справедливости ради нужно отметить, что К. Роджерс не отрицал модуса «возможного», потенциального в психике человека. Он отмечал, что тенденция движения вперед реализуется только при условии «ясного восприятия и адекватной символизации человеком своих выборов, проверки своих гипотез, различения им прогрессивного и регрессивного поведения».

Эти гуманистические идеи хорошо прослеживаются на примере поэтического творчества.

Дружба являлась одним из нравственных идеалов жизни А. С. Пушкина. Эта тема находит отражение в стихотворениях «19 октября 1827 г.», «Воспоминания в Царском селе», «К Чаадаеву» и множестве других посланий друзьям. В поэтическом творчестве А. С. Пушкина один из основных мотивов, который проходит через всю дружескую лирику – это мотив верности в дружбе. Перед окончанием лица поэт клянется в вечной верности друзьям. Эта клятва не оказалась поэтическим преувеличением. А. С. Пушкин через всю жизнь свято пронес верность дружбе и «вольности святой». Эти ценности, эти отношения, эти мотивы звучат в послании «К Чаадаеву», человеку безукоризненной честности и огромного свободолюбия:

Мой друг, отчизне посвятим

Души прекрасные порывы!

Друзья были той отдушиной, к которой Пушкин бежал в трудную минуту. В более поздних произведениях видны ностальгические мотивы в его строках. Светлой датой был для поэта день основания лица.

К каждой годовщине А. С. Пушкин писал по стихотворению, вспоминая тех, кто покинул его.

Свободолюбие, любовь, дружба и, конечно, Родина. Во всех этих темах отчетливо видны гуманизм поэта, его безграничная любовь к свободе и красоте. Вся лирика А. С. Пушкина пронизана гуманистическими идеями, которые «питают здравый ум и вместе учат нас». Недаром В. Г. Белинский в одной из своих работ написал: «Читая Пушкина, можно превосходным образом воспитать в себе человека». Человека, который будет уважать права и свободы других, а также право любимой на выбор. Разве не в этом заключается гуманизм?! Эти аспекты гуманизма Пушкина и способствуют конструктивному продвижению вперед, процессу завершения личности и целостности личности. Эти же темы лежат в основе исследований К. Роджерса.

Рассматривая механизмы становления «потенциального» и его переход в «актуальное», К. Роджерс использует понятие «конгруэнтность». В основе этого понятия лежит представление о предельном смысле – цели человека стать «самим собой».

Неконгруэнтность проявляется в переживаниях, чувствах, ценностях как тревога, угроза, несоответствие между субъективной реальностью (Я-воспринимаемое) и внешней реальностью; Я-реального и Я-идеального.

Конгруэнтность, напротив, переживается как соответствие между Я-воспринимаемым и актуальным опытом переживаний организма. Человек в этом случае характеризуется адаптированностью, зрелостью и полнотой функционирования. К. Роджерс считал, что в целом расхождение между Я-идеальным и Я-реальным способствует саморазвитию, самосовершенствованию. Однако значительные расхождения могут сопровождаться острым чувством неудовлетворенности, которое может блокировать и искажать намерения, формируя неконгруэнтность. Формированию адекватной Я-концепции во многом способствует множественный опыт социальных интеракций, основанный на адекватном функционировании когнитивных функций: идентификации, классификации, категоризации вещей, событий, людей.

НЕМЕЦКИЕ ПЕРЕВОДЧИКИ А.С. ПУШКИНА XIX ВЕКА

О. Я. Бахарева,

Оренбургский государственный педагогический университет, г. Оренбург

Тема переводов произведений А. С. Пушкина на немецкий язык в Германии XIX века скромно прозвучала на III чтении в 2011 г., однако она была замечена и вызвала интерес у слушателей, поэтому ее было решено значительно расширить [1] и углубить на последующих конференциях. Для достижения этой цели необходимо исследовать тесные контакты русской и немецкой культуры в области литературы и перевода XIX века.

Произведения А. С. Пушкина в Западной Европе начали переводить с 1820-х годов, о чем удалось узнать в «Обзоре русской литературы», выполненным советским литературоведом П. Н. Берковым в 1937 г. [2]. Он выяснил, что в 1823 г. любители литературы прочли «отрывки из поэмы «Руслан и Людмила» и эпиграмму «История стихотворца» в книге К. Ф. фон дер-Борга «Поэтические произведения русских» [3]. Кристоф Август Тиедге, друг лицеиста Кюхельбекера, написал свободный перевод лицейского стихотворения А. С. Пушкина «Роза» на два года раньше, в 1821 г. В последующие годы вышло еще 35 переводов. Первые переводы выполнили те из немецких литераторов, кто хорошо владел русским языком: преподаватели русской словесности в немецких университетах, немцы, долго жившие в России, и российские немцы, чьи предки переселились на восток и приняли российское подданство в XVIII–XIX вв. Именно эта прослойка интеллигенции отличалась билингвизмом, образованностью и начитанностью.

Переводчиками произведений А. С. Пушкина зарекомендовали себя Ф. Боденштедт, Карл Ф. фон дер-Борг, В. Грегор, И. Гюнтер, Т. Опитц, С. Радецкий, Ф. Фидлер, Ф. Хиллер-Герtringен, М. Шик, Т. Эрвард, К. фон Кнорринг, дипломат барон Анстет [4] и др. В Германии интерес к личности поэта и к его творчеству значительно возрос после его трагической смерти, главным образом с 1840-х гг., и после открытия в Москве памятника в 1880 г. Если при жизни А. С. Пушкина принимали за рубежом в облике «романтика», увлекательного рассказчика-обывателя, патриотического поэта, то позже считали его создателем «русской экзотики» с философским ореолом. Именно так западный читатель воспринимал «Сказки», поэмы «Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Медный всадник», новеллы «Капитанская дочка» и «Дубровский».

В Германии в отличие от других стран произведения русского поэта выходили часто и зарекомендовали себя переводами, выполненными на качественном уровне. Их распространением занимались многочисленные книжные издательства – Универсальная библиотека Филиппа Реклама, «Современная библиотека Вебера», «Народная библиотека Мейера», «Народная библиотека Гессе».

Одним из первых переводчиков был российский литератор немецкого происхождения Александр Евстафьевич Вульферт (19 июля 1790, Выборг – 9 декабря 1855, г. Гельсингфорс). Он родился в немецкой семье, переехавший вскоре в С.-Петербург, впоследствии в Финляндию. А. Е. Вульферт окончил в Дерпте филологический факультет (1808–1809), потом факультет права в университете г. Або (1816–1820, Финляндия), занимался преподавательской деятельностью в Выборге и Вильманстранде, редактировал «St. Peterburgische Zeitung» в 1826–1833 гг. [5]. Он заявил о себе как переводчик поэм «Кавказский пленник» и «Бахчисарайский фонтан». Вот немецкие эквиваленты титульников «Der Berggefangene» – «Пленник гор», 1823, и «Die Trauerquell» – «Печальный источник», 1826.

Цензор А. И. Красовский дал разрешение на печатание перевода «Кавказский пленник» 7 июня 1823 г., 17 апреля 1824 г. вышло новое разрешение к переизданию поэмы за подписью того же цензора. Перевод А. Е. Вульфорта переиздал в С.-Петербурге Евстафий Ольдекоп, не имея на то разрешения автора. В его издании русский подлинник поэмы давался на четных страницах книги, а немецкий – на нечетных. Этот трюк Е. Ольдекопа выступал как «приложение», якобы для сравнения и лучшего понимания перевода [6]. Литературовед Г. Ершофф назвал перевод А. Вульфорта «удачным воссозданием пушкинской поэмы «Кавказский пленник».

Здесь, вероятно, необходимо вспомнить, что время с 1817 по 1864 гг. для России связано с ведением военных действий и завоеванием горных районов Северного Кавказа. С середины 1830-х гг. конфликт обострился из-за возникновения в Чечне и Дагестане религиозно-политического движения газават во главе с имамом Шамилем, получило моральную и военную поддержку Османской империи, а во время Крымской войны (1853–1856 гг.) – и Великобритании [7]. Сложившаяся напряженная политическая ситуация на Кавказе вызвала интерес к творчеству поэта в Германии. За границей поэма «Кавказский пленник» одновременно представила «самобытность русской литературы и внесла свой вклад в обогащение немецкой литературы» [8].

Поэма «Борис Годунов», переведенная Карлом Кноррингом, вышла из печати вслед за выходом оригинала в 1831 г. Подавление польского

восстания в том же году вызвало у передовой немецкой интеллигенции негативное отношение к России и всему русскому, поэтому на Западе стихотворение «Клеветникам России» истолковали как выражение истинных целей царизма, чьим рупором считали А. С. Пушкина. Только трагическая смерть поэта сделала поворот в сознании прогрессивной немецкой общественности в переосмыслении и восприятии личности самого поэта и его произведений.

Мастерский анализ творчества поэта провел в 1831 г. офицер русской армии немец К. А. Фарнгаген фон-Энзе в «Берлинском ежегоднике научной критики». Он выучил русский язык для чтения в подлиннике романа в стихах «Евгений Онегин» и дал повод своему соотечественнику Адальберту Шамиссо познакомиться с поэзией А. С. Пушкина.

Поэму «Кавказский пленник» переводил Роберт Липперт — один из лучших переводчиков русского поэта. В 1840 г. из печати вышел его сборник переводов А. С. Пушкина на немецком языке «Puschkins Dichtungen von R. Lippert» в двух томах, куда вошли южные поэмы «Полтава», «Сказка о царе Салтане», отрывки из поэм «Борис Годунов» и «Евгений Онегин», «Каменный гость» и другие лирические произведения. Упомянутый выше Фарнгаген фон Энзе в статье «Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik» (1838 г.) и В. Вольфзон в книге «Die schönwissenschaftliche Literatur der Russen» (1843 г.) положительно отозвались о переводах Р. Липперта [9]. Критик Катков перевел статью Фарнгагена фон-Энзе на русский язык и опубликовал в «Отечественных записках» в 1839 г. в виде приложения к пятой книге журнала. Надо отметить, что Р. Липперт, будучи в С.-Петербурге около двух лет, сотрудничал в «Отечественных записках» в 1841 — 42 гг.

«Отечественные записки» еще раз восторженно отзывались о переводах Р. Липперта в 1841 г.: «Германский литератор г. Липперт, который так успешно перевел на немецкий язык некоторые сочинения Пушкина, что немцы могут читать теперь, как по-русски, лучшие сцены «Бориса Годунова», лучшие места «Онегина», почти неперевоаемые ни на какой язык, — этот г. Липперт теперь в Петербурге, и с каждым днем более и более знакомится с русскою литературою. Способность его переводить удивительна! Он передает подлинник почти слово в слово и нисколько не лишает его поэзии, сохраняя притом все особенности его, всю характеристику. Р. Липперт сверх того одарен в высшей степени поэтическим тактом и потому чрезвычайно верно выбирает в нашей литературе лучшие ее произведения, намереваясь знакомить соотечественников своих не с пустоцветом, как делали некоторые прежде, но с роскошнейшими и благоуханнейшими ее цветами» [10]. На страницах «Записок» он давал обзоры зарубежной литературы Германии,

Англии, Франции, Италии. Несмотря на известность в литературных кругах С.-Петербурга и Москвы, его обзоры не вызывали подобного восторга как переводы.

Кроме Р. Липперта, переводом романтической поэмы «Цыганы» занимались Эдуард фон Ольберг и Г.Л. Шмитт. Их независимые друг от друга варианты перевода появились в 1840 г. в Штутгарте в издательстве Августа Левальде, в Лейпциге в издательстве Энгельмана и в Берлине в издательстве Георга Гропиуса. Наиболее близкими к оригиналу по ритмике и выбору лексики стали переводы Р. Липперта и Г.Л. Шмитта, менее удачным был перевод у Эдуарда фон Ольберга. Эдуард фон Ольберг служил капитаном прусского генерального штаба, имел «поверхностные знания русской литературы и русского языка, принадлежал к той части прусского консервативного дворянства, которая безоговорочно поддерживала политику царизма по отношению к Германии», — писал Г. Ершофф [11]. Речь идет в данном случае о развертывании пропаганды «немецкого засилья» в России.

К славной когорте переводчиков А.С. Пушкина принадлежал Фридрих Мартин фон Боденштедт (1819, Пейне — 1892, Висбаден). В ранней юности он служил учеником у одного купца, позже учился в университете Геттингена, изучал историю и иностранные языки, с 1840 по 1843 гг. служил домашним учителем у князя Голицына в Москве. На Кавказ он переехал в 1843 г. и работал учителем гимназии в Тифлисе, где завязалась дружба с учителем татарского языка Мирзой Шаффи. Через два года вернулся в Германию, путешествовал по Италии и Швейцарии. Вскоре после этих приятных путешествий началось его восхождение по карьерной лестнице. Он служил редактором в Триесте, Вене, Берлине, Бремене. Литературный талант молодого человека заметил король Макс II Баварский и пригласил в 1851 г. в Мюнхен на должность профессора славистики и староанглийского языка.

Фридрих Мартин фон Боденштедт успел проверить свои способности в г. Мейнингене в качестве придворного театрального интенданта, а с 1874 г. переехал на жительство в Висбаден, где жил и работал до самой смерти в 1892 г. Публикация перевода «Песен Мирзы Шаффи» в 1851 г. выдвинула его в один ряд блестящих переводчиков не только произведений А.С. Пушкина, но и других русских прозаиков и поэтов — М.Ю. Лермонтова, И.С. Тургенева, А.В. Кольцова, А.А. Фета и др., которых узнала Германия. В 1854—1855 гг. свет увидело немецкое издание стихов А.С. Пушкина, которое наиболее полно представляло за рубежом творчество русского поэта-романтика в течение нескольких десятилетий. Этот одаренный писатель и переводчик пробовал себя в переводе персидских поэтов Хафиза и Хаяма, сонетов

В. Шекспира (1858–1860), Джона Вебстера, Дж. Форда, Дж. Лилии, Роберта Грина, Кристофера Марлоу, Томаса Деккера, Дж. Марстона и Томаса Роули (Четтертона). Жизнь и работа в России оказали ему неоценимую помощь в переводе с русского языка на немецкий в 1848 г. книги «Народы Кавказа и их освободительные войны против России» и «Тысяча и один день на Востоке».

Фридрих Мартин фон Боденштедт воздвиг нерукотворный памятник королю Максу II Баварскому изданием книжицы «Путешествие короля» (1879 г.), которое проходило на корабле по океанам — Атлантическому и Тихому — до берегов Англии и Америки. Живым языком повествования отличаются мемуары «Воспоминания о моей жизни» (1888–1890 гг.), которые обрываются 1850 годом [12].

Удачные переводы лирики А. С. Пушкина прославили русскую поэтессу немецкого происхождения Каролину Яниш (Павлову) (1807, Москва — 1893). Ее перу принадлежат пушкинские переводы: отрывок из поэмы «Цыганы», трагедия «Борис Годунов», повесть «Метель», несколько стихотворений, в том числе и известный «Пророк». Великий И. В. Гете уже в конце жизни познакомился со стихами А. С. Пушкина через переводы И. А. Жуковского, который посетил немецкого классика в Веймаре.

Произведения А. С. Пушкина в переводах оказали влияние на немецких литераторов и вызвали появление ряда трудов, посвященных России и восстанию Е. Пугачёва. Немецкий драматург Карл Гуцков, глава либерального движения «Молодая Германия», написал трагедию «Пугачёв», поэт Р. Прутц сложил балладу «Мать казака». Поэты А. Г. Гофман фон Фаллерслебен и А. фон Шамиссо заинтересовались балладой «Ворон к Ворону летит», созданной А. С. Пушкиным на основе шотландской баллады. Они выставили варианты переводов на суд критиков и читателей. Близким к подлиннику признана баллада, переведенная А. фон Шамиссо [13]. Известно, что повесть «Капитанская дочка» стала известна русскому читателю в 1836 г., что дальнейшее путешествие А. С. Пушкина в Оренбург и Уральск в сентябре 1833 г. оказало на писателя чрезвычайно плодотворное влияние. Оно достигло границ России и нашло свой отзвук в произведениях немецких литераторов после гибели автора.

В конце 40-х годов проявляется мастерство перевода Вильгельма Вольфзона, российского немца, уроженца г. Одессы (1820, Одесса — 1865, Дрезден). Он был драматургом, журналистом и переводчиком, ему принадлежит первенство в переводе повести «Капитанская дочка», опубликованной в 1848 г. Наиболее подробно о В. Вольфзоне, как о переводчике, изложено в статье проф. А. В. Федоровой [14].

Видимо, в заключении сообщения о немецких переводчиках XIX в. следует упомянуть о Фридрихе Фридриховиче Фидлере, выходеце из поволжских немцев [15]. Он родился 4 ноября 1859 г. в С.-Петербурге, умер 24 февраля 1917 г. в Петрограде. Его по праву считали одаренным литератором, пропагандистом русской литературы в Германии и удачным переводчиком стихов русских поэтов — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. К. Толстого, Н. А. Некрасова, И. Ф. Тютчева, С. Я. Надсона, комедии «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Ревизора» Н. В. Гоголя. Переводы Ф. Ф. Фидлера регулярно печатались на страницах столичной газеты «St. Peterburger Herald». Его антология «Русский Парнас» (58 авторов) увидела свет в 1889 г., в 1907 г. — «Русские поэтессы» (20 поэтесс), обе книги на немецком языке. Вот небольшой перечень переводов А. С. Пушкина за десять лет, с 1881 по 1891 гг.: «Борис Годунов», «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Русалка». Они были изданы универсальной библиотекой Филиппа Реклама в Германии.

Таким образом, с переводами стихов А. С. Пушкина на немецком языке общественность Германии начала знакомиться с 1820-х г. Первыми переводчиками были немцы-иностранцы, хорошо владевшие русским языком, и российские немцы, родившиеся и выросшие в России, знавшие в равной степени два языка и особенности русской культуры. Пик переводческой популярности приходился на середину XIX в. Самыми одаренными и плодовитыми переводчиками считались Р. Липперт, М. фон Боденштедт и Ф. Ф. Фидлер. Литературные переводы А. С. Пушкина способствовали взаимодействию и обогащению двух народов и двух культур: русской и немецкой.

Примечания

1. Федорова А. В. «Сон бабочки среди цветов», или История переводов повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко-литературном контексте: Третьи научные Пушкинские чтения. Оренбург, июнь 2011 г. Оренбург, 2012. С. 12—19; Бахарева О. Я. Перевод калмыцкой сказки из повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» на немецкий язык // Повесть А. С. Пушкина «Капитанская дочка» в историко-литературном контексте: Третьи научные Пушкинские чтения. Оренбург, июнь 2011 г. Оренбург, 2012. С. 181—187.

2. Берков П. Н. Пушкин в переводах на западноевропейские языки // Вестник Академии наук СССР. 1837—1937. Вып. 2—3. М. — Л., 1937. С. 220.

3. Он же. С. 221.

4. Он же. С. 223.

5. Википедия. Вульфферт Александр Евстафьевич. Интернет-ресурсы.

6. Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника»// Временник Пушкинской комиссии. Л., 1936. Т. 1. С. 290.
7. Википедия. Кавказская война. Интернет-ресурсы.
8. Ершофф Г. О двух первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Кавказский пленник».
9. «Ежегодник научной критики», «Научно-художественная литература русских».
10. Дубовиков А. Новое о статье Белинского «Парижские тайны». Интернет-ресурсы. С 480.
11. Ершофф Г. О. первых переводах на немецкий язык поэмы А. С. Пушкина «Цыганы» // Пушкин и русская литература. Рига. 1986. Интернет-ресурсы. С. 146.
12. Bodenstedt, Friedrich Martin von (seit 1867). Deutsche Biographie. Интернет-ресурсы.
13. Данилевский Р. О переводах поэзии и драматургии А. С. Пушкина на немецкий язык. С. 3. Интернет-ресурсы.
14. Федорова А. В. Указ соч. С. 15.
15. Нарбут А. Фидлер Федор Федорович // Немцы России. Энциклопедия. П–Я. Т. 3. С. 651.

Я ЧИТАЮ ПУШКИНА В ПОДЛИННИКЕ

Исибаси Томоко,
г. Токио, Япония

Первым классиком русской литературы стал для меня Ф. М. Достоевский, с его творчеством я познакомилась в Японии, прочитала произведения «Преступление и наказание», «Идиот», «Братья Карамазовы». В Японии очень многие читают русскую классическую литературу: Достоевского, Гоголя, Тургенева, Чехова и, конечно же, Пушкина.

Произведения Пушкина я стала изучать уже на российской земле, и была удивлена тому, что в его творчестве особое место занимают сказки.

Сказки А. С. Пушкина – это сюжетные произведения, в которых показан резкий конфликт, борьба между светлым и темным миром, в них добро побеждает зло, свет разбивает тьму. Примером этому может служить «Сказка о царе Салтане». Она была написана в 1831 г. и впервые напечатана в 1832 г. Это первая сказка Пушкина. В «Сказке о царе Салтане» А. С. Пушкин широко раскрыл русскую природу, русский характер, русский язык. Картины русской природы у писателя красочны, лаконичны, природа, словно живая: в природной стихии оживают предметы, значимостью обладает каждый звук:

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит,
В синем небе звезды блещут,
В синем море волны хлещут,
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет,
Ветер на море гуляет,
И кораблик подгоняет.
Море вздуется бурливо,
Закипит, поднимет вой,
Хлынет на берег пустой,
Разольётся в шумном беге...

А. С. Пушкин живописно описал русский характер, поступки, побуждения своих героев, раскрыл смысл взаимоотношений между людьми, изобразил человеческие чувства, мысли и желания, которые раскрывают характеры героев.

На протяжении всего повествования две свояченицы представляют собою злые силы:

В кухне злится повариха (злость),
Плачет у станка ткачиха.
И завидуют оне
Государевой жене (зависть).

Их речь и выражения соответствуют их характерам, при прочтении сказки невольно меняется интонация и тембр голоса:

Что тут дивного? Ну вот
Белка камушки грызет,
Мечет золото и в груды
Загребает изумруды.
Этим нас не удивишь...

С первых строк повествования становятся понятны цели и планы трех девиц, даже глагол, употребленный в речи двух первых девиц – «говорит», а у третьей девицы – «молвила», характеризует царицу как особу благородную, но слишком мягкую, слабовольную:

Кабы я была царица, –
Говорит одна девица, –
То на весь крещенный мир
Приготовила б я пир.
Кабы я была царица, –
Говорит ее сестрица, –
То на весь бы мир одна
Наткала я полотна.

Кабы я была царица, –
Третья молвила сестрица, –
Я б для батюшки царя
Родила богатыря.

Главный герой сказки – царь Салтан – натура добродушная, но очень противоречивая и нерешительная. На протяжении всей сказки собирается отправиться на остров:

Коль жив я буду,
Чудный остров навещу,
У Гвидона погощу.

Но свояченицы отвлекают его от этих мыслей и планов, царь же моментально об этом забывает. В силу своей нерешительности царь Салтан совершает свое путешествие лишь в конце сказки.

Также встречаются в сказке моменты, когда мы наблюдаем проявление вспыльчивости и мягкости характера царя:

Как услышал царь отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И хотел гонца повесить;
Но смягчившись, на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
«Ждать царева возвращения
Для законного решенья».

Настойчивость и вспыльчивость царя как правителя проявляется в сказке в редких случаях, чаще мы слышим о его печали, удивлении, спокойствии:

С ободренную душой
Царь пошел к себе домой (спокойный).

И в самом конце повествования мы удивляемся милосердию и добродушию царя:

Царь для радости такой
Отпустил всех трёх домой.

Темным силам в сказке противостоят светлые – царица, Царевна, лебедь, царь Гвидон. Соответственно итог сказки очевиден: добро побеждает зло. Сказка заканчивается счастливым концом: радостной встречей царя Салтана с женой и сыном. Завистницы прощены.

Изучая русскую филологию, я проанализировала язык «Сказки о царе Салтане». В произведении встречаются синонимы, сравнения, эпитеты, славянизмы, противопоставления, однокоренные слова, сложные слова, фразеологизмы, крылатые выражения.

Первое, на что мы обращаем внимание, — обращение к положительным героям сказки — девица, красна девица-сестрица, вдовица, батюшка царь, князь прекрасный.

Огромное количество раз встречаются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, усилительными частицами: удалец, диковинка, голубушка-сестрица, матушка, батюшка. Обращение же к отрицательным персонажам совершенно иное: тетка, повариха, ткачиха, баба Бабариха.

Встречаются в сказке фразеологизмы, крылатые выражения: слово реченька журчит, выступает будто пава; жена не рукавица: с белой ручки не стряхнешь и за пояс не заткнешь. Огромное количество эпитетов: «синее море», «тугой лук», «божий свет», «добрый путь».

В японской литературе много уникальных сказок, но ни одна из них не сравнится со сказкой А. С. Пушкина. В сказке русского писателя действия, картины динамично сменяют друг друга, красивая рифма делает ее музыкальной, благодаря чему произведение легко читается и воспринимается.

На мой взгляд, сказка А.С. Пушкина является подтверждением слов Н.В. Гоголя: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет. В нем красота и богатство русской природы, непостижимая широкая русская душа отразились в такой чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла».

ФОРМИРОВАНИЕ НРАВСТВЕННЫХ НОРМ У ПОДРОСТКОВ ПОСРЕДСТВОМ ИЗУЧЕНИЯ ОБРАЗА ПЕТРА ГРИНЁВА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»)

И. С. Харчёва,

Средняя образовательная школа «Экополис», г. Оренбург

Процессы преобразования в социально-экономической и духовно-нравственной сферах жизни российского общества обостряют потребность в формировании нравственных основ у подростков и указывают на необходимость активного участия в них учителя, способного приобщить своих учеников к духовным ценностям. В этой связи всё большую роль в воспитании личности приобретает изучение нравственных норм.

Литература является одним из важнейших средств формирования мировоззрения школьника, поскольку в каждом классическом произведении в том или ином виде затрагиваются проблемы нравственности. Так, в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» раскрывается тема поиска нравственных идеалов. Центральной проблемой, поставленной в произведении, является проблема чести и долга, определяющая действия главного героя Петра Гринёва. Среди нравственных ценностей честь и долг занимают особое место, поскольку они непосредственно касаются внутреннего мира личности, того мнения, которое складывается у окружающих о человеке, и той оценке, которую человек даёт самому себе [1].

Создавая повесть, А. С. Пушкин выбирает в качестве главного героя мемуариста, который должен отвечать многим требованиям. Рассказчиком-свидетелем избирается дворянин, для которого естественным было неприятие и осуждение восстания и всех мятежников. При этом в повести показана двойственность позиции Гринёва: осуждая и не принимая восстания, он принуждён свидетельствовать не только о кровавых расправах Пугачёва, но и о его человечности, гуманности, справедливости и великодушии. Важную роль при выборе рассказчика играют его нравственные качества. Он добр, честен, благороден — это черты его личности, определяемые вместе с тем его сословным воспитанием [2]. Гринёв-рассказчик дан в двух временных планах: семнадцатилетним юношей, только что начавшим военную службу, и пятидесятилетним мемуаристом, умудрённым опытом. Между ними не только временная, но и нравственная разница. И пятидесятилетний мемуарист, стараясь быть объективным, честно и правдиво рассказывает о прошлом.

Пётр Андреевич Гринёв воспитывается в обстановке высокой нравственности, а перед отъездом на службу получает завет от отца — «Береги платье снову, а честь — смолоду». Вся дальнейшая история Гринёва представляет собой выполнение этого отцовского завета, несмотря на трудности и ошибки.

Честь составляет важнейший элемент нравственного мира личности, его сокровенной внутренней жизни, закрытой для других и тщательно оберегаемой. Честь — основание нравственной культуры личности, которое побуждает к поступкам, истинные причины которых иногда могут быть непонятны окружающим. Честь требует от человека поддерживать репутацию, которой обладает он сам или коллектив, к которому он принадлежит, поэтому существуют понятия воинской чести, профессиональной чести и т.д. С данным понятием связаны обязательные для членов общества требования и жёсткие стандарты

поведения. И если для Гринёва-отца честь — это прежде всего честь дворянина и офицера, то Гринёв-сын, не отказываясь от подобного понимания, смог расширить понятие чести до человеческого и гражданского. В Петре Гринёве словно соединились доброе сердце матери и честность, смелость отца.

Первый раз главный герой поступил по чести, вернув карточный долг, несмотря на то, что Савельич пытался уговорить его уклониться от расчёта. Но человек чести всегда держит своё слово, при этом он добр и бескорыстен в отношении других. Эти качества проявились и в щедром подарке указавшему дорогу «мужичку», сыгравшему решающую роль в его дальнейшей судьбе.

Приехав на службу в крепость, Гринёв и здесь своим поведением показал верность заветам отца, он не изменил тому, что считал своим долгом и честью. Петру нравится общение с простой и честной семьёй капитана Миронова, ему неприятны сплетни и клевета Швабрина. Вызывая его на дуэль за оскорбительные слова о Маше, Гринёв поступает по совести, желая защитить девушку от клеветы.

Во время захвата крепости Гринёв не переходит на сторону Пугачёва, главный герой твёрдо знает, что его долг состоит в том, чтобы защищать крепость до последнего. Ни минуты не колеблясь во время атаки, он с одной лишь шпагой выходит за ворота крепости вместе со своими командирами, а в дальнейшем отказывается дать присягу самозванцу, несмотря на смертельную опасность. Во время разговора с Пугачёвым Гринёв твёрдо отвечает ему: «Я природный дворянин, я присягал государыне императрице: тебе служить не могу» [3]. Герой не может даже пойти на компромисс, пообещав, что не будет сражаться против Пугачёва.

Верный офицерскому долгу, Гринёв приезжает в Оренбург, пытается освободить Белогорскую крепость и спасти Машу Миронову, но командование не решается взять на себя ответственность за это. И в этой ситуации герой вновь демонстрирует себя как человека чести, но уже не офицерской. Понимая, что необходимо защитить Машу, Гринёв самовольно уезжает к Пугачёву. Несмотря на то, что происхождение подсказывает отрицательное отношение к «мятежникам», он в реально возникавших ситуациях больше доверял личным впечатлениям. Как дворянин Гринёв считал, что бунтовщик Пугачёв — злодей и враг, а как человек, испытавший на себе его милости, он, опираясь на собственный опыт, считал своим долгом сказать правду о Пугачёве, невзирая на то, что она противоречит официальному мнению.

Так, честь Петра Андреевича Гринёва вырастает из подлинной человечности, из чувства ответственности за близких. Он не может бро-

силь в плену у пугачёвцев отставшего на плохой лошади Савельича, он едет выручать девушку. При этом Гринёв не забывает и о своём воинском долге. Когда Маша освобождена, Пётр Андреевич отправляет её к своим родителям, а сам вступает в отряд Зурина, понимая, что нарушил устав.

Но вот Гринёв арестован и попадает на суд, его судьи поступают «по законам», они видят в герое только связанного с бунтовщиками политического противника, а не человека. А уверенность Гринёва в том, что ему удастся оправдаться, основывалась на ином основании — на чувстве человеческой правоты. С точки зрения дворянских законов Гринёв действительно виновен и заслуживает осуждения, приговор ему приносит не только дворянский суд, но и родной отец, так как, по мнению последнего, сын изменил дворянской этике. Поняв, что судьи не учитывают человеческую сторону его поступков, Гринёв прекращает самозащиту, поскольку боится впутать Машу в данный процесс [4].

Но герои не погибают: их спасает человечность. Машу спасает Пугачёв, который поступает так из человечности. А судьба Гринёва, осуждённого с точки зрения формальной законности дворянского государства справедливо, — в руках Екатерины II. Маша, приехав просить милости, а не правосудия у императрицы, спасает Гринёва.

Таким образом, на протяжении всей повести прослеживается нравственный рост главного героя. В начале своего произведения Пушкин задает исходную точку нравственного отсчета, ставя эпиграфом народную пословицу «Береги честь смолоду». Далее, по мере развития сюжета, для читателя вместе с главным героем постепенно открывается смысл этой народной мудрости; события, происходящие с Гринёвым, помогают обрести ему нравственную зрелость.

Примечания

1. Гуссейнов А. А. Этика. М., 2006. 547 с.
2. Макогоненко Г. П. Исторический роман о народной войне // А. С. Пушкин. «Капитанская дочка». Л., 1984. С. 200 – 232.
3. Пушкин А. С. Дубровский. Капитанская дочка: повести. Минск, 1971. С. 76 – 175.
4. Лотман Ю. М. Идеиная структура «Капитанской дочки». СПб., 1995. С. 212 – 227.

О ВЕЧНОСТИ СМЫСЛОВ ПУШКИНСКОГО ТЕКСТА...

Т. Ю. Скопинцева,

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

Хотя лично я сердечно привязан к государю, я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человека с предрассудками — я оскорблен, но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал.

Пушкин А.С. [1]

Российская современность обращает на себя внимание утратой ценностных оснований культуры: сложности простой артикуляции этой ценностной системы возникают не только у обывателя, но и у научной элиты. Этому посвящены несколько статей и обращений президента России. Восполнение этой утраты возможно через просветительские каналы, системы обучения, художественные тексты. Пушкинский текст в этом отношении беспредельно актуален.

Ценность русской традиции, своей культуры, семьи, жизни, служения государству наполняет текст «Капитанской дочки». Историческая специфика вдруг отступает на задний план и актуальность гения — *звук струны перебитый розами* — становится очевидна. Пушкинская мысль (не облеченная в философскую или политическую конкретику) следует за образом текста, его обращение к «роковым минутам» своей культуры раскрывает, «раскодирует» сумбурное, подчас кровавое действие — трагическую историю Руси—России.

Повседневность, к которой Александр Сергеевич Пушкин так внимателен, наполнена «русским духом», безыскусностью русского быта. Мир его героев гармоничен, старики добры, молодежь порывиста, прямодушна. Правители в лице своих лучших представителей мудры. Такая идеальная конструкция, казалось бы, свойственна мелодраме. Однако простая и безыскусная любовная коллизия становится прекрасным смысловым выражением русской культуры. Идеальное художественное пространство с образцовыми моделями поведения противостоит *настроениям* реального мира. А. С. Пушкин не зря пересказывал народные сказки — его мышление сформировано мифопоэтическими образами русской культуры. Содержание раскрывает нам пушкинскую оценку исторической реалии — её смысловой конструкт, её ценностный ряд. Это поэтизированные кристаллы пушкинской философии. Пушкин знает европейскую традицию. Его гражданское чувство высоко: оно не поглощено привлекательной и обустроенной Европой, наполнено

русской традицией. Ценностью жизни в своем мире, в окружении соотечественников, в простоте организации русского быта любителю поэт. Проблема традиций семьи в её русской, особой, крестьянского типа форме не остается без внимания. Герой «Капитанской дочки» сам принадлежит такой семье.

Отец Петруши Гринёва служил, вышел в отставку, жил в своей Симбирской деревне, где и «женится на девице Авдотье Васильевне Ю., дочери бедного тамошнего дворянина». Герой повести был единственным ребенком у своих родителей (его братья и сестры умерли во младенчестве). Мир семьи Петруши Гринёва (свой мир) не отличался разнобразием. Из этого однообразия хотел вырваться Петруша — его влекло туда, где есть «удовольствия петербургской жизни». Однако финал повести возвращает его в привычный семейный мир, который становится для него и необходимым, и достаточным.

Сложившийся тип русской культуры предполагает границы родовой социальности — *свой мир* и традиционность как его принцип. В этих пределах сформировался русский этнос и национальные характеристики России. Выход за пределы традиционного уклада, иной путь развития, культурность по преимуществу, «где нет ни эллина, ни иудея», не свойственен русскому крестьянству. Война 1812 г. показала, что и дворянство приобщено к этой традиционной ценностной системе. Принципы единого русского мира отражены в менталитете и становятся определяющим началом при любом историческом выборе (в выборе «ответов» на «вызовы» истории). Россия на основе такого выбора культурности (в форме православия) обрела национальный характер, выходящий за пределы этничности. Это стало основой российской имперской и советской формы культуры.

Русскому миру свойственна традиционность. Традиционность — это следование традиции, универсальная форма, способ, смысл бытия на определенной ступени общественного развития. Традиционность проявляется при выходе за пределы природности, раскрывается в смысло-образных вариациях космогонических *констант* традиции (постоянных, устойчивых во времени величин). В них традиционные формы всегда узнаваемы, неповторимы и универсальны: это вера в вечность и неизбежность своего мира, простота общения и человеческое достоинство, устойчивость уклада в быту крестьянского типа, взаимопочтение, служение российскому государству. Эти установки получили развитие в российской культуре. К традиционным, мифологизированным конструктам русской культуры мы обращаемся и в обыденности, и в официальной жизни. Знаки и смыслы культуры как оформление её самочувствия проявляются в жизни человека и государства. Каждое

новационное решение насущных проблем культуры оживляет эти традиционные, исторически обусловленные знаки и смыслы. Их тонко чувствует автор «Капитанской дочки».

Ирония проступает в рассказе об «образовании» Петруши Гринёва. На руках «дядьки» герой на двенадцатом году выучился грамоте «и мог очень здраво судить о свойствах борзого кобеля». Это «семейная» форма воспитания и обучения заслужила улыбку и вовсе не порицается. В этом Пушкин традиционист!

Вопрос «Что есть знание?» народная традиция никогда не рассматривает. Наблюдение за русской деревенской культурой порождает впечатление, что она оберегает от знания человека. Знание в форме теоретической образованности, научное знание как замкнутое, самодовлеющее образование, в его специально научных формах в народной традиции отсутствует. «Знать» — это форма ведовства, знахарства, связанная с традиционной жизнью. Ведовство, колдовство, жреческая культура — это погруженность в традиционную мифологию, свободное владение собственным (персонализированным, индивидуальным) мировидением. В отличие от этого, русский человек — коллективист. Условные, мифологические, познавательные образы, свойственные архаической народной традиции, своеобразные «поисковые модели, средства для достижения объективно верного знания о мире» [2] неизмеримо богаче прагматики действительной, бытовой практики и строгости научной конструкции. Все познанное в традиционной жизни и обрядовом действии присоединяется к *своему* социальному миру (вписывается в свое социальное пространство). Такое знание обретает культурный герой русских традиционных текстов. Таким знанием обладает Петруша Гринёв.

Осторожность в общении со знанием и знатоками ещё сохранена в современной российской традиции. В русской деревне многозначка — чужак или колдун. Легкая насмешка над тягой познать неизведанное, настороженность по отношению к теоретизированию, видимое отсутствие каких-либо сложных теоретических выкладок обычны в народной, по преимуществу сельской, традиционной культуре [3]. Более поздние стадии и более высокие темпы наращивания знания (в его традиционных и новационных формах) выделили «особую область научного знания», но в силу доминирования в ней нетрадиционного (новационного) начала, отличающего эту сферу от традиционной, табуировали её для народной культуры. Не «заканчивавший академий» (незнайка) Петруша Гринёв проявляет завидную смекалку в самых сложных жизненных ситуациях. Таковы и остальные герои «Капитанской дочки». След этого снисходительного отношения к знанию и учености сохра-

нен и в наши дни. Исследование этого феномена дано Б. А. Успенским в работах по языковой культуре Московской Руси [4].

Традиционная ценность семейного уклада оценивается автором очень высоко. Не европейское городское начало, так знакомое Пушкину, а старорусский принцип взаимодействия в семье с теплотой и любовью раскрывается в тексте. Муж и жена Мироновы — «люди самые почтенные». Иван Кузмич «из солдатских детей», «человек необразованный и простой, но самый честный и добрый». В семейных отношениях он беспечен, все дела, и служебные, и семейные, по-хозяйски обустроивала жена: «управляла крепостию так точно, как и своим домком». Такой способ семейной жизни не только не осуждается автором, но и вызывает его глубокую симпатию. Современный официальный взгляд на эту проблему пушкинской позиции не соответствует, хотя на быденном, домашнем уровне такая практика сохранена.

Повседневный мир семьи входит в число самых труднодоступных для различных преобразовательских акций. Силовая форма решения государственных проблем (не опирающаяся на существующие, закреплённые в традиции и в семейной практике ценности) характеризует кризисные (переходные) формы культуры. Практики идеализации «правильной» советской семьи гармоничному «пушкинскому» типу семьи не существует. Со времени активной направленности на европейский (в особой, русской транскрипции) путь семья с её крестьянским устоем не принималась во внимание политиками и реформаторами. Это противоречило традиции, тонко отмеченной в пушкинском тексте, и снижало статус семейной культуры.

Кризис общекультурных ценностей, которым завершалась каждая культурная эпоха, безусловно, отражался на семейном укладе, однако культурные трансформации, служащие его разрушению, смягчались размахом российских пространств (ширью) и российской привычкой к неисполнительству установлений, продиктованных государством, — неторопливому «авось да небось». В период кризисов и потрясений в течение долгого времени традиционный устой сохранялся в глубинных (далеких от центра) селах, которые представляли большую часть Руси и России.

Особо можно отметить роль женского начала, женскую роль в культуре. Для русской традиции женская природа — ведущая, определяющая. Мифология выделяет роль женщины, ставит её в центр развития событий. Именно таким образом раскрываются сюжеты значительного числа русских сказок. Традиционный взгляд свойственен автору «Капитанской дочки». «Муж и жена един дух и едина плоть» — констатирует поэт. Хозяйская женская рука уместна в любых жизненных коллизиях. По-хозяйски распоряжается жена в доме и наказывает так, что-

бы лишь почувствовали строгость и имели возможность исправиться. Рассадить по разным углам на хлеб да на воду, просить отца Герасима наложить на нарушителей эпитимию, заставить молить у Бога прощения да каяться перед людьми – вот её действенные инструменты исправления нарушений традиции. В отличие от этого современная оценка исторического опыта постоянно обращается к «патриархальной» модели. По сложившейся официальной привычке к идеализации её используют для моделирования современного семейного поведения, и хоть «Золушки» под эту «туфельку» не находится, это не смущает современных реформаторов. Обратившись к истории, мы можем выявить трансформацию этой культурной формы семьи, не самой древней и не самой устойчивой.

«Патриархальная» модель семейных отношений связана с универсальным представлением о мироздании и противостоит бинарным (христианизированным, но *слитым* с язычеством, *диалогным*, традиционным по определению Б.Успенского) *до-московским* представлениям о мире. Мощь язычества, господствовавшая в русской культуре, деревенской по преимуществу, определила семейное поведение. Языческая парадигма характеризовалась достаточной степенью элитарности. О взаимоотношениях в семье Руси домосковского периода рассказывают пришедшие из той эпохи тексты: сказочные и мифологизированные повествования. Эти тексты говорят о высоком статусе женщины, паритарности супругов и значительной свободе детей. Все подобные образцы семейного поведения можно найти в детальном анализе русской сказки В.Я. Проппом. Народные художественные тексты, сохранившие образцы отношения в семье, характерные для культуры последующих эпох, хорошо знает Пушкин.

Историческая оснастка и органика закрепления традиции в культуре создают достаточно прочный «культурный каркас» семьи. Он не всегда комфортен для домочадцев, однако в своем «неудобстве» приспособлен к защите от внешних «атак». Беспомощность «хозяина семьи», мужчины, который в рамках официальной культурной традиции представляет её на социокультурном ландшафте, по существу показывает «обманку» семейного мифа. На самом деле семейная культурная конструкция на бытовых уровнях привычно функционирует в «обратном режиме», традиционном, заявленном в сказочных и мифологических текстах. Культурный центр семейной конструкции «смещается» за пределы какого бы то ни было внешнего регулирования. С помощью государства реконструируются развалины патриархальной семьи. Однако на скрытом, *подводном* уровне «семейного айсберга» уже сложилась и функционирует иная модель [5].

Среди традиционных сущностных смыслов ведущее место принадлежит смыслу живого — жизни. Жизнь как целостная категория народной традиции обнаруживает себя в «традиционном антропологизме». В нем, через смысл *живого* и поэтому природного, в первую очередь рассматривается *свое* жизненное пространство и *своя* целостность мира. Все прочие категории попадают под характеристики *иного*, не своего мира. Так складываются формы и образы *своих* (базовых) ценностных основ. Они всегда более значительны в сравнение с не-своими мирами и не-своими людьми. *Иные* — всегда вспомогательны. Однако через *иное*, как специфическое логическое отстранение от *своего* мира, человек становится субъектом *своей* культуры. Традиционная образность облекает *свою* жизнь *своими* формами. Этот процесс сопровождал рождающуюся и формирующуюся традиционную избыточность форм — традиционную культурность — и всегда характеризует мир традиционной культуры.

Сохранение жизни — это ценность живого. Его защита — важная составляющая традиционного мира. Защита жизни и отечества — долг каждого. Уклонение от такого долга невозможно в традиционном мире. Герои «Капитанской дочки» готовы защищать крепость «до последнего издыхания». Тот, кто покушается на жизнь, — злодей. Жизнь сохраняет традиционная социальная организация. Социальность, целостность и всеобщность в народном, традиционном подходе, это, прежде всего, *своя* социальность и *своя* традиционная жизнь в заданных «своих» смыслах и формах. Там, где сформировался *свой* социум, действует *своя* народная традиция. В отличие от этого, когда в силу вступает общественный договор, начинает формироваться жизнь, основанная на новациях договоров, соглашений и подчинения силе. В этом случае складывается иное, нетрадиционное, избыточное по отношению к традиции, но необходимое в данных условиях, новое отношение к жизни. На этом пути на первый план выходят иные приоритеты, в том числе и не обеспечивающие наиболее благоприятное функционирование *своей* жизни.

Гармония пушкинского текста наполнена традицией. Мудрость смыслов и культурных форм, рожденных на традиционном пути, не познана в должной мере нашими современниками. Русская культура, существование «русскости» с идеями государства, особого русского православия занимает сегодня не только фольклористов и исследователей. Вспоминая известные статьи русского этнографа Д. К. Зеленина, можно говорить о «естественном» отмирании старых культурных форм, прежде всего сельской культуры России. «Между тем, переходные эпохи — ступени к чему-то новому и — если верить в прогресс и смысл

жизни – к лучшему», – писал Д. К. Зеленин [6]. Мощный потенциал обновления традиционной формы позволил ей сохраниться до нашего времени. Однако гармония мира культуры, свойственная гению А. С. Пушкина, и оптимизм Д. К. Зеленина, описывающего русскую культуру начала XX века, сегодня вряд ли состоятельны. Сегодняшнее состояние культуры требует саморефлексии. Это возможно и обязательно случается при встрече с пушкинским текстом.

Примечания

1. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. В 10 т. Л., 1977 – 1979 [<http://pushkin.niv.ru/pushkin/pisma/782.htm>]

2. Теория познания. В 4 т. Т. 2. Социально-культурная природа познания / под ред. В. А. Лекторского, Т. И. Ойзермана. М., 1991. С. 14, 19, 44 – 46.

3. К сожалению, такая традиция упрощения сегодня подчас на вооружении не крестьянина-обывателя, а руководящей страной элиты.

4. Успенский Б. А. Отношение к грамматике и риторике в Древней Руси; Его же: Языковая ситуация и языковое сознание в Московской Руси // Успенский Б. А. Избранные труды. Т. 11. Язык и культура. 2 изд., испр. и доп. М., 1996. С. 5 – 64.

5. Если модель семьи представить как центр, где воплощаются природно-культурные характеристики, во-первых, аффектные, реализующие потребность в самовыражении в сложившихся культурных формах, во-вторых, природные, продолжающие человеческую природу, то можно следующим образом «проиграть» её динамику.

Семейная конструкция имеет свой центр (обеспечивающий деторождение и сохранение жизни в семье), оснащенный традицией.

В русской модели жизнеобеспечение и аффектоно-культурной и природной составляющих семейного конструкта традиционно лежало на женщине.

В случае государственных манипуляций, переносящих акцент внешне-го жизнеобеспечения на мужчину, культурный центр, имеющий феминную «окраску», не перестаёт функционировать.

Живое, органичное начало семьи с теми задачами, которые мы выделили выше, уходит из-под силового давления. Живое зерно «всходит» на не свободном от контроля *неудобье*. То, что остаётся под силовым прессингом маскулинного типа государственной культуры (увы!), теряет жизнеспособность.

Современная «семья» с теми задачами, которые мы выявили, имеет «женский лик», неуправляема и неподконтрольна – она только обретает культурную форму. Ни в каком подходе «дикая, природная сущность новой формы семьи» не способна решить задачи современной демографии. Она лишь обретает культурный облик, который предпочитают не замечать, обихаживая и удобряя привычное, но уже умирающее «дерево» семьи московско-советского типа.

6. Зеленин Д. К. Избранные труды: статьи по духовной культуре. 1910 – 1913. М., 1994. С. 28 – 29.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Адаева Альбина Рашидовна, соискатель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Алахвердиева Лидия Кириковна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Ростовского государственного строительного университета

Ализада Мохаммад Шах, г. Кабул, Афганистан

Аден Абдулрахман Мохаммед, г. Джибути, Республика Джибути

Аминов Рафик Гибадрахманович, директор музея А.С. Пушкина в с. Шабагиш, Республика Башкортостан

Бахарева Ольга Яковлевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета

Бекасова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Беньковская Татьяна Екимовна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания литературы Оренбургского государственного педагогического университета

Бобылева Анна Александровна, кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Брагиров Глеб Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургской государственной медицинской академии

Ветлугина Фарида Ахатовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии и психологии личности Оренбургского государственного университета

Ву Ле Куен, г. Ханой, Вьетнам

Гладилин Михаил Сергеевич, старший научный сотрудник Государственного историко-литературного музея-заповедника А.С. Пушкина «Захарово-Вязёмы», г. Одинцово, Московская область

Голованов Игорь Анатольевич, доктор филологических наук, доцент кафедры литературы и методики преподавания литературы Челябинского государственного педагогического университета

Голованова Елена Иосифовна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Челябинского государственного университета

Дорошева Ольга Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Досковская Ольга Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета

Дубинин Александр Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры культурологии Оренбургского государственного университета

Дюсупова Любовь Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета

Жилиева Елена Федоровна, студентка 4 курса специальности библиотечно-информационной деятельности Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей

Иванова Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Исибаси Томоко, г. Токио, Япония

Камскова Татьяна Александровна, кандидат педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой Оренбургского государственного института искусств им. Л. и М. Ростроповичей

Катермина Вероника Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Кубанского государственного университета, г. Краснодар

Кузнецова Юлия Владимировна, преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Матяшева Вера Александровна, соискатель кафедры английской филологии Кубанского государственного университета

Мохаммед Али Касим Мохаммед, г. Багдад, Ирак

Надршин Фарит Мадарикович, старший преподаватель кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Ндахируа Дезире, г. Кигали, Руанда

Палкин Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук, научный сотрудник Уральского отделения Института степи Российской академии наук

Панина Лидия Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета

Панина Татьяна Сергеевна, директор Центра документации новейшей истории Оренбургской области

Потапова Алёна Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Прокофьева Алла Георгиевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры русской классической литературы и методики преподавания Оренбургского государственного педагогического университета

Синкина Евгения Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Оренбургского государственного педагогического университета

Скопинцева Татьяна Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры культурологии Оренбургского государственного университета

Судоргина Татьяна Владимировна, главный специалист комитета по делам архивов Оренбургской области, заслуженный работник культуры Российской Федерации

Тоёкава Коити, профессор Токийского университета Мэйдзи, Япония

Устинова Ольга Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Фёдорова Алла Владимировна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета, академик Петровской академии наук и искусств

Хохлова Татьяна Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории Отечества Оренбургского государственного аграрного университета

Харчёва Инна Сергеевна, кандидат педагогических наук, учитель русского языка и литературы средней образовательной школы «Экополис»

Ян Боян, г. Шицзячжуан, Китайская Народная Республика

ПАМЯТИ ДРУГА

Одним из создателей этого сборника является Лидия Сергеевна Панина (1948 – 2013). Её статьи о русском языке и культуре речи хорошо известны. Их отличает глубина мыслей, точность приведённых фактов, лёгкость увлекательного изложения. Прекрасный педагог, Лидия Сергеевна была в высшей степени одарённым организатором. Её помощь в подготовке и проведении Пушкинских чтений, которые явились знаковым событием в духовной и культурной жизни Оренбурга, трудно переоценить. Приезжая в историко-литературный музей «Капитанская дочка», мы должны помнить о том, что здесь – знания, напряжённый труд, душа Лидии Сергеевны. Всё, сделанное ею, останется в умах и сердцах читателей и почитателей Пушкина. Те же, кто знал и любил Лидию Сергеевну, будут всегда помнить об этом интеллигентном и добром человеке.

А.В. Фёдорова – директор историко-литературного музея «Капитанская дочка», профессор

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. В. Федорова</i> Музей литературных героев	3
<i>А. Г. Палкин</i> Современный взгляд на личность и деятельность Е. Пугачёва	14
<i>Бу Ле Куен</i> А. С. Пушкин – историк	22
<i>М. С. Гладилин</i> Социально-политическая реальность в романе А.С.Пушкина «Капитанская дочка»	25
<i>Т. С. Панина</i> Пётр III, Пугачёв, самозванцы	33
<i>Тоёкава Коити</i> Участники сражения под Татищевой крепостью	41
<i>А. Н. Потапова</i> Судьба Афанасия Соколова и образ Хлопуши в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	48
<i>О. А. Дорошева</i> В РЯДАХ ПОВСТАНЦЕВ	56
<i>Ф. М. Надршин</i> «О башкире-певце и бесстрашном бойце...» (О личности Салавата Юлаева)	59
<i>О. Ю. Устинова</i> Екатерина II: исторический портрет	68
<i>Мохаммед Али Касим Мохаммед</i> «Русский бунт» глазами иностранцев	71
<i>А. В. Федорова</i> Капитанская дочка Прасковья Луполова	75
<i>Т. В. Судоргина</i> Вице-губернатор Оренбургский Л.А.Пушкин. Последние годы жизни (1917 – 1920 гг.)	82

<i>Г. Б. Брагиров</i> К проблеме сохранения и освоения драматургии А.С. Пушкина в репертуаре театров Оренбуржья в 20 – 30-е гг. XX в.	86
<i>Е. В. Синкина</i> Образ Пугачёва в изобразительном искусстве. «Пугачёв» художника Е. П. Бояринцева	92
<i>Т. А. Камскова</i> Кинорежиссер Александр Анатольевич Прошкин	97
<i>Ю. В. Кузнецова</i> Владимир Машков – исполнитель роли Е. Пугачёва в кинофильме «Русский бунт»	98
<i>Ф. М. Надршин</i> Исследователь пугачёвщины из страны восходящего солнца	102
<i>А. Н. Дубинин</i> В.И. Даль и А.С. Пушкин в Оренбурге: источниковедческий аспект и состояние краеведческих исследований	106
<i>Е. Ф. Жиляева</i> Автографы современников Пушкина: книги из собрания Государственного музея А. С. Пушкина	113
<i>А. Р. Адаева</i> Отражение Пугачёвского бунта в мордовских народных песнях	116
<i>Р. Г. Аминов</i> Историко-литературный музей А.С. Пушкина деревни Шабагиш в Республике Башкортостан	120
<i>Е. И. Голованова</i> Личность у Пушкина	126
<i>В. В. Катермина</i> Имя собственное как элемент портретной характеристики персонажа (на материале повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка»)	137
<i>Л. К. Алахвердиева</i> «Старинные люди» в повести «Капитанская дочка»	140

<i>Л. В. Дюсупова</i>	
Структурная типология портретных характеристик в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	142
<i>Ализада Мохаммад Шах</i>	
Поединок характеров в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (образы Гринёва и Швабрина)	146
<i>Т. А. Хохлова</i>	
Отображение русского народного сознания в образах героев повести «Капитанская дочка» А. С. Пушкина	148
<i>Л. В. Иванова</i>	
Об особенностях структуры повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» ..	153
<i>Ян Боян</i>	
Об одной особенности портретной характеристики Пугачёва в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка»	157
<i>О. В. Досковская</i>	
Антитеза как компонент идиостиля А. С. Пушкина в романе «Капитанская дочка»	161
<i>И. А. Голованов</i>	
Пугачёв и поиски героя эпохи в русской литературе (от Пушкина до Платонова)	166
<i>В. А. Матяшева, В. В. Катермина</i>	
Имя собственное в произведениях А.С. Пушкина	171
<i>Е. Н. Бекасова</i>	
Феномен домашнего воспитания в творчестве А.С. Пушкина. Недоросль митрофанушка Гринёв?	175
<i>Аден Абдулрахман Мохаммед</i>	
Два поколения в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка»	182
<i>Т. Е. Беньковская</i>	
Роман А.С. Пушкина «Капитанская дочка» в оценке Н.И. Черняева (1853 – 1910)	184
<i>А. Г. Прокофьева</i>	
Проблемы пушкиноведения в исследованиях Н. В. Измайлова в оренбургский период его жизни и деятельности	188

<i>Ндахируа Дезире</i>	
Г. О. Винокур о языке исторического романа А. С. Пушкина	192
<i>А. А. Бобылева</i>	
Ю. М. Лотман – один из исследователей творчества А. С. Пушкина	196
<i>Л. С. Панина</i>	
Некоторые особенности речи героев романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» как зеркало русской национальной культуры	200
<i>Ф. А. Ветлугина</i>	
От гуманистических идей в творчестве Пушкина к гуманистическому подходу К. Роджерса	209
<i>О. Я. Бахарева</i>	
Немецкие переводчики А. С. Пушкина XIX века	212
<i>Исибаси Томоко</i>	
Я читаю Пушкина в подлиннике	218
<i>И. С. Харчёва</i>	
Формирование нравственных норм у подростков посредством изучения образа Петра Гринёва (на материале повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка»)	221
<i>Т. Ю. Скопинцева</i>	
О вечности смыслов пушкинского текста...	225
Сведения об авторах	232
Памяти друга	235

Научное издание

Портретная галерея повести А.С. Пушкина
«Капитанская дочка»

Четвертые научные Пушкинские чтения

Тех. редактор М.Н. Рябова
Корректор Н.А. Иванов

Подписано в печать 20.05.2013. Формат 60×84/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 13,95.

Тираж 120 экз. Заказ № 6509.

Отпечатано в Издательском центре ОГАУ.
460014, г. Оренбург, ул. Челюскинцев, 18. Тел. (3532) 77- 61-43